

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Кубанский государственный университет»**

На правах рукописи

Сизо Заур Махмудович

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ
ПАНДЕМИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Специальность 5.1.4 – «Уголовно-правовые науки»

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

**Научный руководитель: заслуженный
юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
Коняхин Владимир Павлович**

Краснодар 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ГЛАВА 1. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.	21
1.1. Эпидемия в мировом масштабе (пандемия) и механизм уголовно-правовой охраны: теоретико-методологические проблемы.....	21
1.2. Особенности реализации механизма уголовно-правовой охраны в условиях пандемии по законодательству зарубежных стран.....	43
ГЛАВА 2. РЕАЛИЗАЦИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ, В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ.....	70
2.1. Особенности и проблемы реализации уголовно-правовой нормы о крайней необходимости в условиях пандемии	74
2.2. Особенности и проблемы реализации уголовно-правовой нормы об обоснованном риске в условиях пандемии.....	98
ГЛАВА III. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ, И ПРОБЛЕМЫ ИХ КВАЛИФИКАЦИИ	117
3.1. Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207 ¹ УК РФ)	118
3.2. Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207 ² УК РФ).....	136
3.3. Нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ).....	151
Заключение	172
Список литературы	187
Приложение	210

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Развитие права и правовой науки имеет непрерывный и последовательный характер. При этом право как бы следует за социальными изменениями, реагирует на них, при необходимости начинает «участвовать» в новых общественных отношениях, опосредуя ранее не существовавшие практики субъектов. Лишь в отдельных, и по большому счету, исключительных случаях право берет на себя функцию по проектированию и созданию социальных связей. Государство тем самым пытается, не имея фактической социальной основы, сформировать новый (полезный / необходимый) тип отношений. Серьезнейшее влияние на право оказывают также социальные потрясения (войны, «экономические депрессии», пандемии и др.). Периоды высочайшего напряжения провоцируют, конечно же, мобилизацию всех социальных институтов, но «рубцы» лихих времен очень долгое время сохраняются и рельефно проступают именно в сфере права и правовой науки. Происходит это по той простой причине, что преодоление какого бы то ни было бедствия требует срочного выстраивания новых стандартов массового поведения, что нереализуемо без правового регулирования и принуждения.

Пандемия новой коронавирусной инфекции (Covid-19) – это, вне всяких сомнений, один из печальнейших и сложнейших периодов мировой истории. Ее негативные последствия отразились на всех уровнях общества. Помимо чудовищных гуманитарных последствий пандемия вызвала экономическую стагнацию, спад производства и безработицу, обострила «тлеющие» политические конфликты. На микроуровне самоизоляция породила множество проблем индивидуального свойства: депрессию, отчужденность человека, увеличение недоверия и агрессии.

Однако, как известно, любой кризис несет с собой не только потери, но и новый этап развития, когда человек, просто чтобы выйти из состояния опасности, должен совершить очередной рывок в науке, а, возможно, и

переосмыслить отношение к базовым ценностям, окружающему миру. Массовая культура давно отметила, что время великих потрясений, это, как правило, и время стремительного культурного подъема, когда создаются новые направления в литературе и искусстве. В этом смысле пандемия Covid-19, конечно же, имела свое влияние на право. Она поставила задачи, которые потребовалось решать быстро и творчески. В результате мы наблюдаем существенные изменения в трудовом, гражданском, налоговом и уголовном праве.

Уголовное право сыграло весомую роль в преодолении пандемии в России. С момента принятия первых решений по объявлению самоизоляции в стране явным образом высветилась проблема их надлежащего правового обеспечения, в том числе средствами принуждения. Поддержание массовой дисциплины по соблюдению карантинных ограничений стало фактором спасения миллионов граждан и поддержания внутренней стабильности. Это и послужило отправной точкой к оперативному реформированию уголовно-правовой нормы о нарушении санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ). Уголовно-правовой механизм потребовалось задействовать и для борьбы с массовым распространением дезинформации о пандемии и мерах по ее преодолению. Следуя рекомендациям международных организаций, понимая, что борьба с вирусом идет и в головах граждан, отечественный законодатель дополнил Особенную часть УК РФ ст. 207¹ и 207². Надо признать, что указанные нормы еще обстоятельно не разработаны в отечественной науке. До настоящего времени полноценно не осмыслены и последствия «ковидной модернизации» ст. 236 УК РФ.

В правоприменительной практике 2020 – 2022 гг., сложившейся некоторым образом по ст. 207¹ УК РФ, отсутствующей по ст. 207² УК РФ и получившей совершенно новое направление по ст. 236 УК РФ, можно обнаружить довольно много дискуссионных решений. Сами правоприменители отмечают, что несмотря на известные и крайне

своевременные рекомендации и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, вопросов с «пандемийными нормами» остается много.

Пандемия SARS-CoV-2 «вернула» отечественной науке уголовного права проблемы в сфере института обстоятельств, исключающих преступность деяния, которые по прошествии лет по каким-то причинам стало неудобно обсуждать и соответственно принято замалчивать. Однако нехватка медицинского оборудования, медикаментов и персонала самым жестоким образом поставила вопрос о применимости правила крайней необходимости к случаям выбора врача, кому оказывать помощь, исходя из вероятности положительного исхода и «ценности жизни». Равным образом это проявилось и в аспекте обсуждения нормы об обоснованном риске применительно к практике неполного лабораторного исследования и внедрения вакцин от новой коронавирусной инфекции.

Пандемийная трансформации российской уголовной политики, пожалуй, не завершена. Согласно концептуальным прогнозам развития Российской Федерации в ближайшие годы влияние ряда социально-политических, экономических, технологических и иных процессов приведет к появлению очередных вызовов и угроз внутренней и внешней безопасности. Это в свою очередь может предполагать совершенно новый уголовно-политический вектор развития, рассчитанный на действие механизма уголовно-правовой охраны в исключительных (экстремальных) условиях. Полагаем, что данная проблема требует самого пристального внимания и широкого обсуждения среди профессионального сообщества.

Степень теоретической разработанности темы исследования. На диссертационном уровне исследований, посвященных теоретическим и прикладным проблемам уголовно-правового регулирования пандемии, ранее не проводилось. В этом смысле полагаем, что настоящая рукопись может претендовать на первенство. В отечественной литературе можно обнаружить лишь отдельные работы, которые пересекаются с объектом исследования.

Так, вопросы реализации обстоятельств, исключających преступность деяния (в том числе в экстремальных условиях), рассматривались в работах Н.Н. Аськова, В.А. Блинникова, А.П. Дмитренко, А.А. Дорогина, О.С. Капинус, А.Г. Кибальника, В.В. Меркурьева, С.В. Пархоменко, И.А. Тараканова, Г.С. Шкабина и др.

Уголовная ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ) выступала самостоятельным объектом исследования немногих диссертаций. Так, можно упомянуть работы В.Ю. Ряднева (2004), С.С. Власенко (2011), М.С. Иващенко (2012). Строго говоря, непосредственно изучению ст. 236 УК РФ посвящена только работа В.Ю. Ряднева. В редакции от 1 апреля 2020 г. данная норма прокомментирована на уровне публикаций в журналах и сборниках статей (Ю.В. Баглай, А.А. Бимбинов, Е.Н. Ермолович, В.А. Казаков, О.В. Карягина, А.В. Колоколов, Ю.С. Норвартян, И.О. Ткачев и др.).

Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации (ст. 207¹ УК РФ) и этой же информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207² УК РФ), отдельно на монографическом уровне не разрабатывалась. На настоящий момент можно выделить лишь ряд обстоятельных статей К.А. Волкова, М.А. Ефремовой, И.О. Ткачева, Д.Д. Харламова и др.

Отмечая несомненную значимость названных работ, их глубокий характер, следует признать, что уголовно-правовое регулирование в условиях пандемии как самостоятельная научная проблема в отечественной науке уголовного права должным образом не разработано.

Цель диссертационного исследования заключается в научном разрешении малоизученных теоретико-прикладных вопросов уголовно-правового регулирования в условиях мировой эпидемии (пандемии).

Достижение поставленной цели потребовало постановки и поэтапного решения следующих исследовательских задач:

– изучить влияние пандемии Covid-19 на отечественный механизм уголовно-правовой охраны;

– исследовать зарубежный опыт уголовно-правового регулирования в условиях пандемии Covid-19;

– обстоятельно раскрыть особенности и основные проблемы реализации уголовно-правовых норм о крайней необходимости (ст. 39 УК РФ) и обоснованном риске (ст. 41 УК РФ) в условиях пандемии Covid-19;

– представить полную уголовно-правовую характеристику составов преступлений, предусмотренных ст. 207¹ и 207² УК РФ, уточненную и дополненную уголовно-правовую характеристику состава преступления, предусмотренного ст. 236 УК РФ, конкретизировав содержание его конструктивных признаков;

– на основе изучения правоприменительной практики в период пандемии Covid-19 выявить основные проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 207¹, 207² и 236 УК РФ, сформулировать рекомендации по их разрешению;

– обосновать предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие в рамках уголовно-правового регулирования (применения ст. 39, 41, 207¹, 207² и 236 УК РФ) в условиях пандемии Covid-19.

Предмет исследования образуют: особенности уголовно-правового регулирования в условиях пандемии Covid-19; правомерные деяния, причиняющие вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям в ситуациях крайней необходимости или обоснованного риска в условиях пандемии Covid-19; преступления, связанные с «инфодемией» (ст. 207¹ и 207² УК РФ) и нарушением санитарно-эпидемиологических правил в условиях пандемии Covid-19 (ст. 236 УК РФ), признаки составов этих преступлений; основания, критерии и средства дифференциации

уголовной ответственности за указанные преступления; проблемы их квалификации.

Нормативную базу диссертационного исследования составляют международные акты, Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», Постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 715 (в ред. Постановления от 31 января 2020 г. № 66) «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих», Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 22 мая 2020 г. № 15 об утверждении СП 3.1.3597-20 «Профилактика новой коронавирусной инфекции (Covid-19), СП 3.4.2318 «Санитарная охрана территории Российской Федерации», СП 3.1/3.2.3146-13 «Общие требования по профилактике инфекционных и паразитарных болезней», нормативные акты региональных органов власти о введении режима повышенной готовности и др.

Теоретическую основу исследования образуют основные положения российской науки уголовного права, а также относящиеся к объекту исследования труды в области криминологии, конституционного и административного права. При проведении исследования использовались работы М.М. Бабаева, А.Г. Блинова, А.В. Бриллиантова, К.В. Вишневецкого, А.М. Герасимова, А.В. Голиковой, А.П. Дмитренко, М.А. Ефремовой, Н.Г. Иванова, А.А. Кашкарова, А.Г. Кибальника, Е.В. Кобзевой, Д.А. Ковлагиной, В.П. Коняхина, К.О. Копшевой, В.Н. Кудрявцева, С.Ф. Милюкова, А.В. Наумова, К.В. Ображиева, В.С. Овчинского, С.В. Пархоменко, Н.И. Пикурова, Е.В. Пономаренко, Ю.Е. Пудовочкина, Б.Т. Разгильдиева, А.И. Рарога, Ю.В. Трунцевского, В.Ф. Щепелькова, П.С. Яни, Б.В. Яценко и др.

Эмпирическая база диссертационного исследования представлена:

– данными официальной статистики о применении уголовно-правовых норм об ответственности за преступления, предусмотренные ст. 207¹, 207² и 236 УК РФ, за период с 2019 по 2022 г.;

– 48 судебными решениями и 12 материалами уголовных дел по фактам совершения преступлений, предусмотренных ст. 207¹ и 236 УК РФ;

– результатами анкетирования и интервьюирования 227 респондентов:
а) практических работников (г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург, Краснодарский край, Ставропольский край / 18 судей, 15 прокуроров и их помощников, 26 адвокатов, 62 следователя и дознавателя);
б) 36 кандидатов и докторов юридических наук; в) 25 работников медицинских учреждений; г) 45 граждан;

– результатами, полученными другими исследователями;

– результатами обобщения информации, опубликованной с 2020 г. по 2022 г. в печатных и интернет-изданиях.

Диссертационное исследование проведено с использованием общепринятого **методологического инструментария**. Базовые диалектические категории, принципы и правила позволили обеспечить общую всесторонность, системность и глубину разработки заявленной научной проблемы. В значительной степени диалектический подход был задействован и полезен при написании первого параграфа первой главы диссертационного исследования, в котором решалась задача выделить основные тенденции, закономерности и последствия влияния пандемии на механизм уголовно-правовой охраны.

Сравнительно-правовой метод являлся базовым при подготовке второго параграфа первой главы. В результате его применения удалось составить целостное и полное представление о влиянии пандемии Covid-19 на уголовное законодательство зарубежных стран.

Формально-юридический метод был задействован при непосредственном изучении нормативно-правовых актов в сфере

преодоления пандемии Covid-19, отечественного уголовного законодательства и материалов правоприменения.

Эмпирические методы (анкетирование, интервьюирование, анализ документов) были применены при изучении материалов правоприменительной практики, проведении социологического исследования.

Общенаучные методы исследования были использованы повсеместно и повлияли на получение всех результатов и положений настоящей работы.

Научная новизна диссертации во многом определяется объектом исследования. Настоящая работа представляет собой первое комплексное исследование уголовно-правового регулирования в условиях пандемии. Новизна работы определяется: а) положениями, ставшими результатом комплексного анализа влияния пандемии Covid-19 на механизм уголовно-правовой охраны; б) результатами исследования зарубежного уголовного законодательства в части его модернизации в условиях пандемии Covid-19; в) положениями, направленными на решение проблемных вопросов применения уголовно-правовых норм о крайней необходимости и обоснованном риске в условиях пандемии Covid-19; г) предложениями по разрешению дискуссионных вопросов, связанных с содержанием конструктивных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 207¹, 207² и 236 УК РФ; д) сформулированными в работе научно обоснованными рекомендациями по проблемным вопросам квалификации преступлений, связанных с «инфодемией» и нарушением санитарно-эпидемиологических правил, в условиях пандемии Covid-19; е) авторскими предложениями по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Выявлены основные результаты и последствия воздействия пандемии Covid-19 на отечественный механизм уголовно-правовой охраны. Пандемия повлекла изменение состояния преступности в сфере

нарушения санитарно-эпидемиологических правил и соответствующую корректировку векторов приложения охранительного механизма уголовно-правовой охраны; значительно ускорила процесс цифровизации преступности; актуализировала задачу противодействия преступлениям, связанным с заведомо ложной агитацией и паникерством («инфодемией»); поставила проблему допустимости (интерпретационной достаточности) применения уголовно-правовых норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (крайней необходимости и обоснованного риска), в ситуациях медицинской сортировки пациентов, а равно при применении методов и форм оказания медицинской помощи, которые не получили надлежащего обоснования и апробации в медицинской практике.

Задействование охранительного уголовно-правового механизма в преодолении Covid-19 имело экстренный характер, что было обусловлено общим состоянием неопределенности и страха перед малоизученным патогеном. При этом период пандемии обусловил возникновение теоретико-методологической проблемы, связанной с дальнейшими перспективами «антиковидных» уголовно-правовых норм. Теоретически возможны следующие направления ее решения: 1) введенные специальные нормы и поправки в ранее действующие должны быть упразднены, поскольку в нормальных условиях общественной жизни такой уровень уголовной репрессии является объективно избыточным; 2) все изменения необходимо сохранить в имеющемся виде в расчете на возможное перспективное применение в будущем; 3) пандемийная адаптация механизма уголовно-правовой охраны требует совершенно нового вектора развития уголовного закона, а именно выделения специальной главы с конкретизированным перечнем специальных норм, рассчитанных на действие в условиях мировой эпидемии.

2. Определены основные параметры и тенденции модернизации зарубежного уголовного законодательства в условиях пандемии Covid-19:

– новая коронавирусная инфекция потребовала комплексных усилий со стороны государств в области правового регулирования. Введение особых (чрезвычайных) режимов было сопряжено с конкретизацией социальных, трудовых, экономических (в том числе налоговых) отношений. Кроме того, был задействован механизм уголовно-правовой охраны, прежде всего в целях обеспечения исполнения карантинных ограничений;

– пандемия не вызвала массовой криминализации в части ответственности за нарушение режима самоизоляции, уклонение от прохождения лечения и т.д. (некоторым исключением здесь выступают лишь отдельные страны – Великобритания, Новая Зеландия, Австралия и др., в которых принятие «антиковидных законов» было сопряжено с определением специальных составов преступлений). В целом органы государственной власти пошли по пути принятия актов толкования, которыми разъяснялись правила применения уже имеющихся положений уголовного законодательства об ответственности за причинение вреда жизни и здоровью человека, применение насилия и оскорбление представителя власти, уклонение от уплаты налогов, нарушение санитарно-гигиенических требований в условиях пандемии Covid-19;

– отдельные страны использовали модель изначально временной криминализации либо ужесточения уголовной ответственности за нарушение требований санитарно-эпидемиологического законодательства в период пандемии;

– первые месяцы пандемии показали, что противодействие дезинформации в сети Интернет стало столь же важным, как и обеспечение медицинских работников необходимым медицинским оборудованием и расходными материалами. Борьба с «инфодемией» не только осуществлялась организационно-техническими мерами, но и вызвала тренд на криминализацию распространения заведомо ложной информации о Covid-19, в том числе о мерах общественного здравоохранения;

– в заключениях отдельных международных организаций, а также в зарубежной литературе довольно критически оценивается введение специальных составов об ответственности за действия, связанные с дезинформацией о Covid-19. Подчеркивается, что государственные режимы, склонные к неоправданному ограничению свободы слова, попросту воспользовались пандемией в своих политических целях.

3. Выделены особенности и проблемы реализации уголовно-правовой нормы о крайней необходимости в условиях пандемии. Крайняя необходимость проявила себя в ситуациях неисполнения хозяйствующими субъектами обязанностей в сфере учетно-регистрационной, налоговой и договорной дисциплины, при нарушении гражданами санитарно-эпидемиологических требований (режима самоизоляции), при ненадлежащем исполнении должностными лицами своих обязанностей, а также в деятельности медицинских работников.

Пандемия SARS-CoV-2 в зависимости от содержания вынужденных и вредоносных действий, которые медицинский работник может совершить, позволила выделить следующие виды крайней необходимости: а) ситуации, позволяющие проводить медицинское вмешательство при наличии относительных и абсолютных противопоказаний; б) ситуации, позволяющие проводить медицинское вмешательство с нарушением существующих стандартов оказания медицинской помощи; в) ситуации, позволяющие врачу принять решение об отказе в оказании медицинской помощи.

Действующая редакция ст. 39 УК РФ не позволяет реализовать рекомендации по медицинской сортировке на национальном уровне. В отечественном правовом поле сложилась ситуация пробельности уголовно-правового обеспечения медицинской сортировки. В связи с этим полагаем необходимым внести изменения в УК РФ путем выделения привилегированного вида крайней необходимости, рассчитанной на применение в чрезвычайных условиях, в том числе в обстановке пандемии.

4. Предложено научно обоснованное решение проблем реализации уголовно-правовой нормы об обоснованном риске в условиях пандемии.

Обоснованный риск в условиях пандемии представляет собой причинение вреда больному, связанное с отступлением от стандартов полного и долговременного исследования лекарственного средства или метода лечения, терапевтическое использование которых основывалось на достаточных теоретических и эмпирических данных, было одобрено коллегиальным мнением специалистов и санкционировано официальными органами в сфере здравоохранения в целях кардинального улучшения эпидемиологической обстановки.

Условиями правомерности обоснованного риска в деятельности медицинских работников в условиях пандемии являются: наличие специальной цели преодоления последствий пандемии; отсутствие известных в медицинской науке и успешно реализованных в лечебной практике способов достижения такой цели; практическое использование в период пандемии нового лекарственного препарата или метода лечения без предварительного прохождения требуемых испытаний должно в целом соответствовать современным научно-техническим знаниям и опыту; предварительное получение добровольного информированного согласия человека на проведение медицинского вмешательства; внедрение лекарственного препарата или метода лечения должно проводиться только лицами, имеющими соответствующую квалификацию; принятие всех возможных в условиях пандемии мер для предотвращения вреда испытуемым; правомерность обоснованного риска в медицине должна основываться не на количественном критерии испытуемых, а на отсутствии *заведомой угрозы* для их жизни. При этом внедрение нового лекарственного препарата или метода лечения должно быть проведено с привлечением минимально необходимого для достижения поставленной цели количества испытуемых.

Причинение вреда в результате использования не признанных медицинских препаратов либо в ситуациях сознательного нарушения дозировки или при игнорировании имеющихся противопоказаний в условиях устранения непосредственной опасности (например, нарушение дозировки дексаметазона для подавления чрезмерного воспалительного ответа и цитокинового шторма), когда такая опасность уже не могла быть устранена иными способами, не содержит признаков обоснованного риска по смыслу ст. 41 УК РФ и следует оценивать по правилам ст. 39 УК РФ.

5. Уточнена уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ:

– по смыслу ст. 207¹ УК РФ уголовно-наказуемым следует признавать лишь такое распространение, когда виновный рассчитывает на восприятие этой информации адресатами как достоверной. Если лицо публично распространяет эти данные, изобличая их ложность или контекстно указывая на это, содеянное не обладает необходимой общественной опасностью и не подпадает под действие ст. 207¹ УК РФ;

– действия лица, публично распространившего несколько заведомо ложных материалов об обстоятельствах, указанных в примечании к ст. 207¹ УК РФ, следует квалифицировать как единое продолжаемое преступление только в том случае, если они были направлены на искажение одного и того же факта (события). В ситуациях, когда лицо вначале опровергает ложными материалами наличие угрозы заражения и пандемию в целом, а позднее доказывает опасность для жизни соответствующей вакцины, распространяет сфабрикованные материалы, дискредитирующие деятельность органов власти в части реализации мер по обеспечению безопасности населения, содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных ст. 207¹ УК РФ.

6. Конкретизировано содержание состава преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ:

– непосредственным объектом публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации являются общественные отношения, связанные с обеспечением достоверности (правдивости) информационного пространства; дополнительным объектом выступают отношения в сфере защиты здоровья личности;

– в отличие от ст. 207¹ УК РФ общественно значимая информация по смыслу ст. 207² УК РФ не обязательно затрагивает события, ставшие следствием какой-либо чрезвычайной ситуации (эпидемии, эпизоотии и т.п.). Подобная дезинформация может относиться к политическим решениям, разрабатываемым экономическим мерам и т.п.;

– последствия в ст. 207² УК РФ сформулированы крайне неопределенно, без уточнения степени тяжести вреда здоровью. Однако системное толкование уголовного законодательства приводит к выводу о том, что вред здоровью в контексте ч. 1 ст. 207² УК РФ может быть только тяжким;

– в правоприменительной практике ст. 207² УК РФ не получила своей реализации. Причина заключается в конструкции состава, создающей гносеологический тупик в установлении причинно-следственной связи между информационным воздействием и материальными последствиями в виде вреда здоровью человека;

– публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации предполагает утверждения субъекта о фактах. Следовательно, субъективные оценки, личное мнение, прямое выражение недоверия и т.п. не подпадают под действие ст. 207² УК РФ. В этом заключается ее принципиальное отличие от ст. 280³ УК РФ, равно как и от ст. 282 УК РФ.

7. Выявлены законотворческие и правоприменительные дефекты, снижающие эффективность ст. 236 УК РФ, определены перспективные направления ее оптимизации:

– объективная сторона нарушения санитарно-эпидемиологических правил в современной редакции ст. 236 УК РФ имеет сложный и

альтернативный характер. Законодатель объединил в рамках одной диспозиции признаки неосторожного преступления и умышленного создания опасности, что идет вразрез с правилами законодательной техники;

– пандемия SARS-CoV-2 показала, что регулирование в области эпидемиологических ограничений имеет и должно иметь строго адресный (целевой) характер. Решение должно приниматься органами власти на местах, хотя и с учетом рекомендаций (критериев, требований) федерального уровня. В аспекте действия механизма уголовно-правовой охраны это предопределяет необходимость использования региональных нормативных актов в качестве юридических (формальных) источников ст. 236 УК РФ, что требует модернизации исследуемой уголовно-правовой нормы посредством выделения специального примечания по типу ст. 143 УК РФ;

– при установлении предусмотренных ст. 236 УК РФ оценочных признаков «массовое заболевание» и «массовое отравление» необходимо руководствоваться не только количеством потерпевших, но и контагиозностью инфекционного заболевания. В случае с SARS-CoV-2, с его способностью к быстрому распространению, высоким уровнем смертности и риском наступления иных тяжких последствий для здоровья, нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее заражение даже одного или нескольких человек, необходимо рассматривать как возникновение массового заболевания;

– в период пандемии Covid-19 сформировалась судебная практика привлечения к ответственности за подстрекательство неограниченного круга лиц к нарушению санитарно-эпидемиологических правил, что грубо нарушает постулаты теории соучастия в преступлении. Искусственное расширение содержания подстрекательства в целях противодействия публичным призывам к нарушению санитарно-эпидемиологических правил является неприемлемым. Данная проблема может быть решена посредством конструирования специальной нормы об ответственности за

соответствующие призывы (по типу ч. 3 ст. 212 УК РФ) либо путем квалификации таких призывов по ст. 207¹ УК РФ.

8. Теоретически обоснованы следующие предложения по совершенствованию отечественного уголовного законодательства:

– предусмотреть в главе 8 УК РФ привилегированный вид крайней необходимости в следующей редакции:

«Статья 39¹. Тriage

1. Не является преступлением причинение вреда больному при осуществлении медицинской сортировки в условиях пандемии, экологической катастрофы, общественного бедствия или в иных чрезвычайных ситуациях.

2. Правомерность действий медицинского работника, связанных с отказом от помощи больному, определяется на основании специальных правил медицинской сортировки, предусмотренных законодательством в сфере здравоохранения»;

– изложить диспозицию ст. 207¹ УК РФ в следующей редакции: «Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, в условиях чрезвычайного или военного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, в условиях вооруженного конфликта или военных действий»;

– изложить диспозицию ст. 207² УК РФ в следующей редакции: «Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года»;

– дополнить ст. 207¹ и 207² УК РФ квалифицирующими признаками, связанными с совершением преступлений с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, лицом с использованием своего служебного положения, что позволит реализовать научно обоснованные правила дифференциации уголовной ответственности;

– изложить диспозицию ст. 236 УК РФ в следующей редакции: «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил, создавшее угрозу массового заболевания или отравления людей»;

– дополнить ст. 236 УК РФ примечанием в следующей редакции: «Под санитарно-эпидемиологическими правилами в настоящей статье понимаются государственные нормативные стандарты и требования, обеспечивающие санитарно-эпидемиологическое благополучие людей, содержащиеся в федеральных законах, иных нормативных правовых актах Российской Федерации, законах и иных нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации».

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что результаты проведенного исследования дополняют и развивают уголовно-правовое учение об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, а также об ответственности за преступления против общественной безопасности и здоровья населения, научных основах квалификации преступных деяний. Полученные результаты в своей совокупности могут послужить основой для последующих теоретических исследований по теме уголовно-правового регулирования в особых условиях.

Практическое значение диссертационного исследования состоит в возможности использования выводов и предложений в правотворческой деятельности; в практической правоприменительной деятельности правоохранительных органов и суда; в учебном процессе при преподавании курсов «Уголовное право»; для повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов и судей.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Основные положения диссертации нашли отражение в 8 научных публикациях, 4 из которых опубликованы в журналах, которые входят в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ, докладывались на нескольких международных и всероссийских научно-практических конференциях: Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.)», 28 мая 2021 г., Краснодар; VI Тихоокеанском юридическом форуме «Право, его применение и реализация в эпоху глобальных вызовов и меняющейся реальности», 8 октября 2021 г., Владивосток; III Всероссийской научно-практической конференции «Цифровизация рыночных отношений: вопросы экономики и права», 20 июня 2022 г., Москва; Международной научно-практической конференции «Уголовная политика и культура противодействия преступности», 30 сентября 2022 г., Краснодар.

Отдельные материалы проведенного исследования используются в учебном процессе Кубанского государственного университета и Кубанского государственного аграрного университета.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих семь параграфов, заключения, списка литературы и приложения.

ГЛАВА 1. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

На начальном этапе диссертационного исследования представляется важным в целом осветить вопросы влияния пандемии Covid-19 на практику противодействия преступности в Российской Федерации. Такой общий взгляд на проблему необходим, чтобы составить некоторые предварительные суждения об особенностях реакции охранительного уголовно-правового механизма на экстренные условия мировой эпидемии. Изучение доктринальных источников показывает, что этот предмет в отечественной науке разработан неудовлетворительно. Фиксация соответствующих тенденций, понимание их природы позволят в дальнейшем осуществить обстоятельное рассмотрение более частных вопросов, касающихся непосредственного применения отдельных норм уголовного закона в пандемийный период.

В рамках первой главы также поставлена задача по изучению зарубежного опыта уголовно-правового противодействия пандемии. Это не слепое следование некой сложившейся традиции, а настоятельная необходимость в получении нового знания по проблеме. Требуется обобщить и осмыслить соответствующий опыт зарубежных стран, включить его в отечественный научный дискурс, выработать возможные рекомендации и предложения.

1.1. Эпидемия в мировом масштабе (пандемия) и механизм уголовно-правовой охраны: теоретико-методологические проблемы

Термин «пандемия» в наши дни прочно закрепился в индивидуальном и общественном сознании. События последней мировой эпидемии Covid-19, без преувеличения, затронули все сферы жизни человека. В многочисленных исследованиях анализируются и оцениваются ее последствия:

демографические, социальные, экономические, политические и др.¹ Понятно, что этот период мировой истории можно отнести к разряду своего рода стрессовых, нетипичных для всего человечества. Времена беспрецедентного социального напряжения, экономической депрессии, мировых эпидемий и военных конфликтов, как известно, имели место и до Covid-19. Однако ковидный период оставил особый отпечаток на истории человечества.

По данным на июнь 2022 г. за весь период пандемии в России заразилось 18 млн 111 тыс. 240 чел., общее количество смертельных случаев составило 372 тыс. 392 чел.². Пандемия нанесла триллионный ущерб российской экономике: около 183 млрд руб. было потрачено на лечение больных в стационарах, 108 млрд руб. – на тестирования; 515 млрд руб. – на прямые выплаты из федерального бюджета для поддержки граждан и бизнеса; 189,5 млрд руб. были выделены из бюджета и направлены на организацию и оказание медпомощи больным Covid-19. При этом не учитывались потери произведенного валового национального продукта из-за летальных исходов и нетрудоспособности³.

По мнению С.Ф. Милюкова, разразившаяся пандемия показала кризисное состояние не только государственной системы здравоохранения, но и производственно-финансовой сферы, а также образования и правопорядка⁴. Пожалуй, отчасти этот тезис соответствует действительности. Однако применительно к России в этом вряд ли можно увидеть повод для своего рода «гражданского разочарования» в эффективности институтов власти. Напротив, по многим показателям Россия прошла период пандемии

¹ См.: Иванов А.М. Проблемы правового регулирования последствий преодоления «пандемии» // Право, его применение и реализация в эпоху глобальных вызовов и меняющейся реальности. VI Тихоокеанский юридический форум, 8 ноября 2021 г.: материалы / сост. В.В. Гаврилов. Владивосток, 2021. С. 403–407;

² Коронавирус: статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/covid19/stat?> (дата обращения: 13 июня 2022 г.).

³ Цена ковида: Роспотребнадзор оценил ущерб от пандемии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2021/07/05/13701374.shtml?ysclid=14e9m1u6mf466911033> (дата обращения: 5 июня 2022 г.).

⁴ См.: Милюков С.Ф. Криминологические хроники времен пандемии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2. С. 13–18.

Covid-19 довольно уверенно. Выдержав стагнацию в экономике и мобилизовав управленческий аппарат, Российская Федерация в определенном смысле подтвердила свой статус одного из мировых лидеров в области здравоохранения, прежде всего в сфере эпидемиологии и вирусологии. Пандемия, как и любое социальное потрясение, что называется, подсветила «слабые места» во всех сферах общественной жизни, проверила на прочность используемые государством механизмы социального управления. И этот опыт, конечно же, необходимо самым тщательным образом осмыслить, понять причины тех или иных проблем, выработать решения на будущее.

События показали, что эффективное противодействие пандемии новой короновирусной инфекции непосредственно связано не только с научным потенциалом и оснащенностью системы органов здравоохранения, профессионализмом ее работников, компетентностью принимаемых управленческих решений, но и с содержанием уголовной политики государства¹. В сложившейся ситуации государство (и правоохранительные органы, в частности) оказалось перед необходимостью принятия действенных мер по защите прав и законных интересов граждан в части обеспечения благоприятной эпидемиологической обстановки при соблюдении всех установленных Конституцией Российской Федерации гарантий. Эта задача потребовала не только дополнения УК РФ новыми нормами, но и возврата к решению некогда оставленных, можно сказать забытых в спокойные (не пандемийные) времена, вопросов реализации отдельных положений уголовного закона.

В юридической литературе отмечается, что любая пандемия служит достаточной причиной для трансформации законодательства, в том числе

¹ Термин «уголовная политика» в отечественной науке уголовного права раскрывается достаточно широко. В рамках настоящей работы представляется невозможным, да и, пожалуй, излишним, обстоятельное освещение всех имеющихся подходов. Мы будем исходить из того весьма общего определения, согласно которому уголовная политика представляет собой специфическую деятельность государства в сфере противодействия преступности в целях обеспечения охраняемых законом интересов.

уголовного¹. Пожалуй, это так. Однако следует отметить, что в отечественной юридической науке проблематика влияния социальных потрясений на механизм уголовно-правовой охраны практически не исследована. Если попытаться как-то объединить риторику по обозначенному вопросу, то в целом все ограничивается известным паллиативом о том, что право не может не реагировать на изменения в социальной жизни. Это, вне всякого сомнения, верная мысль. Однако она представляется недостаточной, чтобы можно было ответить хотя бы на вопрос: как оно должно реагировать на эти изменения? Нет ответа и на вопрос о том, должны ли вводимые меры уголовной репрессии иметь изначально временный характер по той простой причине, что стрессовое состояние общества не может быть его постоянным состоянием и любая война, пандемия и т.п. рано или поздно заканчиваются? Очевидно, что раскрытие вероятных закономерностей реакции динамической охранительной функции уголовного права и особенностей ее осуществления в условиях пандемии представляет собой актуальную научную проблему.

Здесь предварительно хотя бы в общих чертах необходимо обозначить подход к пониманию охранительного уголовно-правового механизма. П.А. Фефелов определял его как «взаимодействие основных звеньев (элементов) уголовно-правовой системы в процессе осуществления задачи охраны наиболее важных общественных отношений от преступных посягательств»². Элементами такой системы автор называл: 1) нормы уголовного права как нормативную основу механизма; 2) уголовное наказание как средство, при помощи которого решается задача уголовно-правовой охраны и 3) уголовное правоотношение как способ непосредственной реализации уголовно-правовых норм.

¹ Креховец А.В., Никифорова А.А. Новые направления криминализации в уголовном законодательстве зарубежных стран в условиях Covid -19 // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIX Международной научно-практической конференции. М., 2022. С. 219.

² Фефелов П.А. Механизм уголовно-правовой охраны (основные методологические проблемы). М., 1992. С. 66.

В приведенной позиции возникает сомнение в разделении норм уголовного права и уголовного наказания, что само по себе представляется несколько искусственным (если только не понимать под последним сам процесс исполнения наказания). Кроме того, по вполне понятным причинам в приведенной структуре должны присутствовать субъекты, которые сообщают «энергию» любому механизму правового регулирования, то есть компетентные органы, наделенные государственно-властными полномочиями¹. Однако и здесь включение П.А. Фефеловым в структуру рассматриваемого механизма уголовно-правовых отношений оставляет возможность для предположения, что автор их подразумевал именно в третьем элементе.

Следует также дополнительно пояснить, что приведенный взгляд на структуру охранительного уголовно-правового механизма не должен вводить в заблуждение относительно того, что такой его элемент, как уголовное наказание, является обязательным в структуре конкретного уголовного правоотношения. Наличие в структуре уголовного закона норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, а равно справедливо выделяемых в науке частноправовых начал уголовно-правового регулирования², указывает на то, что уголовное наказание является далеко не единственным исходом уголовного правоотношения.

Ю.С. Жариков механизм уголовно-правовой охраны определяет как систему необходимых и достаточных стадий правовой регламентации и упорядочения общественных отношений, позволяющую посредством реализации уголовно-правовых запретов, предписаний и дозволений обеспечивать эффективную охрану этих отношений от общественно опасных и противоправных посягательств³. В приведенной трактовке механизма уголовно-правовой охраны привлекает удачное акцентирование

¹ Алексеев С.С. Проблемы теории и права. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 164.

² См.: Сидоренко Э.Л. Частноправовые механизмы уголовно-правовой защиты личности // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 65–72.

³ Жариков Ю.С. Правоотношения в механизме уголовно-правового регулирования: монография. М., 2012. С. 88.

на том, что его действие (функция) есть реализация комплекса запретов, предписаний и дозволений. Хотя сам по себе взгляд на соответствующий механизм как на «систему необходимых и достаточных *стадий правовой регламентации*» оставляет довольно много вопросов.

Как бы то ни было, очевидно, что наиболее полное восприятие механизма уголовно-правовой охраны достигается только при условии ее определения как динамической системы, в которой ее нормативная основа (уголовно-правовые запреты, дозволения и предписания) реализуется компетентными субъектами в установленной форме (уголовном процессе) для обеспечения эффективной охраны общественных отношений от преступных посягательств¹.

Пандемия повлияла на само состояние преступности, изменив таким образом предмет воздействия охранительного механизма уголовно-правовой охраны. Яркий пример – появление преступлений, связанных с оборотом поддельных документов о вакцинации от Covid-19. Так, в решении правительственной комиссии по профилактике правонарушений было отмечено, что в России с 2020 г. было возбуждено 1101 уголовное дело о незаконной продаже документов, которые подтверждают, что гражданин сделал прививку от коронавируса. Всего было выявлено свыше 2,5 тыс. фактов таких нарушений, однако привлечь к ответственности виновных удавалось не всегда².

Вместе с тем центральной проблемой в этом отношении стало угрожающее обострение эпидемиологической обстановки в стране и закономерно возник вопрос о готовности отечественного уголовного законодательства к решению этой задачи. Уже 1 апреля 2020 г. в ст. 236 УК

¹ См.: Блинов А.Г. Понятие уголовно-правового механизма и его назначение // Современное право. 2012. № 11. С. 98 –103; Разгильдиев Б.Т. Системные факторы преступности в России и уголовно-правовое воздействие на них // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 2 (36). С. 125 – 135.

² Не укольню: в России возбудили 1101 дело о продаже Covid-сертификатов [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/society/51279913/?from=newsapp> (дата обращения: 7 мая 2022 г.).

РФ были внесены изменения в целях усиления ответственности. Изменение подхода к моменту окончания состава нарушения санитарно-эпидемиологических правил, изложение нормы по модели состава создания опасности до настоящего времени активно обсуждаются в отечественной науке уголовного права¹. Следует отметить, что неопределенность признаков данного состава преступления, а равно особое внимание органов государственной власти к случаям нарушения вводимых ограничений приводит в отдельных ситуациях к весьма неоднозначным судебным решениям с точки зрения отечественной доктрины уголовного права. Однако обстоятельно данная проблема будет рассмотрена в третьей главе диссертации.

К.А. Волков утверждает, что пандемия обусловила появление новой системы преступлений, связанных с нарушением мер по противодействию распространения опасной инфекции. Содержание данной системы, по мнению автора, составляют: 1) преступления, связанные с нарушением санитарно-эпидемиологических правил по профилактике коронавирусной инфекции (ст. 236 УК РФ); 2) преступления, связанные с распространением ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности в период усиленных мер по борьбе с распространением коронавирусной инфекции (ст. 207¹, 207² УК РФ); иные преступления, сопряженные с распространением коронавирусной инфекции (ст. 105, 111, 112, 128¹, 237, 285, 293 УК РФ и т.п.). При этом К.А. Волков дает следующее общее определение преступлениям, связанным с нарушением мер по противодействию распространения коронавирусной инфекции Covid-19 – это совокупность уголовно наказуемых общественно опасных деяний,

¹ См.: Волков К.А. Новая коронавирусная инфекция (COVID-19) и уголовный закон // Российская юстиция. 2020. № 7. С. 52 – 55; Пospelова С.И. «Угроза массового заболевания людей» как признак преступления: новелла уголовного закона в период пандемии Covid-19 // Медицинское право. 2021. № 3. С. 29–36.

запрещенных нормами уголовного закона, которые совершаются в период применения усиленных мер по противодействию с распространением коронавирусной инфекции Covid-19, причиняют (создают угрозу причинения) существенный вред личности, обществу и государству¹.

Приведенная дефиниция представляется небесспорной. Прежде всего в предлагаемом определении «ковидная преступность» помимо очевидной тавтологичности в указании на уголовную противоправность возникают сомнения относительно избранного автором критерия идентификации выделяемой группы – «совершаются в период применения усиленных мер...». Широта такого признака (обстановка пандемии) по большому счету позволяет признать «ковидным преступлением» абсолютно любое общественно опасное посягательство, совершаемое в период мировой эпидемии. Здесь, пожалуй, упускается главное – «ковидное преступление» должно быть напрямую сопряжено с нарушением введенных государством специальных ограничений и правил, целью которых является преодоление распространения инфекции.

Несколько иной взгляд на изменение преступности в период пандемии демонстрируют М.А. Ефремова и А.А. Шутова. Так, авторы пишут, что эпидемия короновирусной инфекции дала толчок процессу трансформации «традиционных» способов совершения преступлений. В условиях самоизоляции наметилась тенденция роста преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. При этом авторы выделяют следующие виды таких преступлений: 1) атаки на серверы медицинских учреждений и иных организаций, перешедших на удаленный режим работы; 2) неправомерные деяния в сфере применения и использования QR-кодов, справок с результатами сдачи тестов об отсутствии Covid-19; 3) фишинговые атаки и распространение вредоносных программ; 4)

¹ Волков К.А. Преступления, связанные с противодействием распространению коронавирусной инфекции Covid-19: понятие, тенденции, проблемы // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 710711.

создание сайтов-дублеров по представлению медицинских услуг, продаже лекарственных средств; 5) появление новых форм мошеннических действий¹.

Указанные авторами тенденции подтверждаются данными официальной статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации (см. рисунок 1).

(Рисунок 1)

На представленном рисунке хорошо виден этот экспоненциальный рост киберпреступности в 2020 г. Надо сказать, что это явилось общемировым трендом и привлекло внимание международных организаций. Так, в своем докладе «Киберпреступность и Covid-19: риски и ответные меры» Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности указывает следующие факторы, способствующие росту числа киберпреступлений в условиях пандемии:

- значительное увеличение использования онлайн-коммуникаций государственными органами, предприятиями и частными лицами;

¹ Ефремова М.А., Шутова А.А. Преступность в условиях цифровизации и пандемии коронавируса // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 94–95.

– недостаток опыта применения информационно-коммуникационных технологий сотрудниками организаций и компаний;

– использование почтовых рассылок якобы от имени руководства организации в совокупности с использованием методов социальной инженерии, направленных на создание ситуации дефицита времени и повышенного волнения, содержащих вредоносное программное обеспечение, позволяющее в тайне от пользователя получать доступ к его данным либо побуждающее к совершению переводов денежных средств на счета мошенников;

– эксплуатация страха населения перед вирусом для повышения онлайн-продаж поддельных лекарств, масок, антисептиков, получения медицинских консультаций;

– рост пользователей онлайн-сервисов из числа пожилых лиц, неосведомленных о противоправных деяниях в сети Интернет, что вызывает рост вымогательств и распространения вредоносных программ;

– перевод части личного состава правоохранительных органов на дистанционный режим работы и проведение карантинных мероприятий¹.

С каждым из указанных пунктов, на наш взгляд, можно согласиться безоговорочно. При этом полагаем, что в России в ряду остальных следовало бы выделить общую низкую осведомленность пользователей об основах информационной безопасности, а также «цифровой нигилизм», выражающийся в открытом пренебрежении самыми простыми требованиями «цифровой гигиены». Эта проблема сама по себе заслуживает самостоятельного и тщательного изучения. Исследование современной литературы показывает, что раскрыта она фрагментарно и поверхностно. Однако в рамках настоящего исследования такой задачи нет, поэтому позволим себе лишь ограничиться констатацией явления.

¹ Киберпреступность и Covid-19: риски и ответные меры. URL: [https://www.unodc.org/documents/Advocacy Section/UNODC_CYBERCRIME_AND_COVID19_-_Risks_and_Responses_v1.2_-_14-04-2020_-_CMLS-COVID19-CYBER1_-_UNCLASSIFIED_BRANDED.pdf](https://www.unodc.org/documents/Advocacy%20Section/UNODC_CYBERCRIME_AND_COVID19_-_Risks_and_Responses_v1.2_-_14-04-2020_-_CMLS-COVID19-CYBER1_-_UNCLASSIFIED_BRANDED.pdf) (дата обращения: 15 апреля 2022).

В 2021 г. динамика киберпреступности в России заметно замедлилась, вместе с тем, как отмечается в ежегодном отчете Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в целом каждое четвертое преступление в стране было совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Скорость цифровой трансформации традиционной преступности или, как этот процесс определяет Е.А. Русскевич, «компьютеризации преступности»¹, вызвала серьезные проблемы у правоохранительных органов, которые из-за отсутствия готовых методик раскрытия и расследования, низкой технической оснащенности и элементарной нехватки кадров оказались не готовы к эффективному противодействию².

Следует также указать на другой аспект эпидемии Covid-19, обусловленный так или иначе развитием информационно-коммуникационной инфраструктуры. Это «инфодемия» – стремительное и неконтролируемое распространение необоснованной и ложной информации о кризисных событиях, усиливающее общественное беспокойство. Данный термин был введен в оборот Всемирной организацией здравоохранения³, которая отметила, что особенностью разразившейся мировой эпидемии является активное распространение заведомо ложной информации, связанной с ее происхождением, течением заболевания, наличием и эффективностью лекарств и т.п. Было также указано, что «инфодемия» сама по себе является серьезной проблемой, поскольку не только препятствует нормальной работе

¹ Русскевич Е.А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации: дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2020. С. 72–73.

² См.: Вишневецкий К.В., Кашкаров А.А., Кашкаров А.А. О необходимости обеспечения уголовно-правовой охраны генерации, использования и оборота QR-кодов в сфере безопасности и обеспечения благополучия населения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 1. С. 90 – 94.

³ Рекомендации ВОЗ для населения в связи с распространением нового коронавируса (2019-nCoV): мифы и ложные представления // Всемирная организация здравоохранения. 23.11.2020. URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public/myth-busters> (дата обращения: 14 декабря 2021 г.).

медицинского персонала, но и может привести к серьезному увеличению социальной напряженности и угрозе массовых беспорядков.

Согласно результатам исследований, заведомо ложные сообщения о Covid-19 могут быть представлены в следующей классификации:

- посвященные распространению поддельных тестов и лекарственных препаратов;
- освещающие вопрос о происхождении нового вируса;
- создающие ложное представление об отсутствии опасности вируса, а равно опровергающие необходимость каких-либо мер по борьбе с ним;
- связанные с экстремистскими нападками на отдельные социальные группы;
- имеющие своей целью получить персональные данные пользователей;
- создающие ложное представление о причастности к распространению вируса отдельных государственных структур и компаний;
- содержащие заведомо ложные сообщения о заражении или смерти известных лиц, в том числе государственных деятелей¹.

Действительно, проблема эффективного уголовно-правового противодействия распространению вредоносной информации, снижающей эффективность реализуемых государством мер, направленных на устранение опасности для населения от распространения инфекции, в России обозначилась уже на первых этапах эпидемии. Довольно скоро стало понятно, что значительных успехов в борьбе с пандемией добились те страны, где была осуществлена эффективная информационная поддержка осуществляемых компетентными органами профилактических мер. Борьба с ковидом получила не только медицинский, но и информационный аспект. Как справедливо отмечается в отечественной литературе: «...деструктивная форма распространения информации может спровоцировать панику среди

¹ Специалисты из COVID19MisInfo.org изучили более 2300 фейковых сообщений о Covid-19. URL: <https://www.covid19misinfo.org>. (дата обращения: 14 декабря 2021 г.).

населения, нанести тем самым моральный и психологический вред, что в целом препятствует принимаемым в отдельно взятом государстве и во всем мире мерам по удержанию стабильности»¹.

Отечественный опыт показал, что в период пандемии преимущественно в сети Интернет получила значительное распространение практика системной и организованной дезинформации относительно реализуемых государством санитарно-эпидемиологических мер. Приводить конкретные примеры, полагаем, не имеет смысла. Как представляется, каждый хотя бы единожды сталкивался с псевдонаучными объяснениями происхождения новой короновирусной инфекции, «разоблачающими» докладами относительно действия на организм человека разработанных вакцин и т.п.

В целом законодатель недолго колебался с выбором модели уголовно-правового противодействия пандемийной агитации и паникерству. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» включил в группу уголовно-наказуемых форм распространения вредоносной информации публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу для жизни и безопасности граждан (ст. 207¹ УК РФ) и публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207² УК РФ). Совершенно справедливо отмечает Н.Э. Мартыненко, что анализ произошедших в УК РФ изменений позволяет говорить прежде всего о том, что коронавирусная инфекция Covid-19 послужила причиной ужесточения уголовной ответственности и наказания².

¹ Ефремова М.А., Шутова А.А., Никифорова А.А. Уголовная ответственность за распространение заведомо ложных сведений в период пандемии: вопросы теории и практики // Вестник Удмуртского университета. 2021. Т. 31. Вып. 1. С. 81.

² Мартыненко Н.Э. Влияние Covid-19 на изменение уголовного закона и состояние преступности // Российский следователь. 2020. № 9. СПС «КонсультантПлюс».

По мнению А.В. Борхсениус, к последствиям «инфодемии» следует также отнести ускоренное внедрение цифровых мер контроля над гражданами и информационными потоками, поспешное принятие законов, которое может привести к неоправданным ограничениям свободы слова и подавлению цифровых прав. Как итог, подчеркивает автор, свобода слова и цифровые права могут стать жертвой борьбы с глобальной эпидемией, а жесткий контроль – новой политической реальностью для многих государств¹.

С опасениями автора сложно не согласиться. Действительно, усиление цифрового контроля над личностью стало одним из главных векторов государственной политики в процессе обеспечения нормализации эпидемиологической ситуации. Причины такой стратегии были приведены ранее. Вопрос же заключается в том, насколько сбалансированными оказались принятые решения, прежде всего в части установления мер юридической ответственности и следует ли после стабилизации ситуации смягчить фильтрацию информационных потоков, чтобы не возникло угрозы появления так называемой «цифровой диктатуры»?

По мнению Уполномоченного по правам человека в Приморском крае Ю.Б. Мельникова, пандемия новой коронавирусной инфекции обнажила серьезные проблемы правоприменения, остро встал вопрос соразмерности запретов, баланса прав индивидов и общества в целом, общественных и государственных интересов при введении ограничений, призванных сдерживать распространение Covid-19. При этом имело место излишнее ограничение прав человека и гражданина, как говорится, «на всякий случай», без действительной необходимости².

¹ Борхсениус А.В. Инфодемия: понятие, социальные и политические последствия, методы борьбы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8. № 1. С. 56.

² Мельников Ю.Б. Приветственное слово // Право, его применение и реализация в эпоху глобальных вызовов и меняющейся реальности. VI Тихоокеанский юридический форум, 8 ноября 2021 г.: материалы / сост. В.В. Гаврилов. Владивосток, 2021. С. 13.

В публикациях отмечается, что изменения, внесенные в уголовное законодательство в период пандемии, носили поспешный, непоследовательный и несогласованный характер¹. Авторы с опорой на эмпирические данные показывают, что это повлекло возбуждение уголовных дел о приготовлении и покушении на неосторожные составы преступления, избыточную квалификацию при отсутствии признаков совокупности, уголовное преследование лиц в отсутствие вины по отношению к совершенному деянию².

Можно, однако, ограничиться известной фразой, что особые обстоятельства требуют особых мер реагирования, что по большому счету и было реализовано апрельским законом. Нельзя также не учитывать, что законодатель принимал решение в условиях без преувеличения экстренных, когда массовая дезинформация могла в любой момент обернуться либо продовольственными погромами либо массовыми беспорядками на фоне вводимых ограничений.

Однако с точки зрения юридической техники новеллы отечественного уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации действительно вызывают вопросы и требуют обстоятельного научного анализа и обсуждения. Понятно, что сфера, в которую «вторгаются» соответствующие уголовно-правовые запреты, обладает совершенно особым значением, поскольку напрямую связана с конституционными гарантиями человека и гражданина на свободу слова и самовыражения. Как следствие, возникает опасение, что пандемия рано или поздно уйдет в небытие, а карательный механизм уголовного закона останется и может быть задействован

¹ Густова Э.В., Марков Е.И. Анализ некоторых новелл уголовного закона Российской Федерации // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 139.

² Ефремова М.А., Шутова А.А., Никифорова А.А. Трансформация российского административного и уголовного законодательства в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (Covid-19) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3 (94) С. 246–247.

конъюнктурно, в том числе в общественно-политической борьбе. Н.В. Варламова верно замечает по этому поводу, что хотя обусловленность данных изменений пандемией очевидна, и по времени их принятия, и по содержанию норм, и исходя из пояснительных записок к законопроектам и разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации, однако свое действие они сохранят и после отмены режима повышенной готовности¹.

В связи с этим на авансцену отечественной уголовно-правовой науки выходит обсуждение формально-юридической определенности пандемийных статей УК РФ, обобщение и критический анализ формирующейся практики. Как и с другими уголовно-правовыми запретами распространения той или иной информации, ст. 207¹ и 207² УК РФ представляют интерес прежде всего в том смысле, что они устанавливает наказуемость именно за передачу данных. Вмешательство уголовного закона в эту (информационную) сферу всегда создает особый «градус напряжения», подтверждением чему является значительное количество специальных исследований по данной проблематике².

В связи с этим на данном этапе исследования принципиально важно разобраться в следующем вопросе: если конкретные меры по изменению уголовного закона были связаны с преодолением пандемии Covid-19, не означает ли это, что они должны быть так или иначе упразднены после улучшения эпидемиологической обстановки? Логика и смысл такого допущения вполне понятны – прекращение социальных условий, вызвавших появление правовой нормы, свидетельствует о целесообразности ее отмены.

Здесь можно предложить несколько вариантов ответа. Первый – введенные специальные нормы и поправки в ранее действующие должны быть упразднены, поскольку в нормальных условиях общественной жизни

¹ Варламова Н.В. Пандемия Covid-19 как вызов конституционному правопорядку // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6. СПС «КонсультантПлюс».

² См., например: Адылханов М.Г. Уголовно-правовые гарантии свободы слова: дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2019; Кунов И.М. Уголовно-правовое противодействие распространению криминогенной информации: дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2017 и др.

такой уровень уголовной репрессии является чрезмерным. Второй – все изменения необходимо сохранить в имеющемся виде в расчете на возможное перспективное применение в будущем. Возможен, однако, и третий вариант ответа – пандемийная адаптация механизма уголовно-правовой охраны может предполагать совершенно новый вектор развития уголовного закона, а именно посредством выделения специальной главы с конкретизированным перечнем специальных норм, рассчитанных на действие в условиях мировой эпидемии.

Помимо «инфодемии» мировая эпидемия поставила перед механизмом уголовно-правовой охраны еще одну проблему. Содержание ее заключается в оценке достаточности уголовно-правовых норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в ситуациях медицинской сортировки пациентов, а равно при применении методов и форм оказания медицинской помощи, которые либо не получили надлежащего обоснования и апробации в медицинской практике, либо заведомо создавали иную угрозу для жизни и здоровья пациента (например, применение антикоагулянтов при лечении пациентов с диагностированной язвой желудка).

Метко по этому поводу пишет Г.С. Шкабин: «...ситуации допустимого нарушения правоохраняемых интересов в современных условиях стали приобретать формы, несвойственные докоронавирусному периоду. Несмотря на то что объекты, которым наносится ущерб, не изменились, обстановка совершения таких деяний является нетрадиционной для уже известных обстоятельств, исключающих преступность деяния»¹.

В свою очередь О.С. Капинус отмечает, что в условиях острой нехватки медицинского оборудования, медикаментов, персонала, стационарных койко-мест и иных ресурсов, явно не рассчитанных на столь масштабный наплыв заболевших коронавирусной инфекцией, медицинские работники во всем мире оказались перед сложным выбором – кому из

¹ Шкабин Г.С. Уголовное право в период пандемии Covid-19 (осмысление новой реальности) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (58). С. 94.

пациентов оказать помощь, а кого оставить без надлежащего лечения (без госпитализации в стационар, без дефицитных лекарств и т.д.)¹.

О.С. Капинус также выделяет проблему этической и правовой оценки испытаний новых вакцин. Автор пишет, что хотя эта процедура довольно подробно регламентирована в соответствующих протоколах, стандартах и иных нормативных правовых актах, относящихся к медицинскому праву, в условиях пандемии правила испытаний на людях новых вакцин, предполагающие проведение обстоятельного, репрезентативного и длительного исследования, вошли в противоречие с задачей срочного поиска барьеров на пути распространения заболевания, угрожающего масштабной гибелью людей и остановкой экономической деятельности. И это противоречие, резюмирует О.С. Капинус, может разрешаться только при соблюдении условий правомерности обоснованного риска (ч. 1 ст. 41 УК РФ)².

Согласимся с автором в каждом ее суждении. Однако в рамках данного параграфа нет задачи детального анализа указанных вопросов. Обстоятельно они будут рассмотрены во второй главе диссертационного исследования. Укажем лишь на то, что в отличие от вопросов применения положений Особенной части УК РФ (по поводу которых был подготовлен и опубликован соответствующий Обзор³ с рекомендациями) Верховный Суд Российской Федерации не сформулировал каких-либо специальных разъяснений относительно особенностей применения норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в отношении медицинских работников, действующих в особых условиях пандемии Covid-19.

¹ Капинус О.С. Актуальные биоэтические проблемы и их правовое измерение // Государство и право. 2021. № 11. С. 108.

² Там же.

³ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (Covid-19) №1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

Разразившаяся в России мировая эпидемия оказала свое влияние и на уголовный процесс. Так, информационно-коммуникационные технологии более активно начали применяться при производстве следственных действий и в ходе судебного разбирательства. При этом в современной литературе совершенно справедливо отмечается, что это поспособствовало решению конкретных задач: 1) соблюсти все установленные карантинные меры; 2) продолжить осуществлять расследование уголовного дела, при этом не нарушая установленных законом сроков; 3) сократить затраты на процессуальные издержки, к примеру, связанные с прибытием по вызову к следователю; 4) обеспечить безопасность участников уголовного судопроизводства¹.

Вместе с тем быстро обозначилась проблема довольно слабой технической оснащённости судебных и правоохранительных органов. Районные и городские суды в отдельных регионах оказались попросту не готовы к проведению заседаний в режиме видеоконференцсвязи.

Кроме того, как совершенно справедливо отмечает О.А. Зайцев, распространение пандемии и возникшие сложности, связанные с самоизоляцией граждан, показали недостатки уголовно-процессуального законодательства относительно возможности дистанционного проведения определенных процессуальных действий. Законодатель не предоставляет возможности участникам процесса, находящимся в самоизоляции, подавать ходатайства (жалобы, заявления) в электронном формате в ходе досудебного производства по уголовному делу².

Пандемия затронула все этапы функционирования охранительного уголовно-правового механизма, включая и стадию исполнения наказания. Так, в период введенных ограничений у судов возник вопрос: подлежат ли

¹ Черкасова Ю.А. Влияние цифровизации на институт участников уголовного судопроизводства (на примере секретаря судебного заседания и помощника судьи как участников с неопределенным процессуальным статусом) // Российский следователь. 2022. № 2. С. 43–46.

² Зайцев О.А. Реализация уголовно-процессуальных отношений в условиях пандемии Covid-19 // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 150.

безотлагательному рассмотрению судами ходатайства об освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного в соответствии со ст. 81 УК РФ? Верховный Суд Российской Федерации сформулировал однозначную позицию: такие ходатайства подлежат безотлагательному рассмотрению. Суд обратил внимание на то, что право осужденных просить о смягчении наказания, гарантированное частью 3 статьи 50 Конституции Российской Федерации, которое охватывает и право осужденных, страдающих тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, просить суд об освобождении от отбывания наказания, не может быть ограничено какими-либо обстоятельствами, в том числе связанными с распространением новой коронавирусной инфекции¹.

Народная мудрость гласит, что не бывает худа без добра. Это вполне применимо и к влиянию новой коронавирусной инфекции на отечественный механизм уголовно-правовой охраны. Экстраординарные обстоятельства обусловили положительное решение наболевшего вопроса о переоценке степени общественной опасности ввоза и сбыта на территории Российской Федерации незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий, которые были признаны безопасными, эффективными, а порой и жизненно необходимыми (ст. 238¹ УК РФ). В литературе эта проблема раскрыта обстоятельно, преимущественно на примере сбыта противовирусных препаратов иностранного производства для лечения гепатита С. Дороговизна отечественного лекарственного средства (от 500 тыс. руб.) обусловила значительный спрос на такие импортные препараты, получившие одобрение Всемирной организации здравоохранения. Как справедливо отмечается в науке уголовного права, «благодаря» пандемии, вызванной коронавирусом SARS-CoV-2, изложенную проблему удалось

¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (Covid-19) № 2. Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 апреля 2020 года // СПС «КонсультантПлюс».

решить¹. Новое примечание к ст. 238¹ УК РФ исключает уголовную ответственность в случаях ввоза и сбыта незарегистрированных лекарственных средств, если они не производятся в Российской Федерации либо если такие лекарственные средства рекомендованы к применению Всемирной организацией здравоохранения. Понятно, что подобное ограничение спектра действия ст. 238¹ УК РФ обсуждалось и ранее. Ученые, медики и активисты указывали на несправедливость уголовной репрессии в ситуациях, когда сбываются абсолютно безопасные и эффективные импортные препараты. Отмечалось, что в ряде случаев для граждан это единственный шанс пройти необходимое лечение. Вместе с тем далее дискурса ситуация не развивалась до вспышки коронавирусной инфекции, когда вопросы уголовно-правового регулирования медицинской и фармацевтической деятельности вошли в актуальную повестку первых лиц государства.

В завершение данного параграфа представляется необходимым обозначить его основные выводы:

1) преодоление угроз и последствий пандемии напрямую связано не только с научным потенциалом и оснащенностью системы органов здравоохранения, профессионализмом ее работников, компетентностью принимаемых управленческих решений, но и с содержанием уголовной политики государства;

2) задействование охранительного уголовно-правового механизма в преодолении Covid-19 имело экстренный характер, что было обусловлено общим состоянием неопределенности и страха перед малоизученным патогеном. В этом смысле реформа отечественного уголовного законодательства от 1 апреля 2020 г. преследовала цель заверить общественность в том, что «что-то уже сделано»;

3) пандемия значительно повлияла на состояние преступности в Российской Федерации, изменив предмет воздействия охранительного механизма уголовно-правовой охраны: обострение эпидемиологической

¹ Медицинское уголовное право: монография / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2022. С. 262.

обстановки, а равно введение соответствующих запретов и ограничений, обусловило принципиальное изменение состояния преступности в сфере нарушения санитарно-эпидемиологических правил; эпидемия значительно ускорила процесс цифровизации преступности; преодоление коронавирусной инфекции ознаменовалось решением задачи противодействия преступлениям, связанным с заведомо ложной агитацией и паникерством («инфодемией»);

4) период пандемии обусловил возникновение теоретико-методологической проблемы о дальнейшей судьбе изменений уголовного закона, которые напрямую были связаны с преодолением Covid-19. Предлагается несколько решений: первое – введенные специальные нормы и поправки в ранее действующие должны быть упразднены, поскольку в нормальных условиях общественной жизни такой уровень уголовной репрессии является объективно избыточным; второе – все изменения необходимо сохранить в имеющемся виде в расчете на возможное перспективное применение в будущем; третье – пандемийная адаптация механизма уголовно-правовой охраны требует совершенно нового вектора развития уголовного закона, а именно выделения специальной главы с конкретизированным перечнем специальных норм, рассчитанных на действие в условиях мировой эпидемии;

5) эпидемия коронавирусной инфекции поставила перед механизмом уголовно-правовой охраны проблему допустимости (интерпретационной достаточности) применения уголовно-правовых норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (крайней необходимости и обоснованного риска), в ситуациях медицинской сортировки пациентов, а равно при применении методов и форм оказания медицинской помощи, которые не получили надлежащего обоснования и апробации в медицинской практике.

1.2. Особенности реализации механизма уголовно-правовой охраны в условиях пандемии по законодательству зарубежных стран

По ряду объективных причин представляется оправданным начать компаративный анализ с обращения к китайскому опыту уголовно-правового противодействия коронавирусной инфекции. Надо признать, что поскольку эта страна столкнулась с Covid-19 первой, ей же и пришлось принимать меры противодействия, в том числе правового характера, не имея какого-либо готового образца в этом отношении. Пожалуй, **Китайская Народная Республика** успешно с этим справилась. Остальные государства, во многом опираясь уже на китайскую модель, выстраивали свою стратегию преодоления пандемии.

В рамках настоящей работы нет задачи полноценно осветить все предпринятые меры по правовому противодействию распространению коронавирусной инфекции (они исчисляются сотнями принятых и измененных нормативных актов). Предмет исследования позволяет сфокусировать внимание исключительно на том, как Китай осуществил перевод на «чрезвычайные рельсы» механизма уголовно-правовой охраны.

10 февраля 2020 г. Верховным судом КНР, Верховной прокуратурой КНР, Министерством общественной безопасности Китая и Министерством юстиции Китая был принят документ, разъясняющий особенности применения китайского уголовного законодательства за преступления, связанные с воспрепятствованием профилактике эпидемии пневмонии от новой коронавирусной инфекции. Соответствующее межведомственное заключение было направлено на разъяснение ключевых вопросов применимости УК КНР к возможным и реально выявляемым деяниям, связанным с нарушением карантинных ограничений, введенных в связи с Covid-19. В результате были сформулированы следующие рекомендации:

1) лица, в отношении которых был поставлен диагноз о заболевании пневмонией, вызванной новым типом коронавирусной инфекции, либо лица,

которые были признаны носителями ее возбудителя, отказывающиеся от лечения в условиях изоляции или без надлежащего решения прекращающие лечение в изоляции и посетившие общественные места (в том числе общественный транспорт), подлежат ответственности по ст. 114 и 115 УК КНР;

2) иные лица, которые нарушают меры по профилактике эпидемии, введенные органами здравоохранения в соответствии с действующим законодательством о профилактике инфекционных заболеваний, в результате чего происходит распространение коронавирусной инфекции либо создается угроза ее передачи третьим лицам, подлежат ответственности по ст. 330 УК КНР;

3) лица, применяющие насилие либо оказывающие иное сопротивление сотрудникам государственных органов и учреждений, осуществляющих функции в сфере профилактики и противодействия пандемии, подлежат ответственности по ст. 277 УК КНР¹;

4) лица, применяющие насилие в отношении медицинских работников, повреждающие их защитное снаряжение, а равно совершающие иные действия, направленные на заражение медицинского персонала новой коронавирусной инфекцией (например, плевание на медицинский персонал), подлежат ответственности по ст. 234 УК КНР;

5) действия, связанные с изготовлением и продажей поддельных и некачественных товаров, материалов и лекарств для профилактики и защиты

¹ «Article 277, paragraphs 1 and 3: Whoever by means of violence or threat, obstructs a functionary of a State organ from carrying out his functions according to a law shall be sentenced to fixed-term imprisonment of not more than three years, criminal detention, or public surveillance or be fined. Persons who prevent members of the National People's Congress or local people's assemblies at various levels from performing their functions in accordance with the law through violence or threats are punished in accordance with the provisions of the previous paragraph. Intentional obstruction of State security bodies or public security bodies in the performance of State security tasks in accordance with the law and non-use of methods of violence or threats that have entailed serious consequences are punishable in accordance with the provisions of paragraph 1».

от последствий новой коронавирусной инфекции, образуют признаки преступлений, предусмотренных ст. 140¹, 142 или 145 УК КНР;

6) искусственное повышение цен на маски, очки, защитную одежду, дезинфицирующие и другие защитные продукты, лекарства или другие предметы, которые связаны с жизнеобеспечением людей и срочно необходимы для профилактики эпидемии и взятия ее под контроль, образует признаки преступления, предусмотренного ст. 225 УК КНР;

7) распространение заведомо ложной информации об эпидемии в информационных сетях или других средствах массовой информации следует квалифицировать по ст. 291¹ УК КНР. При этом эти же действия, повлекшие нарушение общественного порядка, подпадают под ст. 293 УК КНР²;

8) уклонение оператора связи / поставщика сетевых услуг от исполнения обязательств по управлению безопасностью информационной сети после получения распоряжения регулирующего органа о принятии корректирующих мер, что приводит к массовому распространению ложной информации об эпидемии или другой незаконной информации, образует признаки состава преступления, предусмотренного ст. 286 УК КНР³.

¹ «Article 140: Whoever produces medical apparatus and instruments or medical hygiene materials that are not up to the national or trade standards for safe guarding human health or sells such things while clearly knowing the fact, thereby causing serious harm to human health, shall be sentenced to fixed-term imprisonment of not more than five years and shall also be fined not less than half, but not more than two times, the amount of earnings from sales; if the consequences are especially serious, he shall be sentenced to fixed-term imprisonment of not less than five years but not more than 10 years and shall also be fined not less than half but not more than two times the amount of earnings from sales; if the circumstances are especially flagrant, he shall be sentenced to fixed-term imprisonment of not less than 10 years or life imprisonment, and shall also be fined not less than half but not more than two times the amount of earnings from sales or be sentenced to confiscation of property».

² «Paragraph 2 of Article 291-1: Whoever fabricates false dangerous situations, epidemics, disasters and warnings and spreads them on information networks or other media, or knowingly spreads them on information networks or other media, thus seriously disturbing social order, shall be sentenced to fixedterm imprisonment of not more than three years, criminal detention or public surveillance; Those who cause serious consequences shall be sentenced to fixed-term imprisonment of not less than three years but not more than seven year».

³ Уголовный кодекс КНР. URL: <http://www.nhc.gov.cn/xcs/pfzs/202002/6090ed34d8e64d038fbed94b9f957059.shtml> (дата обращения: 04 мая 2022 г.).

Таким образом, с точки зрения механизма уголовно-правовой охраны китайские власти пошли по пути конкретизации интерпретационной емкости действующего уголовного законодательства для целей преодоления последствий пандемии и обеспечения соблюдения карантинных ограничений¹.

Кроме того, для достижения единообразия правоприменения и решения актуальных проблем Верховной народной прокуратурой КНР были подготовлены и опубликованы 10 «Обзоров по материалам органов прокуратуры по делам о контроле за эпидемиологической ситуацией в связи эпидемией Covid-19» («Typical Cases of National Procuratorial Organs Handling Crimes against the Prevention and Control of COVID-19 Epidemic Situation According to Law» (Typical Cases)»².

Традиционно особое внимание при изучении зарубежного уголовного законодательства обращено к странам, входящим в Содружество Независимых Государств (далее – Содружество). Обусловлено это исторической, культурной, экономической и сугубо территориальной близостью государств. Последний фактор применительно к теме диссертационного исследования обладает принципиальной значимостью. Обеспечение эпидемиологического благополучия предполагает выработку не только комплекса мер на национальном уровне, но и кооперацию со странами-соседями, что существенно повышает эффективность противодействия распространению опасных инфекций.

Проведенное исследование показало, что уголовно-правовая реакция на пандемию Covid-19 в рамках Содружества была довольно неоднородной. Опираясь на содержание предпринятых мер, весьма условно законодательства стран-участников можно разделить на следующие три группы.

¹ Pang Dongmei, Ma Jiahui. Criminal law regulation of criminal acts involving COVID-19 epidemic // Vestnik of Saint Petersburg University. Law 1. 2022. Pp. 181–205.

² URL: <https://www.spp.gov.cn>. (дата обращения: 04 мая 2022 г.).

К первой группе следует отнести страны, которые в связи распространением Covid-19 предприняли меры по совершенствованию уголовного законодательства в области ответственности за нарушения в сфере санитарно-эпидемиологического регулирования. К этой группе следует отнести **Азербайджан**. В период пандемии законодатель Азербайджана принял решение о дополнении уголовного закона нормой об ответственности за нарушения в сфере противоэпидемиологического регулирования. Так, 17 марта 2020 г. в УК Азербайджана¹ была включена ст. 139¹ «Нарушение противоэпидемиологического, санитарно-гигиенического или карантинного режимов». Объективная сторона основного состава заключается в нарушении противоэпидемиологического, санитарно-гигиенического или карантинного режимов, повлекшем распространение заболеваний или создающем реальную опасность для распространения заболеваний (наказывается штрафом в размере от двух тысяч пятисот до пяти тысяч манатов либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок до трех лет). В части 2 предусмотрена более строгая ответственность, если деяние повлекло по неосторожности смерть человека или иные тяжелые последствия (наказывается лишением свободы на срок от трех до пяти лет). Примечательной особенностью является определение данной нормы в группе преступлений против жизни и здоровья человека.

Во вторую группу следует отнести страны, которые на момент возникновения мировой эпидемии имели специальные положения об уголовной ответственности за нарушения в сфере санитарно-эпидемиологического регулирования, и в целом пандемия не повлияла на их содержание. Так, ст. 277 **УК Армении**² «Нарушение санитарно-противоэпидемических правил» предусматривает ответственность за нарушение санитарно-противоэпидемических правил, повлекшее по

¹ Уголовный кодекс Азербайджана. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353&show_di=1&pos=2;-46#pos=2;-46 (дата обращения: 04 мая 2022 г.).

² Уголовный кодекс Армении. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=how&ID=1349&lang=rus> (дата обращения: 04 мая 2022 г.).

неосторожности массовое заболевание или отравление людей (наказывается штрафом в размере не свыше двухсоткратного размера минимальной заработной платы, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок не свыше трех лет, либо исправительными работами на срок не свыше двух лет, либо лишением свободы на срок не свыше трех лет). То же деяние, причинившее по неосторожности тяжкий вред здоровью человека или повлекшее смерть человека, наказывается лишением свободы на срок не свыше пяти лет.

Следует также специально указать, что Постановлением Правительства Республики Армения №298-N от 16 марта 2020 г. «Об объявлении чрезвычайного положения в Республике Армения» было установлено требование, что публичное распространение, передача, в том числе на интернет-сайтах и в социальных сетях, публикаций, информационных материалов, интервью, сообщений об имеющихся и новых случаях заражения в Республике Армения, а также за пределами Республики Армения, о состоянии здоровья лиц, источниках инфекции, о круге других лиц, контактировавших с имеющимися или потенциальными носителями инфекции, о числе проходящих обследование (тестирование инфекции) и изолированных лиц, а также относительно сведений, приводящих к панике или содержащих угрозу создания обстановки паники, производится физическими и юридическими лицами, в том числе средствами массовой информации, только со ссылкой на информацию, предоставленную комендантом (п. 23). При этом такая информация не должна противоречить официальной информации, предоставленной органами государственной власти (п.24). Документ не определяет возможную ответственность за нарушение соответствующих требований, однако в п. 26 определено, что

сообщения, сделанные с нарушением установленных положений, подлежат немедленному устранению сделавшими их лицами¹.

Уголовный кодекс **Республики Беларусь**² в ст. 336 «Нарушение санитарно-эпидемиологических, гигиенических требований и процедур, установленных техническими регламентами, санитарных норм и правил, гигиенических нормативов» предусматривает ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических, гигиенических требований и процедур, установленных техническими регламентами Таможенного союза, Евразийского экономического союза, либо санитарных норм и правил, гигиенических нормативов, повлекшее по неосторожности заболевания или отравления людей (наказывается штрафом, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или исправительными работами на срок до двух лет, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок). То же нарушение, повлекшее по неосторожности смерть человека, наказывается ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения.

Следует отметить, что в период пандемии среди представителей научного сообщества Беларуси высказывались критические суждения относительно реальной эффективности ст. 336 УК РБ для эффективного противодействия распространению инфекционных заболеваний, в том числе и вируса Covid-19. Так, О.И. Бахур и А.А. Примаченок весьма доказательно обосновывали необходимость изложения ч. 1 ст. 336 УК РФ в следующей редакции: «Нарушение мероприятий карантина, изоляции и самоизоляции, установленных органами государственной власти, в том числе и местными

¹ Постановлением Правительства Республики Армения №298-N от 16 марта 2020 г. «Об объявлении чрезвычайного положения в Республике Армения». URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=145546> (дата обращения: 15 июня 2022 г.).

² Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: <https://уголовный-кодекс.бел/statuya-336> (дата обращения: 15 июня 2022 г.).

органами управления»¹. Как видно, авторы с учетом развития регулятивного законодательства, особых условий пандемии предлагают отказаться от необходимости установления конкретных последствий (они упоминаются в части второй проектируемой нормы уже как квалифицирующие признаки). Кроме того, предпринята очевидная и довольно удачная попытка гармонизации терминологии в области санитарно-эпидемиологического и уголовного законодательства России.

Уголовный кодекс **Республики Казахстан**² в ст. 304 «Нарушение санитарных правил или гигиенических нормативов» устанавливает ответственность за нарушение санитарных правил или гигиенических нормативов, повлекшее по неосторожности массовое заболевание, заражение, облучение или отравление людей (наказывается штрафом в размере до двух тысяч месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо привлечением к общественным работам на срок до шестисот часов, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового). То же деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека, наказывается ограничением свободы на срок до пяти лет либо лишением свободы на тот же срок. Особо квалифицированный состав предполагает более строгое наказание за деяние, предусмотренное, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц (наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового).

¹ Бахур О.И., Примаченок А.А. О принудительных мерах изоляции и лечения (или изоляции и медицинского наблюдения) инфекционных больных, инфицированных и контактировавших с ними лиц // Юстиция Беларуси. 2020. № 4. С. 12.

² Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 15 июня 2022 г.).

Новый УК Кыргызской Республики¹ от 28 октября 2021 г. в ст. 295 «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил» предусматривает ответственность за умышленное или неосторожное нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности значительный вред (наказывается штрафом от 500 до 1000 расчетных показателей). То же деяние, повлекшее по неосторожности массовое заболевание, отравление людей или иной тяжкий вред, наказывается штрафом от 1000 до 2000 расчетных показателей или лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет. Умышленное нарушение санитарно-эпидемиологических правил, сопряженное с созданием угрозы массового заболевания и отравления людей, совершенное в период введения режима чрезвычайной ситуации, чрезвычайного или военного положения, наказывается лишением свободы на срок от пяти до восьми лет.

Статья 215 «Распространение эпидемических заболеваний» УК Республики Молдова² предусматривает ответственность за несоблюдение мер по предупреждению эпидемических заболеваний или борьбе с ними, повлекшее распространение такого заболевания (наказывается штрафом в размере от 720 до 1000 условных единиц или лишением свободы на срок до 3 лет, а в случае юридического лица – штрафом в размере от 2000 до 3000 условных единиц с ликвидацией или без ликвидации юридического лица). Те же действия, повлекшие по неосторожности причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью либо смерть человека, наказываются лишением свободы на срок до 7 лет, а в случае юридического лица – штрафом в размере от 2000 до 3000 условных единиц с ликвидацией предприятия.

¹ Уголовный кодекс Кыргызстана. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309?cl=ru-ru&ysclid=14ka0t7yd0215038727> (дата обращения: 15 июня 2022 г.).

² Уголовный кодекс Республики Молдова. URL: <http://lex.justice.md/ru/331268/> (дата обращения: 15 июня 2022 г.).

Не претерпел существенных изменений в связи с пандемией Covid-19 и УК **Республики Таджикистан**¹. Статья 207 УК Таджикистана предусматривает ответственность за нарушение санитарно-гигиенических и противоэпидемических норм и правил. Основной состав сконструирован как материальный и предполагает наступление последствий в виде массовое заболевания либо отравления людей (наказывается штрафом в размере от пятисот до одной тысячи показателей для расчётов либо исправительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на такой же срок). В части 2 предусмотрен квалифицирующий признак обстановки – совершение деяния в обстановке возникновения и распространения опасного для человека заболевания или при осуществлении ограничительных карантинных мер, повлекшее по неосторожности массовое заболевание либо отравление людей (наказывается лишением свободы на срок от двух до пяти лет). В соответствии с частью 3 лицо подлежит ответственности за деяния, предусмотренные частью первой или второй статьи, повлекшие по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью, либо заражение вирусом иммунодефицита человека, либо смерть одного или нескольких лиц (наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет).

Таким образом, страны, входящие во вторую группу, отказались от какого-либо специального реформирования действующего уголовного законодательства в целях противодействия пандемии. Подход имеет консервативный характер, исходит из достаточности общих положений об ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологического регулирования и не предполагает криминализации распространения заведомо ложной информации в особых условиях мировой эпидемии.

К третьей группе стран следует отнести Россию и Узбекистан. В период пандемии в Уголовный кодекс **Республики Узбекистан**² было

¹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&pos=2084;-41#pos=2084;-41 (дата обращения: 15 июня 2022 г.).

² Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/111457?ONDATE=26.03.2020%2000#111470> (дата обращения: 22 июня 2022 г.).

внесено несколько изменений, направленных на обеспечение эффективного противодействия распространению инфекции. Так, 26 марта 2020 г. в УК Узбекистана была включена норма об ответственности за распространение не соответствующих действительности сведений о распространении карантинных и других опасных для человека инфекций (ст. 244⁵). Норма включена в группу преступлений, посягающих на общественную безопасность. Важно отметить, что объективная сторона данного преступления предполагает совершение лицом деяния в виде распространения (любым способом) не соответствующих действительности сведений о распространении карантинных и других опасных для человека инфекций *«в условиях возникновения и распространения карантинных и других опасных для человека инфекций»*. Данное решение законодателя Узбекистана представляется довольно удачным. Соответствующий признак обстановки, связанный с положением локальной или мировой эпидемии (пандемии), как представляется, позволяет формализовать необходимый уровень общественной опасности заведомо ложной пропаганды в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Состав по конструкции является формальным. Санкция по основному составу содержит указание на штраф до двухсот базовых расчетных величин, обязательные общественные работы до трехсот часов либо исправительные работы до двух лет. Исследуемая норма содержит указание только на один квалифицирующий признак – совершение деяния посредством распространения печатных материалов в средствах массовой информации либо в сети Интернет (наказывается штрафом от двухсот до четырехсот базовых расчетных величин или обязательными общественными работами от трехсот до трехсот шестидесяти часов либо исправительными работами от двух до трех лет или ограничением свободы до трех лет или лишением свободы до трех лет).

Этим же законом от 26 марта 2020 г. была существенно изменена редакции нормы УК Узбекистана об ответственности за нарушение

санитарного законодательства или правил борьбы с эпидемиями (ст. 257¹). В результате объективная сторона данного преступления приобрела довольно сложный характер и предполагает: 1) нарушение санитарного законодательства или правил борьбы с эпидемиями; 2) невыполнение без уважительных причин в условиях возникновения и распространения карантинных и других опасных для человека инфекций требований: 2.1) о прохождении медицинского обследования; 2.2) о лечении; 2.3) о прибытии в места, определенные для прохождения карантина; 2.4) о не покидании данных мест в установленный период; 2.5) о разглашении сведений о лицах, с которыми был контакт; 2.6) о разглашении сведений о местах посещения в период риска заражения заболеванием; 3) невыполнение других законных требований органов государственного санитарного надзора. Состав по конструкции является материальным. Момент окончания определен альтернативно и предполагает: 1) возникновение реальной угрозы массового заболевания или отравления людей; 2) массовое заболевание или отравление людей.

Несмотря на определенную казуистичность диспозиции ст. 257¹ УК Узбекистана, в этом, на наш взгляд, заключается и ее вполне очевидное преимущество в сравнении с действующей редакцией ст. 236 УК РФ. Высокий уровень нормативной информативности позволяет четко очертить содержание преступного деяния.

В первой части исследуемой статьи санкция предполагает: штраф от пятидесяти до ста базовых расчетных величин или лишение определенного права до пяти лет или исправительные работы до двух лет или ограничение свободы от одного года до трех лет либо лишение свободы до пяти лет.

В части второй квалифицирующим признаком выступает наступление общественно опасных последствий в виде смерти человека (наказывается исправительными работами от двух до трех лет или ограничением свободы от трех до пяти лет либо лишением свободы от пяти до семи лет), в части

третьей – смерть двух или более лиц (наказывается лишением свободы от семи до десяти лет).

Таким образом, страны третьей группы в период пандемии: модернизировали свое уголовное законодательство об ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических требований, в результате чего соответствующие составы приобрели черты так называемых «составов создания опасности»; криминализировали распространение заведомо ложных сведений, связанных с преодолением пандемии.

Страны Европы в целом проявили сдержанный подход в задействовании механизма уголовно-правовой охраны для целей преодоления пандемии. Это, однако, не отменяет того обстоятельства, что в этом регионе довольно серьезно прорабатывались вопросы как правового обеспечения выполнения карантинных ограничений со стороны населения, так и проблемы, связанные с «ковидной трансформацией» преступности.

Так, основными тенденциями преступности в 2020 г. в **Германии** стали: телефонное мошенничество; мошенничество в сети Интернет; использование фишинговой электронной почты; распространение фальшивых новостей (fake-news); мошенничество и кражи со взломом в отношении бизнеса. Телефонное мошенничество реализовывалось по нескольким сценариям: трюк с инфицированным внуком (целевая группа: пожилые люди); ложные работники департаментов здравоохранения (проведение теста на коронавирус по завышенной цене в 5000 – 7000 €); ложные сотрудники Microsoft (целевая группа: работники в удаленном режиме); ложные работники операторов связи (замена модемов и проведение новой линии связи, перезагрузка системы, чтобы проникнуть в жилище с целью кражи); ложные репетиторы (ежемесячный абонентский договор) и др. При этом особую распространенность приобрело телекоммуникационное мошенничество в онлайн-объявлениях о реализации дезинфицирующих средств и защитной одежды; мнимыми призывами Всемирной организации здравоохранения к пожертвованиям и т.п. Новым направлением стало

появление вымогательства, сопряженного с угрозами заразить коронавирусной инфекцией родственников. Весьма распространенным стало противоправное получение персональных данных граждан посредством использования фальшивых сайтов, предлагающих экстренную помощь от коронавируса (путем заполнения онлайн-формуляров для получения помощи)¹.

В Германии на фоне экономического спада, вызванного пандемией Covid-19, был принят ряд мер по финансовой поддержке хозяйствующих субъектов. В рамках так называемого «Защитного щита для сотрудников, самозанятых и предприятий» были предусмотрены меры налоговой помощи². Содержание таких мер предполагало в том числе возможность предоставления отсрочки налогового платежа по причине экономических трудностей, возникших у лица из-за коронавирусного кризиса. В практике работы налоговых органов Германии довольно скоро были выявлены случаи обращений за отсрочкой по уплате налогов со стороны субъектов, которые не были затронуты таким кризисом. Это обусловило постановку вопроса о возможности привлечения к уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов по § 370 Налогового уложения Германии (предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет или штраф). Принимая во внимание бланкетный характер нормы, специалисты отмечали необходимость руководствоваться разъяснениями, сформулированными в рекомендациях от 19 марта 2020 г. о применении налоговых льгот, связанных с коронавирусом³. Наиболее трудноисполнимым было предписание об обязательном разграничении «значительных трудностей, возникших ввиду личных причин» и «непосредственных и значительных экономических

¹ Зигмунт О.А. Глобальные потрясения, преступность и ее предупреждение на примере пандемии коронавируса (Covid-19) // Право, его применение и реализация в эпоху глобальных вызовов и меняющейся реальности. VI Тихоокеанский юридический форум, 8 ноября 2021 г.: материалы / сост. В.В. Гаврилов. Владивосток, 2021. С. 182 – 183.

² ФМФ, доступно по ссылке: <https://www.bundesfinanzministerium.de/Content/DE/Standardartikel/Themen/Schlaglichter/Corona-Schutzschild/2020-03-13-Milliarden-Schutzschild-fuer-Deutschland.html>. (дата обращения: 2 июня 2022 г.).

³ GZ: IV A 3 — S 0336/19/10007: 002, DOK: 2020/0265898.

затруднений, возникших из-за коронавируса»¹. В результате были выработаны квалификационные алгоритмы, согласно которым если лицо заявило о предоставлении отсрочки, не имея соответствующих экономических затруднений в своей деятельности в связи с пандемией, содеянное следует оценивать как умышленное уклонение от платы налогов по § 370 Налогового уложения Германии; если затруднения объективно имели место, но явились следствием иных факторов, в том числе в результате ошибочных экономических решений самого субъекта, отсутствует преступное последствие состава уклонения от уплаты налогов, а именно, получение неоправданного налогового преимущества; и наконец, если налогоплательщик в период пандемии, руководствуясь соответствующими льготными налоговыми режимами занижает сумму налога по грубой неосторожности, то данное деяние влечет за собой административную ответственность в соответствии с § 378 Налогового уложения Германии (штраф в размере до 50 тыс. евро)².

В **Италии** с 23 февраля 2020 г. после введения особого режима нарушение карантинных ограничений квалифицировалось в соответствии со ст. 650 УК (наказывается арестом на срок до 3 месяцев либо штрафом). При этом лица с подтвержденным заболеванием, нарушившие карантинные требования, могли быть привлечены к ответственности по ст. 438 или 452 УК Италии (наиболее строгое наказание – пожизненное лишение свободы). Важно также отметить, что отдельной категорией преступного нарушения антиковидного законодательства явилось предоставление заведомо ложных сведений представителям власти, свидетельствующих о возможности оставления места жительства в период локдауна. Такое деяние подпадало под

¹ Haubner, ZWH 2020, 212, 213; Katemann, AO-StB 2020, 223, 228; Webel, PStR 2020, 134, 135.

² Штаге Д. Уклонение от уплаты налогов путем подачи заявки на отсрочку платежа во время пандемии Covid-19 // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 591.

признаки ст. 495 УК Италии (наиболее строгое наказание до 6 лет лишения свободы)¹.

В зарубежной правоприменительной практике пандемия Covid-19 довольно серьезно повлияла на сложившиеся подходы к уголовно-правовой оценке ненадлежащего оказания медицинской помощи (ятрогении). Так, был обоснован тезис о том, что в условиях эпидемии должны быть использованы «измененные стандарты оценки» поведения медицинских работников². В марте 2020 г. в Италии были изменены критерии наступления ответственности медицинского работника. Согласно внесенным поправкам, врач будет нести ответственность только в том случае, если предполагаемый вред, причиненный пациенту, явился прямым следствием сознательного (умышленного) поведения специалиста либо по причине его «грубой небрежности», которая заключается в неоправданном нарушении основных принципов, регулирующих медицинскую деятельность, в том числе в части специальных (особых) протоколов осуществления медицинского вмешательства в чрезвычайных обстоятельствах³.

В период пандемии существенной трансформации подверглось определение субъекта ответственности за ятрогенное преступление. Так, суд Италии постановил, что ординаторы не работают в больницах только для того, чтобы получить профессиональные навыки. В своем правовом положении они являются полноценными медицинскими специалистами и, следовательно, должны нести полную ответственность за свои действия,

¹ Canestrini, N., Covid 19 Italian emergency legislation and infection of the rule of law, *New Journal of European Criminal Law*, Vol. 11, Issue 2, 2020, pp. 120 – 121.

² См.: Hoff man, S., Goodman, R. A., Stier, D. D. (2009). Law, liability, and public health emergencies, *Disaster Medicine and Public Health Preparedness*, Volume 3, Issue 2, June 2009, Pages 117–125, <https://doi.org/10.1097/DMP.0b013e318194898d>; Pamela Tozzo, Caterina Politi, Andrea Gabbin, Luciana Caenazzo (2020). To take care of those on the front line against Covid-19: Is it possible to limit medical liability?, *Science & Justice*, Volume 60, Issue 4, Pages 311–312, <https://doi.org/10.1016/j.scij us.2020.05.001>.

³ См.: Pamela Tozzo, Caterina Politi, Andrea Gabbin, Luciana Caenazzo (2020). To take care of those on the front line against Covid-19: Is it possible to limit medical liability?, *Science & Justice*, Volume 60, Issue 4, Pages 311–312, <https://doi.org/10.1016/j.scij us.2020.05.001>.

связанные с оказанием медицинской помощи пациентам¹. Как известно, в период пандемии возникла острая нехватка специалистов соответствующего профиля. Для работы в инфекционных блоках стали привлекать не только медиков по иным специальностям, но и ординаторов и студентов медицинских вузов. Безусловно, это ставит очень много вопросов относительно юридической оценки возможной врачебной ошибки, с учетом того, что конкретное лицо попросту могло не обладать необходимым уровнем профессиональной квалификации в части лечения именно инфекционных заболеваний.

Специальные поправки в уголовное законодательство об ответственности за распространение заведомо ложной информации о Covid-19 были приняты в **Венгрии**². Санкция за данное преступление, предусмотренное ст. 337А, предполагает лишение свободы на срок до 5 лет³.

Похожие нормы были включены в уголовное законодательство, **Албании**⁴, **Боснии и Герцеговины**⁵ и **Румынии**¹.

¹ См.: Pamela Tozzo, Caterina Politi, Andrea Gabbin, Luciana Caenazzo (2020). To take care of those on the front line against Covid-19: Is it possible to limit medical liability?, *Science & Justice*, Volume 60, Issue 4, Pages 311–312, <https://doi.org/10.1016/j.scijus.2020.05.001>.

² «The new para (2) of Art 337/A of the Penal Code foresees a harsher penalty for those, who «during the period of special legal order and in front of a large audience, states or disseminates any untrue fact or any misrepresented true fact that is capable of hindering or preventing the efficiency of protection» // Petra Lea Láncoš and László Christián. Domestic Soft Law Regulation during the COVID-19 Lockdown in Hungary: A Novel Regulatory Approach to a Unique Global Challenge *European Journal of Risk Regulation*, Volume 12, Special Issue 1: Special Issue on COVID-19 and Soft Law, March 2021, pp. 77 – 92.

³ URL: Hungary Seeks Power to Jail Journalists over «False Information» in COVID-19 Coverage, Council of Europe Platform Alert No. 30/2020, 23 March 2020. For detailed analysis, see Hungarian Helsinki committee, «Background note on act XII of 2020 on the containment of the COVID-19», 31 March 2020: https://www.helsinki.hu/wp-content/uploads/ННС_background_note_Authorization_Act_31032020.pdf. (дата обращения: 5 июня 2022 г.).

⁴ Erebara, G., Albania Prosecutors to Probe Panic-Mongering About Coronavirus, 24 February 2020 / [Электронный ресурс] // URL: <https://balkaninsight.com/2020/02/24/albania-prosecutors-open-investigation-over-corona-virus-panic-spreading-information/> (дата обращения: 22 июня 2022 г.).

⁵ URL: OSCE Media Freedom Representative Désir and Head of Mission to Bosnia and Herzegovina Kavalec concerned about measures against coronavirus «fake news», 23 March 2020: <https://www.osce.org/representative-on-freedom-of-media/449041>. (дата обращения: 22 июня 2022 г.).

Практика привлечения к уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации относительно пандемии, в том числе в части предпринимаемых государством мер, была реализована в **Турции**. Начиная с марта 2020 г. в стране активно обсуждалась проблема борьбы с Covid-19. В открытых источниках размещались противоречивые данные о темпах заболеваемости и смертности от патогена. Турецкие власти приложили значительные усилия для сдерживания потока дезинформации в отношении пандемии. Виновные лица привлекались к ответственности в соответствии со ст. 213 (угрозы вызвать страх и панику среди населения), ст. 216 (публичное возбуждение вражды и ненависти) и ст. 217 (публичное подстрекательство к нарушению закона) УК².

В соответствии с Указом 463/2020 от 14 марта 2020 г. режим особого положения в связи с Covid-19 был введен в **Испании**. Уже 29 марта 2020 г. был принят закон 10/2020, который вводил ковидные ограничения и устанавливал оплачиваемый отпуск для работников с целью снижения мобильности населения в контексте борьбы с новой коронавирусной инфекцией. Нарушение установленных ограничений было предложено оценивать в соответствии со ст. 550 и 556 УК Испании³.

23 марта 2020 г. премьер-министр **Великобритании** объявил о чрезвычайных мерах по замедлению распространения коронавируса. Население попросили оставаться дома. Уже 26 марта 2020 г. был принят закон (The Health Protection (Coronavirus, Restrictions) (England) Regulations 2020), который, среди прочего, запрещал покидать место жительства без уважительной причины. Были запрещены массовые собрания,

¹ URL: Romania, Decree on the establishment of the emergency situation on the territory of Romania, 16 March 2020, English translation at <https://rm.coe.int/09000016809cee30>. Several news sites were reportedly shut down pursuant to the decree: Romania shuts down websites with fake COVID-19 news, 13 May 2020: https://www.euractiv.com/section/all/short_news/romania-shuts-down-websites-with-fake-covid-19-news/.

² URL: <https://verfassungsblog.de/year-one-reflections-on-turkeys-legal-responses-to-the-covid-19-pandemic/> (дата обращения: 22 июня 2022 г.).

³ URL: <https://www.article19.org/resources/spain-penal-code-used-to-criminalise-jokes-and-misinformation-about-coronavirus/> (дата обращения: 22 июня 2022 г.).

приостановлена деятельность практически всех предприятий, кроме жизнеобеспечивающих. Кроме того, полиции были предоставлены полномочия выносить решения о наложении так называемых фиксированных штрафов¹.

Большинство новых составов преступлений было введено посредством внесения поправок в Закон об общественном здравоохранении 1984 г. (Public Health (Control of Disease) Act 1984). При этом почти все они носили «суммарный характер», то есть изначально они должны рассматриваться судом и наказываться штрафом. Нарушителю грозит уголовная ответственность только в том случае, если уведомление о фиксированном штрафе не было оплачено по истечении 28 дней и было принято решение возбудить уголовное преследование в отношении лица.

В систематизированном виде правонарушения пандемийного периода по законодательству Великобритании могут быть представлены следующим образом (См. таблицу)².

Карантин			
	Первое правонарушение	Второе правонарушение	Максимум
Нарушение запрета на проведение собрания и передвижение	Наказывается штрафом в размере 200 фунтов (при оплате в период до 14 дней – 100 фунтов)	Наказание удваивается с каждым последующим правонарушением	6400 фунтов за шестое и последующие правонарушения
Нарушение запрета на проведение собрания (более 15 участников)	Наказывается штрафом в размере 800 фунтов (при оплате в период до 14 дней – 400 фунтов)	Наказание удваивается с каждым последующим правонарушением	6400 фунтов за пятое и последующие правонарушения
Нарушение запрета на проведение собрания (более 30 участников)	Наказывается штрафом в размере 10000 фунтов	Наказывается штрафом в размере 10000 фунтов	Наказывается штрафом в размере 10000 фунтов
Ношение масок			

¹ URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2020/350/made> (дата обращения: 22 июня 2022 г.).

² House of Commons justice Committee: Covid-19 and the criminal law (fourth report of session 2021-22). URL: <https://committees.parliament.uk/publications/7439/documents/77794/default/>

Нарушение требования о ношении защитной маски	Наказывается штрафом в размере 200 фунтов (при оплате в период до 14 дней – 100 фунтов)	Наказание удваивается с каждым последующим правонарушением	6400 фунтов за шестое и последующие правонарушения
Международный карантин			
Несоблюдение карантина по месту жительства	Наказывается штрафом в размере 1000 фунтов	Наказание удваивается с каждым последующим правонарушением	10000 фунтов за четвертое и последующие правонарушения
Несоблюдение карантина при размещении в гостинице (отеле)	Наказывается штрафом в размере 5000 фунтов	Наказывается штрафом в размере 8000 фунтов	10000 фунтов за третье и последующие правонарушения
Уклонение от предоставления уведомления «локатор пассажиров»	Наказывается штрафом в размере 500 фунтов	Наказание удваивается с каждым последующим правонарушением	4000 фунтов за четвертое и последующие правонарушения
Уклонение от прохождения тестирования на коронавирус	Наказывается штрафом в размере 1000 фунтов	Наказывается штрафом в размере 1000 фунтов	Наказывается штрафом в размере 1000 фунтов
Уклонение от получения комплекта для тестирования на коронавирус	Наказывается штрафом в размере 2000 фунтов	Наказывается штрафом в размере 2000 фунтов	Наказывается штрафом в размере 2000 фунтов
Уклонение от прохождения тестирования на коронавирус	Наказывается штрафом в размере 1000 фунтов	Наказывается штрафом в размере 2000 фунтов (при втором тестировании)	Наказывается штрафом в размере 2000 фунтов
Воспрепятствование исполнению международных карантинных требований	Наказывается штрафом в размере 1000 фунтов	Наказывается штрафом в размере 1000 фунтов	Наказывается штрафом в размере 1000 фунтов
Предоставление заведомо ложной информации о нахождении в странах из «красного списка»	Наказывается штрафом в размере 10000 фунтов	Наказывается штрафом в размере 10000 фунтов	Наказывается штрафом в размере 10000 фунтов
Самоизоляция			
Неисполнение обязанности по самоизоляции	Наказывается штрафом в размере 1000 фунтов	Наказание удваивается со вторым и третьим	10000 фунтов за четвертое и последующие

		правонарушением	правонарушения
Неисполнение обязанности по самоизоляции, сопряженное с контактом с третьими лицами или возможностью такого контакта	Наказывается штрафом в размере 4000 фунтов	Наказывается штрафом в размере 10000 фунтов	Наказывается штрафом в размере 10000 фунтов
Неисполнение обязанности об уведомлении работодателя о необходимости самоизоляции	Наказывается штрафом в размере 50 фунтов	Наказывается штрафом в размере 50 фунтов	Наказывается штрафом в размере 50 фунтов

В Великобритании наибольшая дискуссия развернулась относительно установления фиксированных штрафов в размере 10 тыс. фунтов стерлингов. С учетом размера штрафа и «запутанности регулятивного законодательства о замедлении распространения коронавируса» высказывались суждения о том, что применение такой санкции должно в обязательном порядке осуществляться по судебному решению с соблюдением всех гарантий защиты.

25 августа 2020 г. Генеральным прокурором Великобритании были объявлены сведения о количестве уведомлений о фиксированных штрафах, которые не были оплачены. На тот момент данные указывали, что почти 50% уведомлений о фиксированных штрафах не были оплачены в течение 28-дневного периода:

– 8930 чел. (7375 в Англии, 1555 в Уэльсе) уплатили фиксированный штраф;

– 8954 чел. (8325 в Англии, 629 в Уэльсе) не заплатили и, следовательно, подлежат рассмотрению для судебного преследования;

– 1287 чел. (Англия и Уэльс) не выплатили, но срок выплаты еще не истек¹.

Все штаты и территории **Австралии** приняли специальные акты, направленные на противодействие пандемии коронавирусной инфекции². В **Западной Австралии** ковидные поправки в Уголовный кодекс были приняты 3 апреля 2020 г. в рамках Закона «О внесении поправок в Уголовный кодекс (реагирование на COVID-19) 2020 г.» (Criminal Code Amendment (COVID-19 Response) Act 2020)³. Данным документом были внесены изменения в ст. 318 и 338 В Уголовного кодекса, содержание которых связано с непосредственным упоминанием коронавирусной инфекции. Так, например, ст. 318 УК Западной Австралии устанавливает ответственность за применение насилия в отношении представителей власти, а равно иных лиц, осуществляющих свою профессиональную деятельность в публичных интересах. Наказание имеет альтернативный характер: лицо может быть подвергнуто лишению свободы на срок до 3 лет со штрафом до 36 тыс. дол. либо лишению свободы на срок до 7 лет, либо при наличии отягчающих обстоятельств (нападение было вооруженным либо групповым) до 10 лет лишения свободы. Поправки, внесенные в УК Западной Австралии от 3 апреля 2020 г., установили в качестве квалифицирующего признака наличие у виновного на момент совершения преступления подтвержденного Covid-19 либо явных симптомов данного заболевания. При подобных обстоятельствах лицо также подлежит наказанию до 10 лет лишения свободы. Важно указать, что внесенные в УК изменения изначально имеют

¹ Letter from Rt Hon Suella Braverman QC MP, Attorney General, dated 25 August 2020, regarding follow-up of 21 July evidence session. URL: <https://committees.parliament.uk/publications/2441/documents/24188/default/> (дата обращения: 09 мая 2022 г.).

² Joseph Lelliott, Andreas Schloenhardt and Ruby Ioannou. Pandemics, Punishment, and Public Health: COVID-19 and Criminal Law in Australia. URL: <https://www.unswlawjournal.unsw.edu.au/article/pandemics-punishment-and-public-health-covid-19-and-criminal-law-in-australia/> (дата обращения: 09 мая 2022 г.).

³ Criminal Code Amendment (COVID-19 Response) Act 2020. URL: https://www.legislation.wa.gov.au/legislation/statutes.nsf/law_a147251_currencies.html (дата обращения: 09 мая 2022 г.).

срочный характер, поскольку ограничены периодом с 4 апреля 2020 г. до 3 января 2023 г. («...For the period beginning on 4 April 2020 and ending at the close of 3 January 2023, subsection (1) applies as if amended by inserting after paragraph (1) — (1a) to imprisonment for 10 years if — (i) at the commission of the offence the offender knows that the offender has COVID-19...»).

Изменения, внесенные в ст. 338 В также имеют временный характер и касаются определения ответственности за угрозу применения насилия или причинения иного вреда другому лицу. В результате поправок было включено специальное указание на угрозу причинить вред здоровью потерпевшего посредством его заражения Covid-19.

В Новом Южном Уэльсе был принят закон, признающий преступлением намеренное плевание и кашель в общественном месте, если они сопряжены с угрозой распространения Covid-19 (The Public Health (COVID-19 Spitting and Coughing) Order (№ 3) 2020 (NSW) (superseded by the Public Health (COVID-19 Spitting and Coughing) Order (№ 4) 2020 (NSW) and the Public Health (COVID-19 Spitting and Coughing) Order 2021 (NSW)) was issued pursuant to the Public Health Act 2010 (NSW) and made it an offence, under section 5(1), to intentionally spit at or cough on public officials ‘in a way that would reasonably be likely to cause fear about the spread of COVID-19. It had a maximum penalty of six months’ imprisonment or a fine up to AUD 11,000)¹.

В Новой Зеландии специальное нормативное регулирование, направленное на противодействие распространению Covid-19, было принято 13 мая 2020 г. в рамках Закона «О мерах общественного здравоохранения в связи с Covid-19 2020»². В соответствии с данным нормативным актом (ст. 26) лицо совершает преступление, если оно умышленно не выполняет

¹ Joseph Lelliott, Andreas Schloenhardt and Ruby Ioannou. Pandemics, Punishment, and Public Health: COVID-19 and Criminal Law in Australia. URL: <https://www.unswlawjournal.unsw.edu.au/article/pandemics-punishment-and-public-health-covid-19-and-criminal-law-in-australia/> (дата обращения: 10 мая 2022 г.).

² COVID-19 Public Health Response Act 2020. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2020/0012/latest/LMS344134.html> (дата обращения: 10 мая 2022 г.).

установленных законом требований и ограничений в сфере противодействия Covid-19. Для физического лица предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 6 месяцев или штраф в размере не более 12 тыс. дол. США. Для юридических лиц – штраф в размере не более 15 тыс. дол. США.

Отдельно выделены преступления, связанные с осуществлением исполнительных (организационно-распорядительных, управленческих) полномочий (ст. 27): лицо совершает преступление, если оно препятствует или умышленно угрожает, нападает или препятствует судебному исполнителю при осуществлении или выполнении полномочий или функций в соответствии со ст. 20–24 Закона «О мерах общественного здравоохранения в связи с Covid-19 2020»; лицо совершает преступление, если оно умышленно не соблюдает указания, запрета или ограничения, данного или наложенного в соответствии с любым из разделов 21–24 Закона «О мерах общественного здравоохранения в связи с Covid-19 2020»; лицо совершает преступление, если оно не останавливается как можно скорее, когда этого требует констебль, осуществляющий полномочия в соответствии с разделом 22 (3) Закона «О мерах общественного здравоохранения в связи с Covid-19 2020» для остановки транспортного средства. Для физического лица предусмотрено лишение свободы на срок до 6 месяцев или штраф в размере не более 12 тыс. дол. США; для юридического лица – штраф в размере не более 15 тыс. дол. США.

29 апреля 2020 г. были внесены изменения в закон **Южной Африки** о противодействии стихийным бедствиям (Disaster management act, 2002 Regulations issued in terms of section 27(2) of the disaster management act, 2002). Статья 14 данного закона определяет как преступление: 1) публикацию заявления на любом носителе с намерением ввести в заблуждение относительно обстоятельств, связанных с передачей вируса, личным статусом инфицирования и мерами правительства по борьбе с пандемией (наказывается штрафом или тюремным заключением на срок 6 месяцев (или и то, и другое); 2) нарушение карантинных ограничений (наказывается

штрафом или тюремным заключением на срок 6 месяцев (или и то, и другое). В рамках этой же статьи оговаривается, что умышленное заражение другого лица коронавирусной инфекцией может в зависимости от обстоятельств квалифицироваться как причинение вреда здоровью, покушение на убийство или убийство¹.

В Сингапуре специальное регулирование, связанное с коронавирусной инфекцией, было принято в рамках «Covid-19 (Temporary measures) Act 2020 (Act 14 of 2020)». Документ имеет комплексный характер и помимо категориального аппарата, устанавливаемых специальных компетенций конкретных ведомств и должностных лиц, а равно вводимых карантинных ограничений, определяет ответственность за совершение преступлений в период пандемии. В частности, в соответствии со ст. 34 было криминализовано нарушение локдауна и иных ограничений, связанных с обеспечением социальной дистанции – наказывается штрафом до 10 тыс. дол. США либо лишением свободы на срок до 6 месяцев / повторное и последующие нарушения – наказываются штрафом до 20 тыс. дол. США либо лишением свободы на срок до 12 месяцев².

А.В. Креховец и А.А. Никифорова на основе изучения зарубежного опыта уголовно-правового реагирования на распространение новой коронавирусной инфекции Covid-19 отмечают, что: 1) распространение коронавирусной инфекции явилось неожиданностью для всех государств, потому их правовые системы не были адаптированы под сложившуюся обстановку; 2) многие государства посчитали необходимым отреагировать на возникновение инфекции принятием уголовно-правовых мер; 3) с учетом существующих особенностей законодательства представители разных стран принимают различные нормы об ответственности за распространение

¹ Disaster management act, 2002 Regulations issued in terms of section 27(2) of the disaster management act, 2002 / [Электронный ресурс] // URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/202004/43258rg11098gon480s.pdf (дата обращения: 17 мая 2022 г.).

² Covid-19 (Temporary measures) Act 2020 (Act 14 of 2020) / [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mlaw.gov.sg/covid19-relief/> (дата обращения: 17 мая 2022 г.).

инфекции, но их действие при этом одинаково направлено на последующее недопущение распространения новой коронавирусной инфекции Covid-19 и возникающих в связи с этим противоправных проявлений¹.

В завершение данной части работы представляется необходимым сформулировать ее основные выводы и положения:

1) преодоление негативных последствий новой коронавирусной инфекции потребовало значительных (комплексных) усилий со стороны государств в области правового регулирования. Введение особых (чрезвычайных) режимов было сопряжено с конкретизацией социальных, трудовых, экономических (в том числе налоговых) отношений. Кроме того, был задействован механизм уголовно-правовой охраны, прежде всего в целях обеспечения исполнения карантинных ограничений;

2) пандемия не вызвала массовой криминализации в части ответственности за нарушение режима самоизоляции, уклонение от прохождения лечения и т.д. (некоторым исключением здесь выступают лишь отдельные страны – Великобритания, Новая Зеландия, Австралия и др., в которых принятие «антиковидных законов» было сопряжено с определением специальных составов преступлений). В целом органы государственной власти пошли по пути принятия актов толкования, которыми разъяснялись правила применения уже имеющихся положений уголовного законодательства об ответственности за причинение вреда жизни и здоровью человека, применение насилия и оскорбление представителя власти, уклонение от уплаты налогов, нарушение санитарно-гигиенических требований в условиях пандемии Covid-19;

3) отдельные страны использовали модель изначально временной криминализации либо ужесточения уголовной ответственности за нарушение

¹ Креховец А.В., Никифорова А.А. Новые направления криминализации в уголовном законодательстве зарубежных стран в условиях Covid -19 // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIX Международной научно-практической конференции. М., 2022. С. 219.

требований санитарно-эпидемиологического законодательства в период пандемии;

4) первые месяцы пандемии показали, что противодействие дезинформации в сети Интернет стало столь же важным, как и обеспечение медицинских работников необходимым медицинским оборудованием и расходными материалами. Борьба с «инфодемией» не только осуществлялась организационно-техническими мерами, но и вызвала тренд на криминализацию распространения заведомо ложной информации о Covid-19, в том числе о мерах общественного здравоохранения;

5) в заключениях отдельных международных организаций, а также в зарубежной литературе довольно критически оценивается введение специальных составов об ответственности за действия, связанные с дезинформацией о Covid-19. Специалисты неустанно подчеркивают, что государственные режимы, склонные к неоправданному ограничению свободы слова, попросту воспользовались пандемией в своих политических целях. Ковидная эпидемия так или иначе завершится, но нормы об ответственности за выражение мнения о деятельности органов власти, отличающегося от официальной оценки, позволят преследовать за критику.

ГЛАВА 2. РЕАЛИЗАЦИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ, В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, довольно хорошо разработан в отечественной юридической науке. В исследованиях В.А. Блинникова¹, Г.М. Гехвенбаума², Д.А. Дорогина³, А.П. Дмитренко⁴, С.В. Пархоменко⁵, Н.Н. Паше-Озерского⁶ обстоятельно раскрываются многие догматические и прикладные вопросы правомерного или извинительного причинения вреда охраняемым законом отношениям в соответствии с УК РФ. Надо признать, что, несмотря на разработанность темы, единого понимания природы соответствующих обстоятельств в науке не наблюдается. Авторы расходятся даже в оценке их общего количества в уголовном законе. Изучение зарубежного законодательства и литературы показывает, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, довольно часто определяются в блоке универсальных оснований, именуемых «defenses» или «защиты» от уголовного преследования. При этом наряду с обороной и крайней необходимостью к таким обстоятельствам относятся невменяемость, казус, недостижение возраста уголовной ответственности, ошибка и др. К «defenses» относят все условия, которые так или иначе будут указывать на невозможность уголовного преследования, на отсутствие какого-либо обязательного признака состава преступления. Подход по ряду

¹ См.: Блинников В.А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве России. Ставрополь, 2001.

² Гехфенбаум Г.М. Крайняя необходимость в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002.

³ См.: Дорогин Д.А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. М., 2013.

⁴ См.: Дмитренко А.П. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве России: основы теории, законодательной регламентации и правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.

⁵ См.: Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб., 2004.

⁶ См.: Паше-Озерский Н.Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1962.

причин весьма чуждый отечественной догматике и законодательной модели, реализованной в главе 8 УК РФ. В рамках настоящей главы не ставится задача осветить, а тем более разрешить, извечные вопросы института обстоятельств, исключающих преступность деяния. Задача состоит в другом – выявить, систематизировать и проанализировать особенности и проблемы применения в условиях пандемии всего двух таких обстоятельств – крайней необходимости и обоснованного риска. Предпочтение именно в пользу этих обстоятельств хотя может быть интуитивно понятно, однако для упреждения возможных вопросов должно быть отдельно пояснено. Пандемия Covid-19 прежде всего заставила действовать различных субъектов в условиях нехватки различного рода ресурсов, порождающих ситуацию известного выбора, описанного в ст. 39 УК РФ. С другой стороны, разработка и апробирование вакцины от опасного инфекционного заболевания, применение нетрадиционных методов и средств лечения – все это та самая рискованная деятельность, правомерность которой должна оцениваться в порядке ст. 41 УК РФ. Опыт, не только отечественный, но и зарубежный, высветил серьезные проблемы с их применением в условиях пандемии. Многие теоретические дискуссии реализовались в жизни, и практика в отсутствие четких рекомендаций оказалась в условиях правовой неопределенности. В этой связи задача науки заключается в том, чтобы осмыслить этот опыт, предложить возможные решения. Это представляется актуальным прежде всего в том смысле, что возникновение новых эпидемиологических угроз глобального характера экспертами оценивается как вполне реальная перспектива ближайших десятилетий.

Прежде чем переходить к освещению обозначенных в главе вопросов, необходимо хотя бы в общем виде сформулировать собственную позицию относительно необходимой обороны от действий, связанных с нарушением санитарно-эпидемиологических правил или с умышленным распространением инфекции в период пандемии. Значимость проблемы не убедила в целесообразности посвятить этому самостоятельный параграф. В

теории она практически не рассматривается, практика отсутствует. В средствах массовой информации встречаются лишь отдельные сообщения о фактах немотивированной агрессии по отношению к кашляющим в общественных местах людям. Проведенное социологическое исследование показало, что большинство специалистов (около 75%) оценивают такую ситуацию как некую дидактическую конструкцию. Опрашиваемые преимущественно задавались следующим вопросом: кто и как будет защищать себя от чихающего или кашляющего на улице человека либо от человека, целенаправленно нарушающего самоизоляцию, вступающего в контакт с другими людьми и соответственно распространяющего опасную инфекцию? Респонденты высказали сомнение прежде всего в том, можно ли такие деяния вообще признавать общественно опасным посягательством по смыслу ст. 37 УК РФ.

Изучение зарубежной литературы и законодательства показало, что практически общепринятой позицией является представление о том, что умышленное деяние, направленное на заражение другого лица инфекционным заболеванием в отсутствие специальных положений закона, должно оцениваться как причинение вреда здоровью человека в зависимости от степени тяжести наступивших последствий. С теоретических позиций опровергнуть такую модель квалификации довольно сложно. Сомнение возникает только в плоскости практической реализации – как доказать, что именно конкретные действия лица повлекли инфицирование потерпевшего; как устранить сомнение в том, что потерпевший до этого уже не был инфицирован, но переносил болезнь бессимптомно; насколько обоснованно вменять те негативные последствия (осложнения) протекания инфекционного заболевания, если во многом они могут быть обусловлены индивидуальными особенностями организма потерпевшего (астма, диабет, престарелый возраст и др.)?

Если первые два вопроса решить с помощью юридической презумпции – признавать причинно-следственную связь установленной всегда при

логичном проявлении признаков болезни / полагать, что поскольку диагноза не было, значит потерпевший был здоров на момент посягательства, – а на последний предложить использовать правила квалификации посягательства с неконкретизированным умыслом, то выстраивается вполне жизнеспособная концепция юридической оценки посягательства на здоровье человека посредством распространения Covid-19.

Исходя из этих соображений, защитные действия от попытки инфицировать другого человека коронавирусной инфекцией, конечно же, образуют состояние необходимой обороны по смыслу ст. 37 УК РФ. И последняя должна признаваться правомерной во всех случаях, если не был причинен тяжкий вред здоровью или смерть посягающему. Аналогичным образом, на наш взгляд, должна решаться и ситуация с умышленным нарушением санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ). В этой связи довольно дискуссионной представляется позиция Э. Ю. Латыповой, что в случае применения насилия для защиты от заражения опасным заболеванием, присутствует не состояние необходимой обороны, а близкое к ней состояние крайней необходимости, так как источник опасности не сам человек, а наличие у него опасного заболевания¹. В ситуации умышленных действий лицо использует инфекционное заболевание как средство совершения посягательства на здоровье потерпевшего. Поэтому источником опасности является все же сам человек, а примененное в отношении него насилие должно оцениваться по правилам необходимой обороны.

В завершение краткого освещения вопроса следует указать, что представление об умозрительности обороны в условиях пандемии является во многом спорным. Разве сложно допустить ситуацию, когда гражданин ограничивает свободу передвижения другого лица, заведомо нарушающего карантин и имеющего явные признаки болезни, принудительно выводит

¹ Латыпова Э.Ю. О спорных вопросах содержания некоторых обстоятельств, исключающих преступность деяния, в свете пандемии Covid-19 // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако, 22 – 23 мая 2020 г.: Материалы IV Международной научно-практической конференции. Тамбов, 2020. С. 401.

последнего из транспорта и удерживают до момента прибытия правоохранительных органов. Полагаем, что все признаки необходимой обороны по смыслу ст. 37 УК РФ здесь имеются, причем с учетом характера примененного насилия – обороны правомерной.

2.1. Особенности и проблемы реализации уголовно-правовой нормы о крайней необходимости в условиях пандемии

Крайняя необходимость является одной из древнейших правовых конструкций. При этом она не столько принадлежит теории и отрасли уголовного права, сколько имеет междисциплинарный характер, решая проблему оценки поведения индивида в условиях столкновения двух правоохраняемых интересов в цивилистике, административном праве и др. Эта универсальность вполне понятна, поскольку стать перед выбором меньшего из зол человек может в совершенно разных сферах деятельности, вступая в разнообразные по природе правоотношения.

Г.С. Шкабин делает вывод, что пандемия Covid-19 с уголовно-правовых позиций объективно является опасностью наличной и действительной, непосредственно угрожающей правоохраняемым интересам. С учетом этого он резюмирует, что она может быть источником крайней необходимости и является основанием для причинения правомерного вреда¹. Согласимся с автором. Здесь уместно лишь уточнить, что пандемия или распространение в мировом масштабе инфекционного заболевания, представляющего значительную опасность для жизни и здоровья человека, не всегда выступает непосредственным источником крайней необходимости. Она является таким источником, когда для ее преодоления принимаются меры по ограничению конституционных прав и свобод граждан в экстраординарном порядке. Во всех остальных случаях пандемия в некотором смысле находится на заднем плане

¹ Шкабин Г.С. Пандемия Covid-19 как источник опасности при крайней необходимости // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 43.

непосредственной угрозы – тяжелого состояния конкретного пациента; прекращения производственного процесса, имеющего критическое значение для обеспечения жизнедеятельности населения и др.

Феномен и сама законодательная конструкция крайней необходимости в условиях пандемии Covid-19 могут быть рассмотрены в двух плоскостях. Первая касается особенностей и проблем реализации ст. 39 УК РФ в самых разнообразных видах деятельности, как бытовой, так и профессиональной. Вторая требует специального обстоятельного анализа ввиду известного комплекса крайне непростых и до настоящего времени неразрешенных проблем и противоречий – это применение правила о крайней необходимости в деятельности медицинских работников, в том числе в аспекте преодоления пандемии Covid-19. Представленное деление, конечно же, не претендует на абсолютность и может быть подвергнуто вполне обоснованной критике. В литературе можно обнаружить и иную классификацию «пандемийной крайней необходимости»¹. Однако, упреждая возможные упреки в упрощении изучаемого явления, стоит пояснить, что поводом к такой классификации послужили наблюдение и опыт. Именно они убедительно свидетельствуют в пользу того, что предметом профессиональной дискуссии, а иногда и широкого общественного обсуждения почти всегда выступали две ситуации. Первая связана с осмыслением института крайней необходимости с учетом вводимых ограничений санитарно-эпидемиологического характера в целом. И здесь вопросы обсуждаются самые разные, но так или иначе общее мнение сводится к некой экстраполяции общетеоретических воззрений о крайней необходимости на пандемийный период, констатируется пригодность выработанных в науке правил и рекомендаций. Вторая всегда рассматривается особо и затрагивает так называемую крайнюю необходимость медицинского работника. Тут наблюдается не просто несовпадение взглядов на решение конкретных проблем выбора медицинского персонала из двух зол, но общая неудовлетворенность состоянием отечественного уголовного законодательства в этом вопросе.

¹ Шкабин Г.С. Указ. соч. С. 43 – 44.

Переходя к непосредственному анализу, следует указать, что на первом уровне пандемия не выявила существенных противоречий в реализации права на причинение меньшего вреда охраняемым уголовным законом отношениям в целях устранения грядущей опасности. Распространение опасного инфекционного заболевания в мировом масштабе, как и природные стихийные бедствия, техногенные катастрофы, является универсальной угрозой, порождающей в определенных условиях состояние крайней необходимости у самых разных лиц.

Свое непосредственное воплощение крайняя необходимость получила в документах органов государственной власти субъектов Российской Федерации о введении обязательных мер по предотвращению распространению SARS-CoV-2. Соответствующие ограничения напрямую затронули конституционные права и свободы граждан, прежде всего право на свободу передвижения, что послужило поводом для обращений граждан с вопросом об их соответствии Основному закону страны. В своем решении Конституционный Суд Российской Федерации указал: «...жизнь и здоровье человека – высшее благо, без которого утрачивают свое значение многие другие блага и ценности... введение тех или иных ограничений прав граждан, обусловленных распространением опасных – как для жизни и здоровья граждан, так и по своим социально-экономическим последствиям – эпидемических заболеваний, требует обеспечения конституционно приемлемого баланса между защитой жизни и здоровья граждан и правами и свободами конкретного гражданина в целях поддержания приемлемых условий жизнедеятельности общества, в том числе вызванных уникальным (экстраординарным) характером ситуации распространения нового опасного заболевания... 30 января 2020 года по решению Всемирной организации здравоохранения эпидемиологической ситуации, вызванной вспышкой коронавирусной инфекции, присвоен уровень международной опасности, объявлена чрезвычайная ситуация международного значения... В сложившейся экстраординарной ситуации Губернатором Московской

области как высшим должностным лицом государственной власти субъекта Российской Федерации, по сути, было осуществлено оперативное (опережающее) правовое регулирование, впоследствии (спустя незначительный период) легитимированное правовыми актами федерального уровня, что само по себе, по смыслу правовой позиции, неоднократно высказанной Конституционным Судом Российской Федерации, не может расцениваться как противоречие положениям Конституции Российской Федерации. Ограничение свободы передвижения... обусловлено *объективной необходимостью* (выделено мной – З.С.) оперативного реагирования на беспрецедентную угрозу распространения коронавирусной инфекции, имеет исключительный характер и преследует конституционно закрепленные цели защиты жизни и здоровья всех лиц, включая в первую очередь самих граждан, подвергнутых временной изоляции, и является соразмерным.

Соразмерность данного ограничения проявляется прежде всего в тех разумных исключениях из общего правила о запрете покидать место своего проживания (пребывания), которые содержались в самой норме. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях... предполагает, что органы административной юрисдикции обязаны избегать формального подхода к решению вопроса об административном наказании... не является административным правонарушением причинение лицом вреда охраняемым законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или других лиц, а также охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена

иными средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред (статьи 2.7 и 24.1)»¹.

Вместе с тем изучение правоприменительной практики (прежде всего по делам об административных правонарушениях) выявляет случаи неоднозначной оценки действий должностных лиц. Так, заместитель главы администрации, начальник отдела архитектуры, капитального строительства и муниципального имущества администрации городского округа К. был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.33 КоАП РФ. Согласно решению суда, К. 14.04.2020 г., являясь должностным лицом, создал умышленную помеху для движения участникам дорожного движения путем установки бетонных блоков на проезжей части, не имеющих отношения к элементам благоустройства, тем самым нарушив п. 15 Основных положений Правил дорожного движения. К., не согласившись с указанным постановлением, обратился в суд с жалобой с просьбой его отмены и прекращения производства по делу в соответствии со ст. 2.7 КоАП РФ. В обоснование своей жалобы К. указал, что указом Губернатора Нижегородской области от 13 марта 2020 г. № 27 «О введении режима повышенной готовности» на территории Нижегородской области с 13 марта 2020 г. был введен режим повышенной готовности. С учетом того, что на территории г. Первомайск были выявлены случаи новой коронавирусной инфекции, решением комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности Нижегородской области г. Первомайск был включен в состав соответствующих территорий. С целью предотвращения дальнейшего распространения коронавирусной инфекции и

¹ По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (Covid-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области: Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П // СПС «КонсультантПлюс».

контроля введенного режима самоизоляции, 14 апреля 2020 г. комиссией было принято решение организовать въезд и выезд из города только через один контрольно-пропускной пункт с блокировкой остальных въездов в город, то есть решение о блокировке было принято не лично им, а комиссией. Его действия были совершены исключительно в целях исполнения решения комиссии и направлены на недопущение дальнейшего распространения коронавирусной инфекции, поэтому материалами дела не доказано наличие его вины в совершении правонарушения. Его действия были совершены в состоянии крайней необходимости ввиду пандемии коронавирусной инфекции. Суд, не согласившись с доводами К., указал, что его действия не могут расцениваться как совершенные в условиях крайней необходимости, так как признаки, указанные в 2.7 КоАП РФ, в данном случае отсутствуют¹.

Решение, полагаем, довольно спорное. Логика принятия и механизм реализации управленческого решения о частичном перекрытии дорог полностью соответствуют приведенной фабуле дела, по которому Конституционный Суд высказался о правомерности подобных ограничений. Существенный интерес, однако, представляет и другое обстоятельство. Как следует из судебного решения, главный архитектор действовал во исполнение обязательного для него распоряжения специальной комиссии городской администрации. С учетом положений уголовного законодательства его действия нельзя было бы признать преступными прежде всего по смыслу ст. 42 УК РФ. Однако, как известно, отечественное административное законодательство специальной оговорки об исполнении приказа или распоряжения не содержит.

В своем решении Конституционный Суд Российской Федерации не только подтвердил конституционный характер вводимых запретов, ограничивающих свободу передвижения граждан, но и обозначил ряд существенных обстоятельств, которые могут возникать при юридической

¹ Решение Первомайского районного суда Нижегородской области от 17.07.2020 г. № 12-18/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

оценке действий, связанных с нарушением санитарно-эпидемиологических требований. В последнем абзаце из приведенной выдержки решения суда содержится указание, что не могут быть признаны неправомерными действия лица, нарушившего режим самоизоляции в состоянии крайней необходимости. Разъяснено это, как видно, применительно к законодательству об административных правонарушениях. Однако представляется очевидным, что аналогично эта проблема должна быть решена и применительно к действиям, формально содержащим признаки состава преступления, предусмотренного ст. 236 УК РФ. Оставление медицинского учреждения (либо места жительства при амбулаторном лечении) может быть обусловлено обстоятельствами, создающими опасность для других правоохраняемых интересов. Так, например, лицо может нарушить изоляционные требования в целях спасения собственной жизни (при пожаре и необходимости эвакуации) либо для обеспечения безопасности иных лиц (например, близких родственников, оказавшихся в силу стечения обстоятельств в беспомощном состоянии).

Подтверждение данной позиции можно найти в современной практике по делам об административных правонарушениях. Так, 5 февраля 2021 г. М., помещенный в режим самоизоляции по месту проживания, отсутствовал по месту жительства, вышел в магазин. Указанное установлено в ходе проверки участковым уполномоченным полиции. М. пояснил суду, что соблюдал режим самоизоляции по месту своего проживания один, в связи с плохим самочувствием (боли в животе) 5 февраля 2021 г. был вынужден пойти вечером в аптеку, расположенную рядом с домом, для приобретения лекарственных средств, которые были предписаны ему врачом. При этом соблюдал все требования по защите, был в маске и перчатках, опасности для окружающих не создавал. Суд в своем решении указал, что М. угрожала опасность ввиду ухудшения состояния здоровья и необходимости приобретения и приема лекарственных препаратов, предписанных врачом. Прекращая производство по делу, суд указал, что М., нарушая режим

изоляции, действовал в состоянии крайней необходимости, предотвращая опасность, которая угрожала его жизни, и иными средствами опасность не могла быть устранена¹.

Аналогичный подход был реализован и по другому делу. Суд указал следующее: «...ребенок К. в возрасте 1,5 лет был отправлен домой на амбулаторное лечение, что подразумевало под собой самостоятельное приобретение для его лечения лекарственных средств, поскольку 14 октября вечером у ребенка резко поднялась температура, а необходимых лекарственных средств в наличии дома не оказалось, при этом, как указано выше, было вечернее время (согласно материалам дела около аптеки К. находился в 19 часов), т.е. вызов участкового педиатра в данное время уже был невозможен, а с вызовом неотложной либо скорой медицинской помощи в связи с пандемией коронавирусной инфекции, особенно в период резкого роста числа заболевших (октябрь 2020 г.), имеют место многочасовые задержки, и необходимые лекарственные препараты у медицинских работников могут отсутствовать, следует признать, что К. причинил вред охраняемым законом интересам в состоянии крайней необходимости»².

О.А. Рузакова с учетом положений ст. 1359 ГК РФ небезосновательно пишет, что использование лекарственных препаратов, вакцины и других объектов патентного права для преодоления пандемии и других ситуаций крайней необходимости возможно и при отсутствии изменений в законодательстве³.

Вопрос о крайней необходимости в условиях пандемии может быть поставлен в ситуации отказа от исполнения отдельных гражданских обязанностей перед государством, в частности, связанных с уплатой налогов и других обязательных платежей. Надо сказать, что подобная проблематика

¹ Постановление Элистинского городского суда Республики Калмыкия от 14.04.2021 по делу № 5-1177/2021.

² Постановление Суксунского районного суда Пермского края от 29.10.2020 по делу № 5-298/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Рузакова О.А. Развитие законодательства о свободном использовании объектов патентного права // Патенты и лицензии. 2020. № 6. С. 2 – 9.

уже находила свое обстоятельное рассмотрение в литературе. Более того, Президиум Верховного Суда Российской Федерации в Обзоре по применению положений главы 8 УК РФ привел соответствующий пример правомерной крайней необходимости по налоговым преступлениям, когда налогоплательщик в целях поддержания бесперебойного производственного цикла, остановка которого могла привести к масштабной техногенной аварии, правомерно по смыслу ст. 39 УК РФ не исполнил обязанность по уплате налогов¹. Изучение соответствующего решения позволяет заключить, что крайняя необходимость в аспекте признания правомерным причинения вреда бюджетным интересам государства будет иметь место лишь в том случае, когда деятельность хозяйствующего субъекта объективно имела критически важное значение для обеспечения безопасности населения и нормальной деятельности государственных органов.

Условия пандемии и объективная нехватка медикаментов на внутреннем рынке могут послужить поводом к совершению незаконного производства лекарственных средств и медицинских изделий без специального разрешения (лицензии) либо к контрабанде соответствующих предметов. Изучение правоприменительной практики показало, что экстраординарные условия пандемии не учитывались правоприменителем при оценке действий в рамках ст. 235¹ УК РФ. Так, К. был осужден за незаконное производство лекарственных средств без специальной лицензии, если такая лицензия обязательна, совершенное в крупном размере. Согласно решению суда, К., являясь генеральным директором, не имея лицензии, организовал производство и сбыт лекарственных средств – кислород медицинский газообразный. Произведенный медицинский кислород поставлялся в различные государственные медицинские учреждения на договорной основе. Общая стоимость поставленной продукции превысила необходимый крупный размер, предусмотренный примечанием к ст. 235¹ УК

¹ Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2019).

РФ¹. Полагаем, что применительно к данной ситуации в условиях известного дефицита медицинского кислорода² содеянное лицом могло быть оценено как правомерная крайняя необходимость.

Необходимость оперативного и эффективного противодействия угрозе распространения опасного инфекционного заболевания может послужить поводом к совершению действий, связанных с нецелевым расходованием бюджетных средств (ст. 285¹ УК РФ) либо средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285² УК РФ). Так, должностное лицо может принять решение о дополнительном финансировании территориальных органов здравоохранения за счет средств, которые были выделены из бюджета на иные цели – капитальное строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, образование и т.д. Во всех этих случаях вопрос о наличии признаков крайней необходимости может быть решен в пользу такого лица. Об этом отмечается и в литературе. В известном комментарии под редакцией В.М. Лебедева отмечается, что если нецелевое расходование средств осуществляется в целях предотвращения наступления более существенного вреда, действия виновного следует рассматривать с учетом правил ст. 39 УК РФ, например, в преддверии скорой зимы лицо направляет средства для обеспечения отопительного сезона вместо строительства участка дороги³.

Практика по административным делам выявляет приверженность данному подходу. Так, Н. была привлечена к ответственности по ч. 1 ст. 7.32.5 КоАП РФ. В своей жалобе Н. ссылалась на то, что 01 апреля 2020 г. был издан приказ о временном порядке работы БУ «Мариинско-Посадская

¹ Приговор Альметьевского городского суда от 18 мая 2020 г. по делу № 1-18/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

² Из-за роста заболеваемости Covid в некоторых регионах возникают проблемы с запасами медицинского кислорода. Министерство рассчитывает на «активную работу» с крупными компаниями по передаче кислорода от них в пользу медучреждений. URL: <https://www.rbc.ru/business/14/10/2021/6166f5ec9a7947a5d75f39a8> (дата обращения: 12.03.2022 г.).

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. Особенная часть. Разделы X – XII / под ред. В.М. Лебедева. М., 2017. Т.4 // СПС «КонсультантПлюс».

ЦРБ». После выявления случаев заражения COVID-19 у персонала отделения анестезиологии-реанимации, приказом деятельность данного отделения приостановлена с 26 апреля 2020 г., возникла необходимость закупки средств индивидуальной защиты для противостояния болезни. Денежные средства на их приобретение в необходимом объеме не были предусмотрены в плане финансово-хозяйственной деятельности учреждения на 2020 г. В условиях острой необходимости закупки средств индивидуальной защиты для обеспечения безопасности медработников, противодействия распространению COVID-19, вынужденного приостановления профилактических медицинских осмотров и диспансеризации, сокращения планового посещения населением медицинских организаций в условиях пандемии, БУ «Мариинско-Посадская ЦРБ» были нарушены сроки и порядок оплаты поставленных товаров по контракту от 24 августа 2020 г., заключенному с ГУП «Фармация».

Суд согласился с приведенными доводами и отменил решение по делу об административном правонарушении на основании п. 3 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, указав следующее: «...должностное лицо – главный врач БУ «Мариинско-Посадская ЦРБ» допустила нарушение требований Федерального закона от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в части несвоевременной оплаты заказчиком обязательств по исполненному контракту в условиях распространения угрозы коронавирусной инфекции COVID-19, действуя в состоянии крайней необходимости, вызванного необходимостью обеспечения личной безопасности работников учреждения, пациентов, противостоянию распространению новой коронавирусной инфекции, последствия (вред) от которых были бы более значительными, чем ущерб, причиненный ГУП «Фармация» в результате несвоевременной уплаты за поставленный товар¹.

¹ Решение Мариинско-Посадского районного суда Чувашской Республики от 17.01.2022 № 12-3/2022 (12-57/2021) // СПС «КонсультантПлюс».

Ситуация крайней необходимости может возникнуть и при реализации иных организационно-распорядительных полномочий в деятельности главного врача больницы либо заведующего отделением. Так, например, руководитель медицинского учреждения в отсутствие медицинского кислорода может принять решение об использовании кислорода технического. Равным образом при экспоненциальном росте поступающих заболевших главврач может принять решение о временной перепрофилизации деятельности как подчиненного коллектива, так и соответствующих помещений, предназначенных для лечения других пациентов. Так или иначе это приведет к приостановке проведения плановых операций, существенному сокращению возможности приема граждан с другими заболеваниями. Следовательно, все эти меры организационного характера при наступлении негативных последствий могут быть квалифицированы как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Единственным препятствием к уголовному преследованию в данной ситуации является соблюдение руководителем медицинского учреждения требований ст. 39 УК РФ.

Надо сказать, что за период пандемии единственный оправдательный приговор со ссылкой на положения ст. 39 УК РФ был выявлен именно в подобной ситуации. Органами предварительного следствия действия главного врача городской больницы Якубовского были квалифицированы по ч. 1 ст. 285 УК РФ и по ч. 1 ст. 236 УК РФ. Согласно материалам дела, Якубовский в нарушение установленных требований, подвергая других пациентов и персонал больницы опасности заражения коронавирусной инфекцией, поместил свою супругу с подтвержденным диагнозом Covid-19 в отдельную палату интенсивной терапии терапевтического отделения больницы. Несмотря на представленные обвинением доказательства, суд в своем решении указал следующее: «...Якубовский, являясь заместителем главного врача больницы по лечебной работе (с учетом общего стажа работы в сфере здравоохранения 42 года), осознавая опасность, угрожающую жизни

и здоровью ФИО, страдающей рядом тяжелых хронических заболеваний, которые осложняли лечение у последней «внебольничной пневмонии», являющейся инфекционным заболеванием, в условиях инфекционного отделения КГБУЗ «Верхнебуреинская ЦРБ», находящегося на значительном удалении от основного корпуса больницы, где находится квалифицированный медицинский персонал, способный незамедлительно оказать необходимую медицинскую помощь больной круглосуточно, а также зная, что в инфекционном отделении используется аппарат ИВЛ (искусственной вентиляции легких) с истекшим сроком эксплуатации, с согласия заведующего терапевтическим отделением, в нарушение санитарных правил, предписывающих маршрутизацию указанных больных в инфекционное отделение, поместил ФИО в терапевтическое отделение вышеуказанной больницы для оказания ей квалифицированной медицинской помощи. При этом судом установлено, что Я. осознавал невозможность устранения вышеуказанной опасности жизни и здоровью пациента ФИО без нарушения прав и свобод других лиц, а именно медицинского персонала и пациентов терапевтического отделения, при отсутствии явного превышения допустимых при этом пределов, в том числе в виде причинения вреда здоровью, равного или большего по сравнению с тем, который мог быть причинен при дальнейшем развитии возникшей угрозы, поскольку были приняты исчерпывающие меры, направленные на предотвращение угрозы массового заболевания новой коронавирусной инфекцией «COVID-19» среди пациентов и работников Верхнебуреинской ЦРБ. На основании вышеизложенного судом установлено, что Я. действовал в состоянии крайней необходимости с целью устранения опасности, которая не могла быть устранена иными средствами, при этом последним не допущено превышений пределов крайней необходимости, что исключает преступность деяния. Судом установлена соразмерность возможного причинения вреда общественным отношениям (угроза заражения коронавирусной инфекцией медицинского персонала и пациентов терапевтического отделения)

фактическому вреду здоровья ФИО с угрозой летального исхода»¹. В апелляционной инстанции судебное решение изменено не было².

Вопрос об условиях и пределах правомерности крайней необходимости в медицине всегда привлекал повышенное внимание, являлся (является и по сей день) предметом бескомпромиссных дискуссий, а также темой многих обстоятельных исследований³. Если попытаться совершить некое аналитическое обобщение состояния отечественной науки уголовного права по этой проблеме, то, пожалуй, вывод будет довольно неутешительным. Вековая полемика о крайней необходимости в медицине не завершилась формированием какой-либо цельной теории, которая была бы поддержана хотя бы большинством профессионалов. Вместо этого в исследованиях по медицине можно наблюдать конкретные ответы на строго очерченные вопросы. Приведем несколько примеров.

С.В. Сотникова пишет: «...пункция боковых и срединных кист шеи с диагностической целью может привести к воспалительному процессу, что впоследствии затрудняет хирургическое вмешательство. Поэтому пункцию кисты можно проводить только в случае крайней необходимости»⁴.

В свою очередь Ф.В. Исаев указывает: «...результаты проведенных исследований выявили прямую корреляционную связь между применением кетамина и частотой когнитивных расстройств в ранние и отдаленные сроки после выполнения даже краткосрочных и малотравматичных оперативных

¹ Приговор Железнодорожного районного суда города Хабаровска от 12 ноября 2021 г. по делу № 1-398/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное постановление Хабаровского краевого суда от 03 февраля 2022 г. по делу № 22-222/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: например: Аськов Н.Н. Уголовно-правовые предписания об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в применении к медицинскому работнику: автореф. ...канд. юрид. наук. Самара, 2021.

⁴ Сотникова С.В. Кисты ЛОР-органов. Клиника, диагностика и лечение: дис. ...канд. мед. наук. М., 2003. С. 118.

вмешательств... Использование кетамина в плановой и даже экстренной анестезиологии допустимо только в случаях крайней необходимости»¹.

А.К. Жигунов отмечает, что «...наличие у пострадавшего травматической комы на месте происшествия является показанием к интубации трахеи и искусственной вентиляции легких. При выполнении этого мероприятия летальность составляет 79,8 %, при невыполнении – 97,1 %»².

А.Б. Сингаевский пишет: «...при исходном давлении 90 мм рт.ст. и выше объем инфузии при обычных сроках транспортировки (15-30 мин.) должен составлять 200 – 400 мл. При исходном давлении ниже 90 мм рт.ст. оптимальным является объем инфузии 400 – 1200 мл., в зависимости от времени транспортировки. Превышение объема в 1200 мл. допустимо лишь при вынужденной задержке эвакуации, либо если меньший объем инфузии не обеспечил подъем артериального давления до 60 – 80 мм рт.ст.»³.

Нетрудно заметить, что во всех приведенных выше ситуациях авторы сопоставляют перспективные (разумно возможные) негативные состояния пациента с необходимостью или допустимостью оказания врачебной помощи в конкретной форме. При этом форма эта обладает всеми признаками экстраординарности, поскольку сопряжена либо с существенным превышением дозировки препарата, либо с проведением опасной для жизни пациента операции, либо с иными вмешательствами, которые так или иначе причиняют вред здоровью пациента.

Уголовно-правовая теория вполне логично попыталась выйти на другой – более высокий – уровень обобщения «медицинской крайней необходимости». И здесь появилось представление о том, что сама по себе

¹ Исаев Ф.В. Влияние предоперационных факторов и метода анестезии на частоту когнитивных расстройств в послеоперационном периоде: дис. ...канд. мед. наук. М., 2004. С. 10.

² Жигунов А.К. Хирургическое лечение больных с сочетанными сосудисто-костными повреждениями конечностей: дис. ...д-ра мед. наук. М., 2007. С. 241.

³ Сингаевский А.Б. Пути улучшения исходов лечения тяжелой сочетанной травмы мирного и военного времени: дис. ...д-ра мед. наук. СПб., 2002. С. 127.

медицинская деятельность есть частное проявление крайней необходимости. Общий смысл такого видения интуитивно понятен – медицинское вмешательство есть вынужденное, а следовательно, крайнее вмешательство в функционирование организма, который оказывается неспособен преодолеть патологический процесс. Однако согласиться с ним не только нельзя, но и сугубо с практической точки зрения крайне важно такой подход опровергнуть. Убедительно по этому поводу высказались Н. Крылова и Н. Павлова: «...отождествление простой необходимости, возникающей при любом обращении пациента в медицинское учреждение, и крайней необходимости необоснованно ставит под угрозу важнейшие, социально значимые блага, что вряд ли входило в намерения законодателя, регламентировавшего институт крайней необходимости в ст. 39 УК РФ»¹.

Такое уравнивание алогично прежде всего потому, что сама сопряженность лечения с нарушением анатомической целостности органов и тканей больного, с применением препаратов, причиняющих вред либо создающих угрозу причинения вреда здоровью, при наличии к тому показаний и в строгом соответствии с установленными стандартами и правилами, не является и не может оцениваться как «причинение вреда» по смыслу ст. 39 УК РФ.

По мнению Н.В. Мирошниченко, особенность крайней необходимости в медицине заключается в том, что она всегда представляет собой столкновение интересов двух сторон: пациента и третьего лица². В действительности это не совсем так. Случаи крайней необходимости в медицинской деятельности довольно часто могут быть связаны с причинением вынужденного вреда самому пациенту, как, например, в ситуации экстренного переливания неисследованной в лабораторных условиях крови.

¹ Крылова Н., Павлова Н. Крайняя необходимость в медицинской деятельности: некоторые вопросы практического применения // Уголовное право. 2005. №1. С. 42.

² Мирошниченко Н.В. Причинение медицинскими работниками смерти и вреда здоровью пациентов: уголовно-правовые аспекты: дис. ...канд. юрид. наук. Пятигорск, 2007. С. 135.

Н.В. Павлова выделяет три ситуации крайней необходимости в медицинской сфере: 1) ситуации, вызванные столкновением двух обязанностей; 2) ситуации, связанные с физиологическими (или патологическими) процессами в организме человека; 3) ситуации, вызванные природными (стихийными) силами: экологические катастрофы, землетрясения, цунами, при которых требуется медицинская помощь для спасения как можно большего числа людей¹.

Пандемия коронавирусной инфекции в зависимости от содержания вынужденных и вредоносных действий, которые медик может совершить, позволила выделить следующие виды крайней необходимости: 1) ситуации, позволяющие проводить медицинское вмешательство при наличии относительных и абсолютных противопоказаний; 2) ситуации, позволяющие проводить медицинское вмешательство с нарушением существующих стандартов оказания медицинской помощи; 3) ситуации, позволяющие врачу принять решение об отказе в оказании медицинской помощи.

Весьма распространенными в медицинской практике являются ситуации крайней необходимости, позволяющие проводить медицинское вмешательство при наличии относительных и абсолютных противопоказаний. К таким, например, можно отнести вынужденное применение врачом медицинского препарата, на который у пациента имеется аллергическая реакция, с целью устранения угрозы для жизни больного в условиях фактической недоступности других форм и (или) методов оказания помощи.

Анализируя физиологические аспекты проведения искусственной вентиляции легких, многие авторы пишут о противопоказаниях к ней и об отрицательном влиянии респираторной поддержки на системы организма².

¹ Павлова Н.В. Уголовно-правовое регулирование медицинской деятельности: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2006. С. 161.

² См., например: Мешаков Д.П. Показания и противопоказания к продленной и длительной искусственной вентиляции легких у раненых и пострадавших: дис. ...канд. мед. наук. СПб., 2005. С. 24 – 29.

Вместе с тем отмечается, что абсолютными показаниями к проведению искусственной вентиляции легких являются: 1) острая остановка спонтанного дыхания; 2) крайняя степень внезапно возникших дыхательных расстройств (терминальный или патологический ритм дыхания); 3) избыточная работа дыхательных мышц, что проявляется участием в дыхании вспомогательной мускулатуры; 4) прогрессирующие симптомы гиповентиляции и гипоксии. Нетрудно заметить, что описанные случаи проведения медицинского вмешательства при конкуренции противопоказаний и абсолютных или жизненно важных показаний в целом укладываются в конструкцию уголовно-правовой нормы о крайней необходимости.

В соответствии со ст. 4 Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины 1997 г., всякое медицинское вмешательство, включая вмешательство с исследовательскими целями, должно осуществляться в соответствии с профессиональными требованиями и стандартами¹.

В этой связи крайняя необходимость в деятельности медицинского работника может иметь место и в тех редких случаях, когда врачом вынужденно используются нестандартные формы и методы оказания медицинской помощи для устранения непосредственной и наличной угрозы для жизни и здоровья больного, когда такая угроза не могла быть устранена иными способами.

В соответствии с ч.1 ст. 37 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинская помощь организуется и оказывается в соответствии с порядками оказания медицинской помощи, обязательными для исполнения на территории Российской Федерации всеми медицинскими организациями, а

¹ Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164) (Заключена в г. Овьедо 04.04.1997) (с изм. от 25.01.2005). Документ вступил в силу 1 декабря 1999 года. Россия не участвует // СПС «Консультант-Плюс».

также на основе стандартов медицинской помощи, за исключением медицинской помощи, оказываемой в рамках клинической апробации.

Н.В. Павлова обосновывает точку зрения, что медицинский персонал не может уклониться от оказания помощи в ситуациях крайней необходимости¹. Данное утверждение, на наш взгляд, требует уточнения. Прежде всего необходимо прояснить о какой обязательной помощи должна идти речь. Медицинский работник под страхом уголовной ответственности не может уклоняться от исполнения своих профессиональных обязанностей, связанных с оказанием квалифицированной медицинской помощи, соответствующей имеющимся стандартам. Вместе с тем не является обязанностью медицинского работника совершение спешных экстраординарных действий, заведомо связанных с причинением вреда здоровью пациента, с целью предупреждения наступления предполагаемых более тяжелых последствий. Можно ли считать обязанностью медицинского работника осуществление ампутации ноги при гангрене без необходимого медикаментозного оснащения и оборудования? Очевидно, что в такой ситуации его обязанностью является оказание любой возможной (доступной) помощи пациенту. Проведение же ампутации не в больничных условиях – вопрос решимости, совести и веры медицинского работника в собственный опыт и навыки.

Самостоятельной разновидностью крайней необходимости в медицинской деятельности при пандемии является ситуация, при которой врач принимает решение об отказе в оказании помощи, в том числе о прекращении ее оказания. Природа подобной крайней необходимости заключается в так называемой «коллизии обязанностей». А.П. Дмитренко полагает, что признание коллизии обязанностей как источника возникновения опасности при крайней необходимости не противоречит

¹ Павлова Н.В. Уголовно-правовое регулирование медицинской деятельности: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2006. С. 159.

действующему законодательству, обосновано в науке уголовного права и воспринято судебной практикой¹.

В свою очередь О.С. Капинус пишет: «...неоказание помощи больному в ситуации «коллизии жизней» нельзя оценивать с позиции ст. 39 УК РФ. Впрочем, это ни в коем случае не означает, что медицинский работник, оказавшийся перед сложным этическим выбором между несколькими тяжелобольными пациентами, должен нести уголовную ответственность по ст. 124 УК РФ за неоказание помощи больному. Нужно понимать, что в рассматриваемой ситуации отказ в оказании медицинской помощи является вынужденным, неизбежным. В условиях нехватки стационарных койко-мест, оборудования, лекарственных препаратов у врача отсутствует реальная возможность для оказания медицинской помощи всем нуждающимся, что исключает уголовную ответственность за преступное бездействие. В уголовно-правовом смысле бездействие – это невыполнение юридической обязанности действовать определенным образом, однако оно, как известно, признается преступным лишь при условии, что обязанный субъект в конкретных условиях времени, места и обстановки располагал реальной возможностью выполнить соответствующую обязанность, т.е. совершить требуемое от него действие. И если при наличии одного свободного аппарата ИВЛ в медицинское учреждение одновременно поступило несколько больных, требующих неотложного проведения инвазивной искусственной вентиляции легких, то неоказание необходимой медицинской помощи больному нельзя признать преступным бездействием. В этой ситуации можно лишь ставить вопрос об уголовно-правовой оценке бездействия представителей администрации медицинского учреждения по ст. 293 УК РФ,

¹ Дмитренко А.П. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния, в уголовном праве России: основы теории, законодательной регламентации и правоприменения: дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 375

при условии, что они, имея необходимые ресурсы и возможность, не обеспечили учреждение необходимым оборудованием»¹.

С указанными рекомендациями следует в целом согласиться. Однако, полагаем, здесь вопрос поставлен не о крайней необходимости, а о правовых критериях ответственности за пассивное поведение. Правило о невозможности привлечения лица к уголовной ответственности за бездействие в ситуации «коллизии обязанностей» неприменимо. Здесь речь идет не об отсутствии фактической возможности действовать, а о сознательном выборе лица в пользу бездействия.

По мнению О.С. Капинус, уголовная ответственность врача, столкнувшегося с необходимостью делать выбор в пользу одного из нескольких пациентов, по ст. 124 УК РФ возможна только в тех случаях, когда соответствующий выбор был сделан в нарушение регламентов «сортировки» больных. Так, например, Порядок госпитализации в медицинские организации пациентов с установленным диагнозом новой коронавирусной инфекции COVID-19 в зависимости от степени тяжести заболевания, утвержденный приказом Минздрава России от 19 марта 2020 г. № 198н², предусматривает критерии, при наличии которых пациенты подлежат госпитализации в специализированные медицинские организации. И если врач принял заведомо незаконное решение госпитализировать пациента, не соответствующего установленным критериям, и отказал в госпитализации больному, который по медицинским показателям требует обязательной госпитализации, то при наличии последствий в виде смерти второго пациента или тяжкого вреда его здоровью содеянное необходимо квалифицировать по ст. 124 УК РФ как неоказание помощи больному³.

¹ Капинус О.С. Актуальные биоэтические проблемы и их правовое измерение // Государство и право. 2021. № 11. С. 107.

² Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 19.03.2020 №198н «О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СПС «Консультант Плюс».

³ Капинус О.С. Указ. соч.

В Заявлении Всемирной медицинской ассоциации (ВМА) «О медицинской этике в период катастроф», принятом в 1994 г., указано, что пострадавшие, тяжесть состояния которых не соответствует возможностям оказания медицинской помощи и чья жизнь не может быть спасена в этих специфических обстоятельствах, такие как тяжелораненые, подвергшиеся радиоактивному облучению, получившие тяжелые несовместимые с жизнью ожоги или *тяжелые хирургические больные, требующие особо сложного и длительного оперативного вмешательства* (выделено мной – **З.С.**), вынуждают врача делать выбор между ними и другими пострадавшими. По перечисленным причинам эта категория больных при сортировке классифицируется как «безнадежные». Решение «оставить пострадавшего без внимания в виду иных приоритетов, диктуемых ситуацией бедствия не должно рассматриваться как отказ от помощи человеку, находящемуся в смертельной опасности. Подобное решение, направленное на спасение максимального числа пострадавших, совершенно оправдано...»¹.

Надо признать, что действующая редакция ст. 39 УК РФ не позволяет реализовать соответствующие рекомендации на национальном уровне. Условия правомерности крайней необходимости по смыслу ст. 39 УК РФ делают невозможным такой выбор медицинского персонала. Таким образом, в отечественном правовом поле сложилась ситуация пробельности уголовно-правового обеспечения медицинской сортировки.

В связи с этим полагаем необходимым внести изменения в УК РФ путем выделения привилегированного вида крайней необходимости медицинского работника, рассчитанной на применение в чрезвычайных условиях, в том числе в обстановке пандемии:

«Статья 39¹. Триаж»

¹ Заявление о вопросах медицинской этики в период катастроф. Принято 46-ой Всемирной медицинской ассоциацией. Стокгольм. Швеция. 1994 г. URL: www.unesco.org (дата обращения: 12 июля 2022 г.).

1. *Не является преступлением причинение вреда больному при осуществлении медицинской сортировки в условиях пандемии, экологической катастрофы, общественного бедствия или в иных чрезвычайных ситуациях.*

2. *Правомерность действий медицинского работника, связанных с отказом от помощи больному, определяется на основании специальных правил медицинской сортировки, предусмотренных законодательством в сфере здравоохранения»¹.*

Е.Е. Мачульская справедливо пишет о том, что «пандемия стала проверкой на прочность для национальных систем здравоохранения. Она привела к вынужденным случаям нормирования медицинских услуг, включая «протоколы сортировки», когда недостаточность финансовых средств и медицинского персонала для лечения и ухода за пациентами вызывала необходимость решения вопроса об их жизни или смерти, в частности, об очередности перевода тяжелобольных пациентов на аппараты искусственной вентиляции легких (ИВЛ)... в основе такого «отбора» часто лежали дискриминационные критерии, такие как возраст, наличие инвалидности или предположения об ожидаемой продолжительности жизни»². Подобная проблема была отмечена и в отдельных международных документах³. Это указывает на то, что современное регулирование медицинской сортировки⁴ в отечественном правовом поле позволяет сделать вывод о необходимости его совершенствования. Без этого предлагаемая норма не имеет предпосылок к

¹ Данное решение нашло свою поддержку у 58% опрошенных респондентов.

² Мачульская Е.Е. COVID-19: новые вызовы для инвалидов // Социальное и пенсионное право. 2021. № 2. С. 20 – 26.

³ Addendum to the General Survey: Promoting employment and decent work in a changing landscape. International Labour Organization. Geneva, 2021 / [Электронный ресурс] // URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_775883.pdf. (дата обращения: 12 июля 2022 г.).

⁴ Инструкция по диагностике, медицинской сортировке и лечению острых радиационных поражений (утв. Минздравом СССР 30.09.1977, Минобороны СССР 01.11.1977); ГОСТ Р 22.3.02-94. Государственный стандарт Российской Федерации. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Лечебно-эвакуационное обеспечение населения. Общие требования (принят и введен в действие Постановлением Госстандарта России от 22.12.1994 № 324).

существованию. С учетом имеющегося отечественного и зарубежного опыта надлежит предельно четко определить критерии правомерного отказа медицинского работника от помощи пациенту с низким рейтингом выздоровления в пользу пациента с высоким рейтингом, нуждающегося в незамедлительной интенсивной терапии острой дыхательной недостаточности, то есть находящегося в опасном для жизни состоянии. Такая «скоринг-система», конечно же, является проблемой не только правовой, но прежде всего этической. Вместе с тем сейчас в условиях острой нехватки оборудования вся ответственность возлагается на конкретного специалиста, который с учетом своего опыта на свой страх и риск принимает самостоятельное решение прекратить поддержку пациента с отрицательной динамикой (когда исход представляется очевидным и является делом времени) и подключить к аппарату ИВЛ пациента с высоким шансом на выздоровление. Правильно ли это? Пожалуй, вопрос риторический. Упреждая возможную критику, заранее следует оговориться, что сделанное предпочтение в пользу термина «триаж», возможно, является ошибочным. В любом случае это обсуждаемо. Важным представляется реализация самой идеи.

В завершение данного параграфа выделим его основные выводы, положения и рекомендации:

1) в период пандемии Covid-19 крайняя необходимость проявила себя в ситуациях неисполнения хозяйствующими субъектами обязанностей в сфере учетно-регистрационной, налоговой и договорной дисциплины, при нарушении гражданами санитарно-эпидемиологических требований (режима самоизоляции), при ненадлежащем исполнении должностными лицами своих обязанностей, а также в деятельности медицинских работников;

2) пандемия SARS-CoV-2 в зависимости от содержания вынужденных и вредоносных действий, которые медицинский работник может совершить, позволила выделить следующие виды крайней необходимости: а) ситуации, позволяющие проводить медицинское

вмешательство при наличии относительных и абсолютных противопоказаний; б) ситуации, позволяющие проводить медицинское вмешательство с нарушением существующих стандартов оказания медицинской помощи; в) ситуации, позволяющие врачу принять решение об отказе в оказании медицинской помощи;

3) действующая редакция ст. 39 УК РФ не позволяет реализовать рекомендации по медицинской сортировке на национальном уровне. В отечественном правовом поле сложилась ситуация пробельности уголовно-правового обеспечения медицинской сортировки. В связи с этим полагаем необходимым внести изменения в УК РФ путем выделения привилегированного вида крайней необходимости, рассчитанной на применение в чрезвычайных условиях, в том числе в обстановке пандемии:

«Статья 39¹. Триаж

1. Не является преступлением причинение вреда больному при осуществлении медицинской сортировки в условиях пандемии, экологической катастрофы, общественного бедствия или в иных чрезвычайных ситуациях.

2. Правомерность действий медицинского работника, связанные с отказом от помощи больному, определяется на основании специальных правил медицинской сортировки, предусмотренных законодательством в сфере здравоохранения».

2.2. Особенности и проблемы реализации уголовно-правовой нормы об обоснованном риске в условиях пандемии

Другим важным вопросом уголовно-правового регулирования в период пандемии является применяемость и достаточность нормы об обоснованном риске (ст. 41 УК РФ). Среди специалистов является довольно распространенным мнение, что легитимация в уголовном законе рискованной деятельности, объявление ее при известных обстоятельствах правомерной даже в ситуациях наступления тяжких последствий, есть прежде всего

важная гарантия научного поиска. Согласимся с этим. Во многих областях науки и техники без риска невозможно добиться сколь бы то ни было значимых результатов. Однако не только как гарантия правовой защищенности ученых должна восприниматься ст. 41 УК РФ. За этим кроется решение многих важных социальных, экономических и политических задач. Развитие медицины, повышение обороноспособности государства, построение высокопроизводительной экономики требует новаторства, а следовательно, и возможного риска негативных последствий. Сейчас, например, это проявляется на уровне экспериментального тестирования так называемых высокоавтоматизированных (беспилотных) транспортных средств на дорогах общего пользования. Понятно, что риск наступления негативных последствий имеется, мы не можем быть до конца уверены в безаварийности систем безопасности такого транспорта. Однако очевидна и необходимость развивать дальше цифровую экономику, не останавливаясь в этом, поскольку потеря конкурентных преимуществ не позволит обеспечить достойный уровень России в мире.

В период пандемии Covid-19 проблема обоснованного риска в уголовно-правовом контексте предстала исключительно в медицинской плоскости, причем в двух основных формах: 1) применимость правила об обоснованном риске для случаев использования лекарственных средств (прежде всего вакцин), не прошедших всех требуемых стандартами испытаний на безопасность; 2) применимость правила об обоснованном риске для оценки деятельности медицинских работников, которые в отсутствие каких-либо утвержденных алгоритмов лечения применяют собственные методики либо используют подходы, рекомендуемые другими специалистами, которые, однако же, не получили должной апробации и одобрения со стороны официальных органов в сфере здравоохранения.

Сразу необходимо указать, что вторая выделяемая форма обоснованного риска при пандемии, не имеет под собой должных оснований. Врач не имеет права выдумывать, что называется на ходу, новые методики

лечения, а равно по своему усмотрению увеличивать дозировку, нарушать обязательные ограничения по совместимости с другими препаратами, ссылаясь на допустимость риска для поиска эффективного алгоритма лечения Covid-19. В практике конкретного врача такое «творчество» есть преступление при наступлении тяжких последствий. Как уже отмечалось ранее, при определенных обстоятельствах ситуация вынужденного применения запрещенного для отдельного пациента препарата может возникнуть (например, при отсутствии в конкретной ситуации необходимых лекарственных средств), но оцениваться поведение медика здесь должно по правилам крайней необходимости.

Природа обоснованного риска по смыслу ст. 41 УК РФ не предполагает спонтанности действия. Напротив, это обстоятельство, исключающее преступность деяния, требует опоры на конкретные теоретические и эмпирические данные, предварительное обсуждение среди профессионального сообщества и по большому счету соответствующее оформление принятого решения о допустимости осуществления мероприятий, связанных с риском причинения вреда охраняемым законом интересам.

Здесь предварительно надо также указать, что, как и в случае с крайней необходимостью, обоснованному риску в медицине придается разное по смыслу значение. Распространенным является мнение, что медицинская деятельность сама по себе имеет рискованный характер¹. В известном смысле это действительно так. Однако, опираясь на данный тезис, отдельные авторы утверждают, что «в профессиональной медицинской деятельности на правила обоснованного риска можно ссылаться практически всегда, потому что ни одно вмешательство врача не свободно от угрозы наступления

¹ См.: Малышева Ю.Ю. «Неотложные аспекты» ятрогенных преступлений // Судья. 2020. № 2. С. 23 – 27.

вредных последствий»¹. Уязвимость данной позиции, на наш взгляд, заключается в неоправданном смещении уголовно-правового обоснованного риска и профессионального риска, допускаемого при определенных обстоятельствах практически в любой сфере. Категории эти принципиально разные. Понятно, что любое медицинское вмешательство сопряжено с риском неблагоприятного исхода ввиду прежде всего индивидуальных особенностей пациента. Однако этот риск не является следствием действий медицинского работника, а возникает в результате развития патологических процессов в организме человека. Применение всех медицинских препаратов, а равно методов лечения связано пусть и с незначительным, но все же с вполне очевидным риском неблагоприятных последствий. Вспомним хотя бы известный раздел «побочные эффекты и осложнения» в аннотации к любому современному лекарственному средству. Само по себе это не обуславливает состояния обоснованного риска по смыслу ст. 41 УК РФ. В конце концов, риск наступления негативного результата сопутствует многим формам поведения не только на профессиональном, но и на бытовом уровне.

Другая интерпретация обоснованного риска в медицине раскрывает его как риск исключительно вынужденный, когда положительный результат не мог быть достигнут традиционными, проверенными средствами². Как отвлечение от этой теории, но по большому счету попыткой ее конкретизации является сведение медицинского риска к научно-экспериментальной деятельности – практическому применению нового, научно обоснованного метода диагностики, лечения или профилактики именно с исследовательской целью³.

¹ Красуцких Л.В., Евстратенко Е.В. Субъективные признаки общественно обоснованного риска в сфере медицинской деятельности // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2014. № 3. С. 37 – 38.

² См., например: Невзгодина Е.Л. Проблема соотношения крайней необходимости и обоснованного врачебного риска при оказании медицинской помощи // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. №1 (42). С. 129 и др.

³ См., например: Никитина И.О. Медицинский эксперимент: вопросы правового регулирования // Пробелы в российском законодательстве. 2008. №1. С. 254 – 255;

Полагаем, что с данным подходом обоснованного риска в медицине следует согласиться. По смыслу ст. 41 УК РФ о риске следует говорить именно тогда, когда применяются / тестируются находящиеся на стадии разработки / внедрения медицинские препараты и методы лечения. Современная медицина была бы немыслима без научных исследований и их практического воплощения посредством проведения операций, непосредственного использования новых препаратов и т.п. Не стоит забывать, что все общепринятые методы лечения когда-то были лишь научными гипотезами. Все они прошли клиническую апробацию на человеке. В. Г. Овчинникова справедливо пишет по этому поводу: «...специфика медицинских экспериментов состоит в том, что они не могут быть окончательно завершены в искусственных условиях без проверки лечебно-диагностических средств и методов лечения непосредственно на человеке»¹.

По мнению А. В. Серовой, «профессиональный риск медицинского работника представляет собой сознательное отступление от существующих правил и методик в самом различном направлении врачебной деятельности, выразившееся во вмешательстве в функционирование человеческого организма, с учетом вероятности положительных результатов или негативных осложнений, в целях спасения жизни или радикального улучшения здоровья больного либо во имя науки и излечения будущих больных»². Здесь надо сделать оговорку, чтобы провести четкое разделение между крайней необходимостью и обоснованным риском в медицине. Принципиальным является то обстоятельство, что эта цель достигается путем применения препарата или метода лечения на человеке, жизни и здоровью которого на момент проведения рискованных действий не угрожала

Мавед Е.О. Медицинский эксперимент: морально-правовой аспект // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2013. № 1 (13). С. 135 – 143 и др.

¹ Овчинникова Г.В. Виды профессионально-хозяйственного риска // Правоведение. 1990. № 4. С. 60 – 66.

² Серова А.В. Профессиональный риск медицинских работников как вид обоснованного риска: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 12.

непосредственная опасность. Иными словами, в отличие от крайней необходимости, всегда характеризующейся стремительностью развития событий, обстоятельства при обоснованном риске вполне позволяют перейти к осуществлению конкретных действий, предварительно выполнив все необходимые подготовительные процедуры (лабораторные испытания, комплексное обследование больного, получение информированного согласия и т.д.).

Следовательно, причинение вреда в результате использования не признанных медицинских препаратов либо в ситуациях сознательного нарушения дозировки или при игнорировании имеющихся противопоказаний в условиях устранения непосредственной опасности (например, нарушение дозировки дексаметазона для подавления чрезмерного воспалительного ответа и цитокинового шторма) , когда такая опасность уже не могла быть устранена иными способами, являет собой пример не обоснованного риска, а крайней необходимости.

О. С. Капинус отмечает, что «в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 как никогда актуальными стали проблемы этической и правовой оценки испытаний новых вакцин. С одной стороны, испытание нового лекарства на добровольцах давно вошло в фармакологическую практику...

С другой стороны, в условиях пандемии правила испытаний на людях новых вакцин, предполагающие проведение обстоятельного, репрезентативного и долговременного исследования, вошли в противоречие с задачей срочного поиска барьеров на пути распространения заболевания, угрожающего масштабной гибелью людей и остановкой экономической деятельности... в любом случае, именно медицинские регламенты являются тем стандартом, с позиции которого необходимо оценивать соблюдение условий правомерности обоснованного риска. Они устанавливают границы рискованного поведения в соответствующей сфере, а потому отступление от них означает, что лицо нарушило требования ч. 2 ст. 41 УК РФ о принятии

достаточных мер для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам. Соответственно, испытатели вакцины, нарушившие обязательные специальные правила, подлежат уголовной ответственности за причинение вреда жизни и здоровью добровольцев, участвующих в испытаниях»¹.

В сведении обоснованного риска по смыслу ст. 41 УК РФ к соблюдению установленных медицинских регламентов «обстоятельного, репрезентативного и долговременного исследования», усматривается что-то противоречивое. Иными словами, получается, что обоснованный риск – это тот же профессиональный риск клинического исследования, который в известном смысле имеется всегда и в любых обстоятельствах. Согласиться с такой трактовкой, пожалуй, нельзя. Напротив, обоснованный риск в уголовно-правовом смысле присутствует там и тогда, где и когда медицинское сообщество в силу объективных обстоятельств вынуждено отступить от стандартов «обстоятельного, репрезентативного и долговременного исследования» вакцины, иного лекарственного средства, а равно метода лечения.

Таким образом, обоснованный риск в условиях пандемии представляет собой причинение вреда больному, связанное с отступлением от стандартов полного и долговременного исследования лекарственного средства или метода лечения, терапевтическое использование которых основывалось на достаточных теоретических и эмпирических данных, было одобрено коллегиальным мнением специалистов и санкционировано официальными органами в сфере здравоохранения в целях кардинального улучшения эпидемиологической обстановки. Данное определение нашло свою поддержку у 63% опрошенных респондентов.

Условия правомерности обоснованного риска по смыслу ст. 41 УК РФ довольно обстоятельно раскрыты в отечественной литературе по уголовному

¹ Капинус О.С. Актуальные биоэтические проблемы и их правовое измерение // Государство и право. 2021. № 11. С. 109.

праву¹. Подробнейшим образом излагать все подходы по данной проблеме нет необходимости – это мало что даст с точки зрения исследуемой темы. Следует констатировать одно, мнения авторов разнятся как относительно количества соответствующих условий, так и по поводу их содержания.

Когда речь идет об обоснованном риске в медицине, пожалуй, надлежит признать наличие «скрытой бланкетности» применительно к ст. 41 УК РФ. В различных нормативных и квазинормативных источниках иерархически – от международного уровня до ведомственных инструкций и рекомендаций, конкретизируются и фиксируются обстоятельства, оправдывающие возможность рискованного поведения в оперативно-терапевтической практике.

В десяти принципах Нюрнбергского кодекса 1947 г. определено, что экспериментальная деятельность в медицине допустима при соблюдении следующих условий: 1) добровольное согласие испытуемого; 2) эксперимент должен приносить обществу положительные результаты, недостижимые другими методами или способами исследования / он не должен носить случайный, необязательный по своей сути характер; 3) эксперимент должен основываться на данных, полученных в лабораторных исследованиях на животных, знании истории развития данного заболевания или других изучаемых проблем. Его проведение должно быть так организовано, чтобы ожидаемые результаты оправдывали сам факт его проведения; 4) при проведении эксперимента необходимо избегать всех излишних физических и

¹ См.: Бабурин В.В. Понятие и виды риска в уголовном праве. Омск, 2006; Берестовой А.Н. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999; Дмитренко А.П. Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния в уголовном праве России: основы теории, законодательной регламентации и правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010; Ильюхов А.А. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; Серова А.В. Профессиональный риск медицинских работников как вид обоснованного риска: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999; Шурдумов А.Ю. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Чистяков А.А., Павлухин А.Н., Захаров С.С., Эриашвили Н.Д. Обоснованный риск в уголовном праве Российской Федерации. М., 2007 и др.

психических страданий и повреждений; 5) ни один эксперимент не должен проводиться в случае, если «a priori» есть основания предполагать возможность смерти или инвалидизирующего ранения испытуемого; исключением, возможно, могут являться случаи, когда врачи-исследователи выступают в качестве испытуемых при проведении своих экспериментов; 6) степень риска, связанного с проведением эксперимента, никогда не должна превышать гуманитарной важности проблемы, на решение которой направлен данный эксперимент; 7) эксперименту должна предшествовать соответствующая подготовка, и его проведение должно быть обеспечено оборудованием, необходимым для защиты испытуемого от малейшей возможности ранения, инвалидности или смерти; 8) эксперимент должен проводиться только лицами, имеющими научную квалификацию. На всех стадиях эксперимента от тех, кто проводит его или занят в нем, требуется максимум внимания и профессионализма; 9) в ходе проведения эксперимента испытуемый должен иметь возможность остановить его, если, по его мнению, его физическое или психическое состояние делает невозможным продолжение эксперимента; 10) в ходе эксперимента исследователь, отвечающий за его проведение, должен быть готов прекратить его на любой стадии, если профессиональные соображения, добросовестность и осторожность в суждениях, требуемые от него, дают основания полагать, что продолжение эксперимента может привести к ранению, инвалидности или смерти испытуемого¹.

Указанные принципы, ставшие ответом и гарантией от повторения ужасов медицинских опытов на людях, которые проводились в нацистской Германии, послужили основой для принятия ряда международных документов в данной сфере.

В России основания и условия проведения клинических испытаний на человеке регламентированы Федеральным законом от 21 ноября 2011 г.

¹ URL: <https://european-court-help.ru/njurnbergskij-kodeks-i-drugie-mezhdunarodnye-akty-protiv-prinuditelnoj-vakcinacii/> (дата обращения: 17 мая 2022 г.).

№ 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В соответствии со ст. 36¹ данного нормативного правового акта клиническая апробация представляет собой практическое применение разработанных и ранее не применявшихся методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи для подтверждения доказательств их эффективности. Медицинская помощь в рамках клинической апробации оказывается при наличии заключений этического комитета и экспертного совета. Этический комитет выносит заключение об этической обоснованности возможности применения соответствующих методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи в рамках клинической апробации. Экспертный совет дает разрешение на оказание медицинской помощи в рамках клинической апробации, включающее в себя определение числа пациентов, которым будет оказана медицинская помощь в рамках клинической апробации по каждому методу профилактики, диагностики, лечения и реабилитации, а также определяет медицинские организации, участвующие в оказании медицинской помощи в рамках клинической апробации.

В теории уголовного права нет единообразия относительно освещения условий правомерности обоснованного риска в деятельности медицинских работников. Так, например, выделяются следующие условия: а) рискованное действие совершается квалифицированным медицинским работником для сохранения и укрепления здоровья, спасения жизни конкретного больного или других людей в случае проведения медицинского эксперимента, то есть цель медицинского риска общественно полезна; б) рискованное действие произведено сертифицированными специалистами и соответствует современным достижениям медицинской науки и практики; в) сохранение и укрепление здоровья, спасение жизни больного не может быть достигнуто действиями, не связанными с данным риском; г) медицинский работник предпринял все возможные меры для предотвращения вреда здоровью или угрозы жизни больного либо лица, подвергнувшегося медицинскому

эксперименту; д) лицо, подвергшееся рискованному медицинскому эксперименту, действительно свободно и четко выразило свое согласие на его проведение¹.

Обоснованный риск в медицине всегда должен основываться на уверенном научном знании, качественном анализе и соответственно убедительном с научной точки зрения благоприятном прогнозе. В.В. Бабурин метко резюмирует по данному поводу, что эти действия должны соответствовать «современному уровню научных знаний»². Вместе с тем следует учитывать, что обоснованность риска не устраняется отсутствием точных знаний по какому-то отдельному предмету. Это довольно распространенная, если не сказать типичная, ситуация для научного поиска и научно-экспериментальной деятельности. Так, во временных методических рекомендациях по профилактике, диагностике и лечению новой коронавирусной инфекции (Covid-19) напрямую указывается, что «оценка риска кровотечений у больных с Covid-19 *не разработана*. Согласно шкале «IMPROVE», наиболее значимыми факторами риска крупных и клинически значимых некрупных кровотечений в первые 2 недели госпитализации у терапевтических больных являются: активная язва желудка или 12-перстной кишки, кровотечение в предшествующие 3 месяца, возраст старше 85 лет, уровень тромбоцитов в крови ниже $50 \times 10^9/\text{л}$, тяжелая печеночная недостаточность, скорость клубочковой фильтрации ниже $30 \text{ мл/мин}/1,73 \text{ м}^2 \dots$ »³. Иными словами, в отсутствие надлежащих эмпирических данных (по

¹ Чистяков А.А., Павлухин А.Н., Захаров С.С., Эриашвили Н.Д. Обоснованный риск в уголовном праве Российской Федерации. М., 2007. С. 88 – 108.

² Бабурин В.В. Понятие и виды риска в уголовном праве. Омск, 2006. С. 67.

³ Временные методические рекомендации «Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Версия 15 (22.02.2022)» (утв. Минздравом России) (вместе с «Инструкцией по проведению диагностики COVID-19 с применением методов амплификации нуклеиновых кислот», «Инструкцией по проведению диагностики COVID-19 с применением иммунохимических методов», «Рекомендованными схемами лечения в амбулаторных условиях», «Рекомендованными схемами лечения в условиях стационара», «Инструкцией по соблюдению мер инфекционной безопасности для выездных бригад скорой медицинской помощи») // СПС «КонсультантПлюс».

объективным и вполне понятным причинам) предлагаются лишь отдельные критерии оценки риска возможного осложнения.

Соблюдение данного условия правомерности обоснованного риска предполагает надлежащее экспертное обсуждение предлагаемого решения, его верификацию в свете самых последних публикаций по проблеме как в отечественных, так и в зарубежных источниках. В рекомендательных документах по противодействию новой коронавирусной инфекции можно найти довольно много подтверждений данной мысли: «...В связи с тем, что АПФ2 является функциональным рецептором для SARS-CoV-2, было высказано предположение, что это может объяснять высокий риск летального исхода при COVID-19 у пациентов с артериальной гипертензией, получающих препараты из группы ингибиторов АПФ или блокаторов рецепторов к ангиотензину. Эти опасения носили гипотетический характер и не получили практического подтверждения. Более того, имеются косвенные данные о возможном протективном действии этих препаратов при COVID-19. *Экспертами Европейского общества кардиологов опубликовано заявление о том, что данных о неблагоприятных эффектах этих препаратов на течение COVID-19 нет, их прием настоятельно рекомендуется продолжать*».

Или например: «...На момент публикации отсутствуют данные клинических исследований об эффективности и безопасности использования отечественных вакцин для профилактики новой коронавирусной инфекции (COVID-19) у ВИЧ-инфицированных пациентов. Рекомендации даны на основании *консенсус-мнения панели экспертов, которые учитывали механизмы действия вакцин, международный опыт применения вакцин с аналогичным механизмом действия* в когорте больных ВИЧ-инфекцией, возможность экстраполяции части данных, полученных из клинических исследований исходно здоровых реципиентов вакцин, а также собственный опыт. Уровень доказательности всех рекомендаций следует расценивать как 5С. *Эксперты пришли к соглашению, что ВИЧ-инфицированные пациенты*

нуждаются в вакцинации против новой коронавирусной инфекции (COVID-19) независимо от количества CD4+ Т-лимфоцитов или вирусной нагрузки РНК ВИЧ, поскольку потенциальные преимущества перевешивают потенциальные риски. Вакцинация препаратом «ЭпиВакКорона» должна проводиться с осторожностью (в соответствии с инструкцией по медицинскому применению лекарственных препаратов). Комментарии: эксперты пришли к соглашению, что ввиду отсутствия международного опыта применения вакцин с аналогичным механизмом действия, вакцинация возможна при условии, если потенциальные преимущества перевешивают потенциальные риски»¹.

Отдельного рассмотрения заслуживает условие о недопустимости создания заведомой угрозы для жизни многих людей. Большинство ученых поддерживают позицию, в соответствии с которой угроза причинения смерти многим людям – это создание заведомой опасности причинения вреда для жизни двух и более лиц². Очевидно, что данное условие правомерности является неисполнимым с учетом самой методики проведения клинических исследований новых лекарственных средств и методов лечения. Первая фаза любого клинического исследования проводится на ограниченном числе здоровых добровольцев (не менее 10) для оценки переносимости дозы при однократном или многократном приеме. Вторая фаза связана уже с привлечением больных испытуемых и оценивает эффект и безопасность препарата (на 100-200 больных). Третья фаза связана с принципиальным увеличением числа испытуемых пациентов – более 1000 чел. Эта фаза длится от 2 до 4 лет и позволяет уточнить не только эффект, но и безопасность препарата, его взаимодействие с другими лекарственными средствами. Четвертая фаза суммирует все данные, которые получены после разрешения

¹ Временные методические рекомендации «Порядок проведения вакцинации против новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СПС «КонсультантПлюс».

² См., например: Бабурин В.В. Понятие и виды риска в уголовном праве. Омск, 2006. С. 74; Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключющие преступность деяния. СПб., 2003. С. 147 и др.

клинического применения препарата¹. Следовательно, правомерность обоснованного риска в медицине должна основываться не на количественном критерии испытуемых, а на отсутствии *заведомой угрозы* для их жизни.

Проблема информированного согласия в вопросе определения правомерности обоснованного риска в медицинской деятельности является одной из сложнейших. В.В. Кущенко справедливо отмечает, что «лицо обычно подписывает короткий протокол о том, что он был проинформирован исследователем о целях и задачах эксперимента, его преимуществах и рисках. Можно ли этот протокол считать получением полноценного информированного согласия, требуемого в соответствии с законодательством – вопрос анализа этого документа в каждом конкретном случае»². В зарубежной практике одним из известнейших примеров судебного разбирательства по данному поводу является процесс *Halushka v. University of Saskatchewan (Canada)*. Halushka, являясь студентом второго курса университета, согласился принять участие в исследовании нового средства анестезии. Врачи заявляли о том, что само исследование абсолютно безопасно и уже неоднократно проводилось на человеке без каких-либо последствий. Данные утверждения не соответствовали действительности – препарат ранее ни разу не тестировался на человеке. Halushka не был проинформирован не только о рисках, связанных с применением препарата, но и о рисках, связанных с самой процедурой эксперимента. В ходе исследования Halushka перенес сердечный приступ и оставался без сознания в течение нескольких дней. К сожалению, он не смог продолжить обучение из-за проблем с концентрацией внимания. Суд признал в действиях врачей наличие признаков халатности, повлекшей причинение вреда здоровью человеку³.

¹ См., например: Балабанова Р.М. Актуальные вопросы проведения клинических исследований лекарственных средств // Научно-практическая ревматология. 2001. № 2.

² Кущенко В.В. Нормативно-правовое регулирование клинических исследований // Региональная фармакотерапия в кардиологии. 2006. №1. С. 97.

³ Paul M. McNeill. The ethics and politics of human experimentation. NY. 1993. p. 122 – 123.

Медицинский эксперимент должен проводиться только лицами, имеющими соответствующую квалификацию. А.Г. Кибальник и Я.В. Старостина справедливо отмечают по данному поводу: «...отсутствие у врача, как минимум, сертификата специалиста должно исключать осуществление им медицинских действий в условиях обоснованного риска, стоящее вне его опытности и возможностей, если это не обусловлено крайней необходимостью»¹.

Обоснованный риск в медицинской деятельности является правомерным только при условии, что исследователем приняты все возможные и в своей совокупности достаточные меры для предотвращения вреда испытуемому (испытуемым). Экспериментальное медицинское вмешательство должно осуществляться в соответствии с разработанной методикой, каждый этап исследования должен фиксироваться и оформляться документально, в том числе с использованием технических средств.

Относительно данного условия правомерности В.И. Горбачев и А.Н. Шмаков отмечают следующее: «...с медицинской точки зрения наибольшее значение имеет п. 3, трактующий риск как снижение **вероятности** вреда. Если же под достаточными мерами понимать **гарантию** профилактики вреда, как часто и считают правоохранители, теряются смысл и возможность применения ст. 41 УК РФ»². Верная мысль. Обоснованный риск в медицине по смыслу ст. 41 УК РФ нельзя воспринимать как «историю со счастливым концом». Напротив, речь идет прежде всего – и это отправная точка – о причинении вреда охраняемым уголовным законом отношениям, а, если конкретнее, отношениям, обеспечивающим безопасность жизни и здоровья человека. Нет вреда в результате клинических исследований – нет повода для применения ст. 41 УК РФ. Поэтому, когда указанные авторы подчеркивают, что

¹ Кибальник А.Г., Старостина Я.В. Актуальные проблемы уголовной ответственности медицинских работников. М., 2006. С. 71.

² Горбачев В.И., Шмаков А.Н. Нормативно-правовое обеспечение педиатрической анестезиолого-реанимационной помощи // Медицинское право. 2020. № 1. С. 41 – 47.

соответствующее условие правомерности – это не свидетельство обязательности благоприятного исхода, а лишь подтверждение требуемого профессионализма и должной осмотрительности при проведении медицинского вмешательства, они выявляют истинное функциональное предназначение и социальный смысл уголовно-правовой нормы об обоснованном риске.

С учетом изложенного условиями правомерности обоснованного риска в деятельности медицинских работников в условиях пандемии являются: наличие специальной цели преодоления последствий пандемии и получения нового знания, в том числе эмпирических данных; отсутствие известных в медицинской науке и успешно реализованных в лечебной практике способов достижения такой цели; практическое использование в период пандемии нового лекарственного препарата или метода лечения без предварительного прохождения требуемых испытаний должно в целом соответствовать современным научно-техническим знаниям и опыту; предварительное получение добровольного информированного согласия человека на проведение медицинского вмешательства; внедрение лекарственного препарата или метода лечения должно проводиться только лицами, имеющими соответствующую квалификацию; приняты все возможные в условиях пандемии меры для предотвращения вреда испытуемым; внедрение лекарственного препарата или метода лечения должно быть проведено таким образом, чтобы на начальном этапе задействовать минимально необходимое для достижения поставленной цели количество испытуемых¹.

В отечественной теории уголовного права высказываются предложения по дополнению действующего уголовного законодательства специальной нормой об обоснованном медицинском риске². Данное предложение, на наш взгляд, имеет под собой должные основания и вполне может претендовать на реализацию в законотворческой практике. Здесь надо пояснить, что такая

¹ Предлагаемая система условий правомерности обоснованного риска в условиях пандемии нашла свою поддержку у 82% опрошенных респондентов.

² Медицинское уголовное право: монография / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2022. С. 65.

поддержка этой инициативы основывается на том убеждении, что любая детализация института обстоятельств, исключая преступность деяния (конкретизация условий; выделение привилегированных видов; расширение общего перечня и т.п.), служит повышению защищенности личности от необоснованного уголовного преследования, тем самым повышает гуманистическую составляющую национального механизма уголовно-правовой охраны. В данном отношении глава 8 УК РФ не может предложить многое. Довольно лаконичный набор оснований, абстрактность признаков, исключительно избирательная применяемость на практике – все это свидетельство даже не стагнации, а неразвитости института. И наконец, нельзя не согласиться, что медицинская деятельность и по своей онтологической специфичности, и с точки зрения социальной значимости обладает совершенно особым (исключительным) статусом, требующим предметно-целевого регулирования, в том числе на уровне уголовного законодательства.

В завершение данной части работы подведем ее основные итоги:

1) в период пандемии Covid-19 проблема обоснованного риска в уголовно-правовом контексте предстала исключительно в медицинской плоскости, причем в двух основных формах: применимость правила об обоснованном риске для случаев использования лекарственных средств, не прошедших всех требуемых стандартами испытаний на безопасность; применимость правила об обоснованном риске для оценки деятельности медицинских работников, которые в отсутствие каких-либо утвержденных алгоритмов лечения применяют собственные методики либо используют подходы, рекомендуемые другими специалистами, которые, однако же, не получили должной апробации и одобрения со стороны официальных органов в сфере здравоохранения;

2) обоснованный риск в условиях пандемии представляет собой причинение вреда больному, связанное с отступлением от стандартов полного и долговременного исследования лекарственного средства или

метода лечения, терапевтическое использование которых основывалось на достаточных теоретических и эмпирических данных, было одобрено коллегиальным мнением специалистов и санкционировано официальными органами в сфере здравоохранения в целях кардинального улучшения эпидемиологической обстановки;

3) норма об обоснованном риске (ст. 41 УК РФ) применительно к медицинской деятельности является «скрыто бланкетной» – в различных нормативных и квазинормативных источниках, иерархически – от международного уровня до ведомственных инструкций и рекомендаций, конкретизируются и фиксируются обстоятельства, оправдывающие возможность рискованного поведения в оперативно-терапевтической практике;

4) причинение вреда в результате использования не признанных медицинских препаратов либо в ситуациях сознательного нарушения дозировки или при игнорировании имеющихся противопоказаний в условиях устранения непосредственной опасности (например, нарушение дозировки дексаметазона для подавления чрезмерного воспалительного ответа и цитокинового шторма), когда такая опасность уже не могла быть устранена иными способами, не содержит признаков обоснованного риска по смыслу ст. 41 УК РФ и следует оценивать по правилам ст. 39 УК РФ;

5) условиями правомерности обоснованного риска в деятельности медицинских работников в условиях пандемии являются: наличие специальной цели преодоления последствий пандемии; отсутствие известных в медицинской науке и успешно реализованных в лечебной практике способов достижения такой цели; практическое использование в период пандемии нового лекарственного препарата или метода лечения без предварительного прохождения требуемых испытаний должно в целом соответствовать современным научно-техническим знаниям и опыту; предварительное получение добровольного информированного согласия человека на проведение медицинского вмешательства; внедрение

лекарственного препарата или метода лечения должно проводиться только лицами, имеющими соответствующую квалификацию; приняты все возможные в условиях пандемии меры для предотвращения вреда испытуемым; правомерность обоснованного риска в медицине должна основываться не на количественном критерии испытуемых, а на отсутствии *заведомой угрозы* для их жизни. При этом внедрение нового лекарственного препарата или метода лечения должно быть проведено с привлечением минимально необходимого для достижения поставленной цели количества испытуемых.

ГЛАВА 3. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ, И ПРОБЛЕМЫ ИХ КВАЛИФИКАЦИИ

В рамках данной главы диссертационного исследования предстоит осуществить юридический анализ новелл отечественного уголовного законодательства об ответственности за распространение заведомо ложной информации о социально значимых обстоятельствах (ст. 207¹ и 207² УК РФ). Главная задача конкретизировать признаки соответствующих составов, тем самым представить по возможности их полную уголовно-правовую характеристику с учетом уже имеющейся правоприменительной практики.

Кроме этого в рамках данной главы также предстоит проанализировать содержание нормы, предусмотренной ст. 236 УК РФ. Как уже подчеркивалось ранее в работе при изучении зарубежного законодательства, нормы об ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических требований оказались ключевыми в период пандемии. При этом экстраординарные обстоятельства «вдохнули» в традиционные уголовно-правовые запреты «новую жизнь». Общество и государство столкнулось с необходимостью четкого определения действия таких норм. В условиях, когда даже тривиальное поведение гражданина может иметь уголовно-правовые последствия и оцениваться как посягательство на эпидемиологическое благополучие населения, объективно возник запрос на переосмысление интерпретационной емкости ст. 236 УК РФ. Иными словами, среди теоретиков и практиков возник вопрос о той границе, где «отворяется бездна» преступного нарушения санитарно-эпидемиологических требований. Надо признать, что дискуссия эта не окончена до настоящего времени.

Сразу следует указать, что данная глава диссертационного исследования не только будет посвящена вопросам юридической

характеристики соответствующих составов, но и затронет отдельные проблемы квалификации и даже направления необходимого усовершенствования отечественного уголовного закона в части обсуждаемого предмета.

3.1. Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207¹ УК РФ)

Пандемия новой коронавирусной инфекции довольно быстро вызвала общественно-политическую дискуссию относительно необходимости криминализации распространения заведомо ложной информации, угрожающей общественной безопасности и общественному порядку. Надо признать, что повод сам по себе был достаточно веским. Профессиональные агитаторы и просто мнительные обыватели, используя главным образом информационно-телекоммуникационные технологии, массово передавали сведения ложного характера как относительно протекания самой пандемии (опасности заболевания для человека, возможных осложнениях и т.п.), так и о принимаемых государством мерах по ее преодолению. Уровень дезинформации объективно заслонял попытки государства успокоить и одновременно ознакомить население с конкретными фактами и угрозами, связанными с Covid-19.

В целом законодатель недолго колебался с выбором модели уголовно-правового противодействия пандемийной агитации и паникерству. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» включил в группу уголовно-наказуемых форм распространения вредоносной информации публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу для жизни и безопасности граждан

(ст. 207¹ УК РФ), и публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207² УК РФ). Совершенно справедливо отмечает Н. Э. Мартыненко, что анализ произошедших в УК РФ изменений позволяет говорить прежде всего о том, что коронавирусная инфекция Covid-19 послужила причиной ужесточения уголовной ответственности и наказания¹.

В литературе также подчеркивается, что указанные уголовно-правовые нормы были приняты без должной проработки и весьма поспешно². В определенной степени это справедливо. Однако в целом такая мера со стороны государства была необходима и своевременна. Можно также сослаться на известное: «особые обстоятельства требуют особых мер реагирования». Что по большому счету и было реализовано апрельским законом. Нельзя также не учитывать, что законодатель принимал решение в условиях без преувеличения экстренных, когда массовая дезинформация могла в любой момент обернуться либо продовольственными погромами, либо массовыми беспорядками на фоне вводимых ограничений.

Важно другое – соответствующие нормы хотя и являются порождением пандемии, однако с высокой вероятностью останутся в механизме уголовно-правовой охраны и после Covid-19. Н.В. Варламова верно замечает по этому поводу, что хотя обусловленность данных изменений пандемией очевидна, и по времени их принятия, и по содержанию норм, и исходя из пояснительных записок к законопроектам и разъяснений Верховного Суда РФ, однако свое действие они сохранят и после отмены режима повышенной готовности³.

В связи с этим на авансцену отечественной уголовно-правовой науки выходят обсуждение формально-юридической определенности пандемийных

¹ Мартыненко Н.Э. Влияние Covid-19 на изменение уголовного закона и состояние преступности // Российский следователь. 2020. № 9.

² См.: Густова Э.В., Марков Е.И. Анализ некоторых новелл уголовного закона Российской Федерации // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 139.

³ Варламова Н.В. Пандемия Covid-19 как вызов конституционному правопорядку // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6.

статей УК РФ, обобщение и критический анализ формирующейся практики. Как и с другими уголовно-правовыми запретами распространения той или иной информации, ст. 207¹ УК РФ представляет интерес прежде всего в том смысле, что она устанавливает наказуемость именно за передачу данных. Вмешательство уголовного закона в эту (информационную) сферу всегда создает особый «градус напряжения», подтверждением чему является значительное количество специальных исследований по данной проблематике¹.

В отечественной литературе вопрос об объекте данного преступления еще не получил своей тщательной проработки. Полагаем, что непосредственным объектом анализируемого преступления являются общественные отношения, связанные с обеспечением достоверности (правдивости) информационного пространства.

С объективной стороны ст. 207¹ УК РФ как преступление определяет публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств. В примечании к статье законодатель вполне предусмотрительно сформулировал легальное определение соответствующих обстоятельств.

Структурно норма следует юридико-технической традиции других статей УК РФ, предусматривающих ответственность за распространение вредоносной информации. Проявляется это прежде всего признаком *публичности*, который нашел уже свое обстоятельное разъяснение в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о преступлениях террористической направленности и экстремистского характера.

¹ См., например: Адылханов М.Г. Уголовно-правовые гарантии свободы слова: дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2019; Кунов И.М. Уголовно-правовое противодействие распространению криминогенной информации: дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2017.

От ст. 207² УК РФ исследуемая норма принципиально отличается характером распространяемых сведений – в ст. 207¹ УК РФ говорится не о любой общественно значимой информации. Сведения конкретизированы признаком относимости к обстоятельствам, представляющим угрозу для жизни и безопасности граждан. Как верно отмечает М.Г. Левандовская, «общественно значимая информация» в ст. 207² УК РФ по содержанию шире информации, являющейся предметом преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ»¹.

Из этих соображений следовало бы сделать вывод, что ст. 207¹ УК РФ выступает специальной нормой по отношению к ст. 207² УК РФ. Однако Верховный Суд Российской Федерации разрешил этот вопрос иначе. В соответствии с рекомендациями высшей судебной инстанции, ст. 207¹ УК РФ может применяться только при отсутствии последствий, являющихся конструктивным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ². Таким образом, диспозиция ст. 207¹ УК РФ не напрямую, но завуалированно содержит так называемые негативные признаки состава преступления, а именно причинение вреда здоровью человека, смерть либо иные тяжкие последствия. И в этом смысле можно сделать вывод, что ст. 207² УК РФ представляет собой квалифицированный вид публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу для жизни и безопасности граждан, выделенный законодателем в рамках отдельной нормы. Законодательное решение, если и не уникальное, то во всяком случае не характерное для конструирования отечественного уголовного закона.

¹ Левандовская М.Г. Общественно-значимая информация как предмет преступлений против общественной безопасности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 179.

² Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (сovid-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020); Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020).

По данным ГИАЦ МВД России в 2020 г. было зарегистрировано 36 преступлений, предусмотренных ст. 207¹ УК РФ, в 2021 г. – 5, за 6 месяцев 2022 г. было зарегистрировано 13 преступлений, 9 из которых в Чеченской Республике. В имеющейся судебной практике можно обнаружить примеры, когда в определении сведений об обстоятельствах, представляющих угрозу для жизни и безопасности граждан, была допущена ошибка, что приводило к необоснованному уголовному преследованию. Так, Х. была осуждена по ст. 207¹ УК РФ. Согласно решению суда первой инстанции, Х. приобрела в одном из магазинов упаковку товара «маска одноразовая, трехслойная, не медицинская». После чего она изготовила видеоролик с комментарием о том, что соответствующие маски являются гуманитарной помощью, не могут находиться в продаже, а также не предназначены для защиты от Covid-19. Являясь владельцем аккаунта в веб-сервисе для публичного обмена видеоматериалами в сети Интернет, распространила соответствующий видеоролик. Суд апелляционной инстанции, отменяя состоявшийся приговор и прекращая уголовное дело на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, пришел к выводу о том, что из существа обвинения не следует, что публично сообщенная Х. информация о реализуемом товаре распространена как заведомо ложная информация именно об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. С этими доводами согласился также кассационный суд¹.

Важно также отметить, что сторона защиты по данному делу неоднократно обращала внимание на то обстоятельство, что Х. не имела умысла распространять ложную информацию, так как считала ее достоверной. Изготовление ролика и его распространение было обусловлено желанием Х. проинформировать друзей и знакомых для того, чтобы они не покупали такие маски, не спонсировали спекулянтов, а для защиты от Covid-19 приобретали респираторы или медицинские маски.

¹ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 1 июля 2021 г. № 77-1968/2021.

Субъективная сторона публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, характеризуется прямым умыслом. Таким образом, на момент совершения деяния лицо должно осознавать свойства информации и желать ее распространения.

А.Г. Кибальник справедливо пишет, что признак заведомости в конструкции ст. 207¹ УК РФ обуславливает возможность привлечения к уголовной ответственности только в тех случаях, когда лицо высказывается о конкретных фактах (обстоятельствах и принимаемых мерах). Соответственно публичное высказывание оценочных суждений, хотя бы и ложных, не может признаваться преступлением по смыслу ст. 207¹ УК РФ¹.

С теоретических позиций указанный тезис является хорошо обоснованным и поддерживаемым абсолютным большинством специалистов. Однако же, именно здесь легко обнаружить многочисленные отступления и попытки расширительного толкования на уровне правоприменения. Так, по одному из дел суд указывает: «...Указом губернатора Пермского края № 23 от 29 марта 2020 года и Указом Президента Российской Федерации № 239 от 2 апреля 2020 года, действующими с указанных дат на территории Пермского края и всего государства соответственно, в связи с необходимостью обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (Covid-19) определены ограничительные меры... Размещение Е. в социальной сети призывов, направленных неограниченному кругу граждан независимо от их возраста, места работы и состояния здоровья, выходить на улицу вопреки установленным запретам, фотографировать себя на улице и выкладывать эти фотографии в социальных сетях в знак протеста с режимом изоляции, а также публичное отрицание пандемии коронавируса правильно

¹ Кибальник А.Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. 2020. № 5.

расценены судом как уголовно-наказуемые. Сообщения Е. признакам достоверности не отвечают»¹.

Здесь немаловажно указать, что само распространение информации было осуществлено 4 и 6 апреля 2020 г., то есть спустя всего несколько дней после введения соответствующих ограничений и вступления в силу Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ. В суде Е. последовательно указывала на то, что опубликованная информация воспринималась ею как достоверная, в подтверждение приводила похожие высказывания публичных лиц. Неординарность обстановки в связи с вводимыми мерами изоляции оказывала серьезное психологическое давление на рядовых граждан. Вменение заведомости в столь короткий промежуток времени после установленных санитарно-эпидемиологических требований представляется довольно спорным.

Как нетрудно заметить, заведомость правоприменителем раскрывается и обосновывается простым противоречием распространенной информации официальным данным о пандемии либо осуществляемым мерам по ее предупреждению или минимизации последствий. Следовательно, «заведомость» понимается весьма своеобразно, поскольку допускается фактически ее презумпция в ситуации, когда искажаются именно официальные, а значит, подразумевается, общеизвестные сведения.

В таком допущении, конечно же, можно усмотреть изъяны. Во-первых, лицо может такую информацию вполне добросовестно, то есть с внутренним убеждением в собственной правоте, оценивать критически и опровергать. Имеется ли здесь заведомость – объективно нет. Во-вторых, лицо само может стать жертвой вредоносной пропаганды и, руководствуясь самими благими намерениями, распространить соответствующие сведения близким, знакомым, коллегам по работе и т.д. Такой «социально ответственный» поступок не может быть квалифицирован по ст. 207¹ УК РФ. И, наконец,

¹ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 9 ноября 2021 № 77-4915/2021.

нельзя упускать из виду и возможность банальной некомпетентности, когда лицо по ряду причин пополняет свои «знания» о складывающейся ситуации из непроверенных источников, игнорируя при этом официальные новостные каналы. В ситуации такого «дремучего» мировоззрения вменять лицу заведомое распространение ложной информации по смыслу ст. 207¹ также нельзя.

Верховный Суд Российской Федерации сформулировал рекомендации, которые в целом позволяют быть уверенным в правильности представленных суждений: «...под заведомо ложной информацией...следует понимать такую информацию (сведения, сообщения, данные и т.п.), которая изначально не соответствует действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространявшему»¹.

С учетом этого разъяснения Д.Ю. Вешняков пишет, что критерием недостоверности информации является несоответствие сообщаемой информации действительности, а не официально приведенным данным или заявлениям официальных должностных лиц. Этому обстоятельству автор придает ключевое значение для квалификации деяния по ст. 207¹ УК РФ². С этим утверждением, пожалуй, можно согласиться. Однако на правоприменительном уровне функционал такой рекомендации имеет довольно гипотетический характер, поскольку предполагает ситуацию ошибочных официальных данных и одновременно противоречащих им достоверных сведений, распространяемых конкретным лицом.

В отдельных судебных решениях вывод о том, что виновный действовал с прямым умыслом, основывался на установленных по делу обстоятельствах, свидетельствующих, что «...подсудимый не предпринял

¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) №1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

² Вешняков Д.Ю. Квалификация публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207¹ УК РФ) // Законность. 2021. № 7.

никаких мер к выяснению достоверной и правдивой информации, относительно опубликованных им сведений»¹. Здесь, на наш взгляд, происходит подмена понятий. Тот факт, что субъект не удостоверился в правдивости данных есть свидетельство легкомыслия или даже небрежности. Этот аргумент никоим образом не может использоваться для обоснования заведомости по смыслу ст. 207¹ УК РФ. С теоретических позиций исследуемый состав преступления отсутствует, если лицо распространяет сведения, хотя бы *сомневаясь* в их достоверности.

Исследуемый состав по конструкции является формальным и считается оконченным с самого момента распространения дезинформации об обстоятельствах, представляющих угрозу для жизни и безопасности граждан. Здесь необходимо пояснить, что с теоретических позиций преступление, предусмотренное ст. 207¹ УК РФ, может иметь неоконченный характер в ситуациях, когда, например, виновный пытался разместить соответствующий материал в публичном доступе, однако не смог довести задуманное до конца (модераторы информационного ресурса отказали в размещении контента). Как представляется, подобное деяние следует квалифицировать как покушение на публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан.

В правоприменительной практике можно обнаружить решения, где суды указывают на последствия анализируемого деяния: «...тем самым причинил вред охраняемым уголовным законом отношениям в сфере обеспечения общественной безопасности и спровоцировал моральную панику среди населения Сахалинской области»². Противоречивым здесь является то, что суд далее никак не поясняет и не раскрывает, на чем основывается это утверждение о панике. Установив факт распространения виновным заведомо ложных сведений о мерах по борьбе с Covid-19 путем

¹ Приговор Симоновского районного суда г. Москвы от 23 ноября 2020 г. по делу № 1-285/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

² Приговор Южно-Сахалинского городского суда от 27 июля 2020 г. по делу № 1-888/20 // СПС «КонсультантПлюс».

размещения видеозаписи в группе одного из мессенджеров, состоящую из не менее 62 участников, суду следовало хотя бы сослаться на реакцию адресатов на этот материал, а также на свидетельства его воспроизведения на других ресурсах.

Буквальное толкование ст. 207¹ УК РФ позволяет сделать вывод, что в соответствии с данной нормой к уголовной ответственности может быть привлечено лицо, распространяющее заведомо ложные сведения не только для того, чтобы вызвать панику или дискредитировать деятельность компетентных органов по обеспечению безопасности населения. Хотя по большому счету именно в этом и заключаются основной смысл и повод к закреплению ст. 207¹ УК РФ. Содержание заведомо ложной информации может состоять и в отрицании эпидемии, эпизоотии, техногенной катастрофы и т.д. либо в преуменьшении их реальной опасности для населения, в дезинформации относительно принятых мер, когда таковые фактически реализованы не были. То есть, когда лицо по тем или иным причинам стремится не вызвать панику у населения, а скрыть реальную угрозу, создать благоприятное представление о результатах и эффективности деятельности госучреждений и даже конкретных должностных лиц. Конечно, в такой интерпретации наблюдается прямая конкуренция анализируемой нормы со ст. 237 УК РФ. Отрицать ее ввиду близости объективной стороны соответствующих деяний нельзя. Вместе с тем ст. 237 УК РФ в части искажения информации о событиях и явлениях, создающих опасность для жизни или здоровья людей, устанавливает ответственность исключительно для специальных субъектов – лица, обязанные информировать население и органы о таких событиях. Указанная норма предусматривает и более строгое наказание в сравнении со ст. 207¹ УК РФ, что само по себе представляется закономерным. Следовательно, можно заключить, что публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу для жизни и безопасности граждан, совершенное таким субъектом, должно быть квалифицировано по ст. 237 УК РФ.

Структура анализируемой нормы указывает на то, что не всякое распространение заведомо ложной информации может причинять вред объекту уголовно-правовой охраны. По смыслу ст. 207¹ УК РФ уголовно-наказуемым следует признавать лишь такое распространение, когда виновный рассчитывает на восприятие этой информации адресатами как достоверной. Только при таких условиях создается угроза отношениям в сфере обеспечения общественной безопасности и общественного порядка. Если лицо публично распространяет эти данные, изобличая их ложность или контекстно указывая на это, содеянное не обладает необходимой общественной опасностью и не подпадает под действие ст. 207¹ УК РФ.

Формальная конструкция состава публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу для жизни и безопасности граждан, дает повод для дискуссии относительно возможности признания соответствующего деяния малозначительным. В одном из состоявшихся приговоров суд отмечает: «При оценке действий подсудимого как запрещенных уголовным законом суд исходит из толкования ст. 207¹ УК РФ как запрещающей распространение информации, создающей у получателя такой информации устойчивое мнение о реальном наличии обстоятельств, угрожающих жизни и безопасности граждан, в то время как обстоятельства, о которых сообщается в рассматриваемой информации, отсутствуют в реальной действительности. При этом значение имеет не только фактически (буквально) изложенная информация, но и обстоятельства ее изложения, форма и способ передачи такой информации. Сообщение, размещенное подсудимым с учетом способа его передачи, используемых художественных приемов и обстоятельств изложения, в том числе с учетом опубликования данного сообщения в период действия ограничительных мер, введенных в связи с ростом заболеваемости новой коронавирусной инфекцией, содержит сведения о целенаправленных действиях неназываемой, но известной автору и правоохранительным органам организации, направленных на умышленное заражение

неограниченного числа людей новой коронавирусной инфекцией... При этом ни правоохранительные органы, как следует из информационной справки УФСБ России., ни сам П., согласно его показаниям, не имели информации о том, что подобные целенаправленные действия производились какой-либо организацией»¹.

В данном решении ценность представляет справедливая оговорка суда, что общественная опасность содеянного по смыслу ст. 207¹ УК РФ определяется не только содержанием самих ложных сведений, но и в значительной степени временем совершения и обстановкой. К этому следовало бы также добавить оценку массовости аудитории. Поскольку при распространении информации в группе состояло из 3 – 5 человек, вряд ли можно говорить о признаках ст. 207¹ УК РФ.

Важным представляется также разрешить вопросы множественности преступлений при квалификации публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу для жизни и безопасности граждан. Так, остается неясным, будет ли иметь место совокупность преступлений при распространении одной и той же информации, но различными способами, в том числе в отношении разных групп адресатов? Можно ли признавать единым преступлением действия виновного, который одновременно распространяет два и более материала, содержащего заведомо ложную информацию по смыслу ст. 207¹ УК РФ?

В целом ответы на эти вопросы должны быть даны с учетом положений общей теории уголовного права о сложном единичном преступлении и множественности преступлений. Квалифицируя несколько самостоятельных эпизодов совершенной дезинформации как одно преступление, предусмотренное ст. 207¹ УК РФ, правоприменитель тем самым признает такие деяния единым продолжаемым преступлением. В Постановлении

¹ Приговор Богородского городского суда Нижегородской области от 11.11.2020 № 1-194/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Пленума Верховного Суда СССР «Об условиях применения давности и амнистии к деящимся и продолжаемым преступлениям» от 4 марта 1929 г. (с изменениями от 14 марта 1963 г.) к числу продолжаемых отнесены преступления, складывающиеся из ряда тождественных действий, направленных к общей цели, и составляющие в своей совокупности единое преступление¹.

Здесь, на наш взгляд, следует исходить из известного комментария В.Н. Кудрявцева о том, что «действительно важным признаком единичного преступления является то, что все его элементы, как бы разнообразны они ни были, обязательно находятся в определенной внутренней взаимосвязи»². Развивает и некоторым образом конкретизирует эту мысль Д.С. Чикин, отмечая, что «внутренняя взаимосвязь» определяется совокупностью трех видов связей: функциональной, причинно-следственной и субъективной³.

В правоприменительной практике по делам о преступлении, предусмотренном ст. 207¹ УК РФ, вопросы множественности разрешаются не единообразно. Так, например, виновный 22 мая 2020 г. изготовил и разместил в социальной сети «Инстаграм» видеоролик продолжительностью 4 мин. 19 с., содержащий заведомо ложные сведения о не существовании коронавирусной инфекции. 25 мая 2020 г. он же изготовил и разместил в социальной сети «Инстаграм» видеоролик продолжительностью 5 минут 16 секунд, содержащий ложные сведения о недостоверности российской тест-системы по выявлению коронавирусной инфекции. Суд квалифицировал содеянное как единое продолжаемое преступление по одному эпизоду ст. 207¹ УК РФ⁴.

¹ Об условиях применения давности и амнистии к деящимся и продолжаемым преступлениям: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. // СПС «КонсультантПлюс»

² Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2001. С. 239 – 240.

³ См.: Чикин Д.С. Сложные единичные преступления (уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного конструирования): дис. ...канд.юрид.наук. Краснодар, 2013. С. 22 – 28.

⁴ Приговор Радужнинского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 29 июля 2020 г. по делу № 1-74/20 // СПС «КонсультантПлюс».

В похожей ситуации – действия виновного имели почти идентичный характер и датированы 28 апреля 2020 г. и 02 мая 2020 г. – суд пришел к выводу о наличии реальной совокупности двух преступлений, предусмотренных ст. 207¹ УК РФ¹.

Полагаем, что действия лица, публично распространившего несколько заведомо ложных материалов об обстоятельствах, указанных в примечании к ст. 207¹ УК РФ, следует квалифицировать как единое продолжаемое преступление в том случае, если они были направлены на искажение одного и того же факта. Форма передачи информации (текст, аудиозапись, видеоролик) здесь имеет значение второстепенное. Важным является прежде всего то, что лицо направляет свои усилия на достижение одной цели – создать ложное представление у общественности о каком-то конкретном событии. И в этих обстоятельствах неоднократность актов пропаганды виновного не создает оснований для вменения совокупности. Другое дело, если лицо вначале опровергает ложными материалами наличие угрозы заражения и пандемию в целом, позднее доказывает опасность для жизни соответствующей вакцины. И наконец, распространяет сфабрикованные материалы, дискредитирующие деятельность органов власти в части реализации мер по обеспечению безопасности населения. Здесь, на наш взгляд, говорить о едином продолжаемом преступлении уже нельзя.

Деяние, предусмотренное ст. 207¹ УК РФ, не охватывает клевету в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных (ч. 2 ст. 128¹ УК РФ), возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), а также оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ). В случае, если лицо осуществляет дезинформацию об обстоятельствах, указанных в примечании к ст. 207¹ УК РФ, и публично распространяет клеветнические сведения, возбуждает ненависть к определенной группе населения (в период пандемии, например,

¹ Приговор Балахнинского городского суда Нижегородской области от 21 июля 2020 г. по делу № 1-208/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

такие факты фиксировались в отношении выходцев из азиатского региона), содеянное необходимо квалифицировать по совокупности. Подобный подход находит подтверждение и в правоприменительной практике¹.

Самостоятельного рассмотрения заслуживает вопрос о возможности применения норм об освобождении от уголовной ответственности по делам об исследуемом преступлении. В правоприменительной практике можно обнаружить примеры, когда суды соглашались с целесообразностью соответствующего поощрительного воздействия на виновного ввиду его положительного постпреступного поведения. Так, например, Ю. распространил в социальной сети заведомо ложную информацию, что он болен новой коронавирусной инфекцией, однако перемещается по городу, заражая людей. Органами предварительного следствия действия Ю были квалифицированы по ст. 207¹ УК РФ. Дело поступило в суд с ходатайством следователя о прекращении с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Суд, рассмотрев обстоятельства содеянного и оценив личность виновного, удовлетворил заявленное ходатайство и назначил судебный штраф в размере 50 тыс. руб.² Можно обнаружить аналогичные примеры применения ст. 76² УК РФ с назначением судебного штрафа в размере 10 тыс. руб.³

В отдельных случаях отказ от применения судебного штрафа по исследуемой категории дел становился предметом спора. При этом суды подчеркивают, что такое решение должно быть обстоятельно мотивированным, в противном случае оно подлежит отмене⁴.

Полагаем, что применение института освобождения от уголовной

¹ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 7 апреля 2022 г. по делу № 77-952/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Нефтеюганского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 27 мая 2020 г. по делу № 1-305/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление Буйнакского городского суда Республики Дагестан от 2 июля 2020 г. по делу № 1-110/2020; постановление Благовещенского городского суда Амурской области от 8 сентября 2020 г. по делу № 1-925/2020.

⁴ Апелляционное постановление Сахалинского областного суда от 29 июня 2020 г. по делу № 22-756 // СПС «КонсультантПлюс».

ответственности по ст. 207¹ УК РФ является вполне допустимым с учетом оценки конкретных обстоятельств содеянного и личности виновного. Невозможность каким-либо образом напрямую загладить причиненный вред не исключает самой возможности деятельного раскаяния виновного путем удаления недостоверной информации, ее публичного опровержения либо размещения социально полезной информации по проблеме.

Обращаясь к самой конструкции ст. 207¹ УК РФ, следует выделить несколько аспектов, свидетельствующих, на наш взгляд, о допущенных нарушениях юридической техники. Прежде всего довольно уязвимым представляется криминализация распространения заведомо ложных сведений о соответствующих обстоятельствах при отсутствии какого-либо признака, купирующего возможность слишком широкого, а возможно и произвольного применения нормы. Здесь уместно было бы предусмотреть признак обстановки – *совершение преступления в условиях чрезвычайного или военного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, в условиях вооруженного конфликта или военных действий*. Кроме того, неудовлетворительно был решен вопрос с дифференциацией ответственности за данное деяние. Законодателем не были учтены отягчающие обстоятельства, типичные для преступлений, связанных с распространением вредоносной и криминогенной информации.

В завершение данного параграфа сформулируем его основные положения и рекомендации:

1) структурно ст. 207¹ УК РФ наследует юридико-технические традиции других норм отечественного уголовного закона, предусматривающих ответственность за распространение вредоносной и криминогенной информации. Проявляется это прежде всего признаком публичности, который нашел уже свое обстоятельное разъяснение в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о преступлениях террористической направленности и экстремистского характера;

2) в соответствии с рекомендациями высшей судебной инстанции, ст. 207¹ УК РФ может применяться только при отсутствии последствий, являющихся конструктивным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ. Таким образом, диспозиция ст. 207¹ УК РФ не напрямую, но завуалированно содержит так называемые негативные признаки состава преступления, а именно причинение вреда здоровью человека, смерть либо иные тяжкие последствия. И в этом смысле можно сделать вывод, что ст. 207² УК РФ представляет собой квалифицированный вид публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу для жизни и безопасности граждан, выделенный законодателем в рамках отдельной нормы. Законодательное решение, если и не уникальное, то во всяком случае не характерное для конструирования отечественного уголовного закона;

3) по смыслу ст. 207¹ УК РФ уголовно-наказуемым следует признавать лишь такое распространение, когда виновный рассчитывает на восприятие этой информации адресатами как достоверной. Только при таких условиях создается угроза отношениям в сфере обеспечения общественной безопасности и общественного порядка. Если лицо публично распространяет эти данные, изобличая их ложность или контекстно указывая на это, содеянное не обладает необходимой общественной опасностью и не подпадает под действие ст. 207¹ УК РФ;

4) действия лица, публично распространившего несколько заведомо ложных материалов об обстоятельствах, указанных в примечании к ст. 207¹ УК РФ, следует квалифицировать как единое продолжаемое преступление только в том случае, если они были направлены на искажение одного и того же факта (события). Форма передачи информации (текст, аудиозапись, видеоролик) здесь не имеют значения для квалификации. В ситуациях, когда лицо вначале опровергает ложными материалами наличие угрозы заражения и пандемию в целом, позднее доказывает опасность для жизни соответствующей вакцины, распространяет сфабрикованные материалы,

дискредитирующие деятельность органов власти в части реализации мер по обеспечению безопасности населения, содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных ст. 207¹ УК РФ;

5) предлагается изложить норму об ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, в следующей редакции:

«Статья 207¹. Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан

1. Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, в условиях чрезвычайного или военного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, в условиях вооруженного конфликта или военных действий -

наказывается штрафом в размере от трехсот тысяч до семисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до трех лет.

2. То же деяние, совершенное с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, -

наказывается штрафом в размере от семисот тысяч до одного миллиона пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо

исправительными работами на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения либо повлекшие тяжкие последствия, -

наказывается штрафом в размере от одного миллиона пятисот тысяч до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от восемнадцати месяцев до трех лет, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок

Примечание. Обстоятельствами, представляющими угрозу жизни и безопасности граждан, в настоящей статье признаются чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии, эпизоотии и иные обстоятельства, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения»¹.

3.2. Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207² УК РФ)

Непосредственным объектом анализируемого преступления являются общественные отношения, связанные с обеспечением достоверности (правдивости) информационного пространства. В несколько обобщенном представлении можно также сказать, что объектом преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ, является информационная безопасность,

¹ Предлагаемая редакция нормы нашла свою поддержку у 67% опрошенных респондентов.

то есть состояние защищенности информационной среды общества от каких-либо угроз, в том числе от противоправного искажения.

Дополнительным объектом выступают отношения, складывающиеся в связи и по поводу безопасности здоровья человека.

Принимая во внимание конструкцию исследуемого состава и характер обязательных последствий, следует заключить, что обязательным признаком объекта публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации является потерпевший – человек, здоровью которого был причинен вред. Вместе с тем здесь важно прояснить одно обстоятельство – в механизме совершения анализируемого преступления нет прямого и непосредственного посягательства на здоровье конкретного лица. Потерпевший предстает в сознании виновного как абстракция и никогда не является прямым адресатом действия виновного. Эта обезличенность лица, здоровью которого причиняется вред по смыслу ст. 207² УК РФ, не должна ставить под сомнение правильность тезиса о потерпевшем как обязательном признаке объекта публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации.

В современной литературе довольно распространенной является позиция, что заведомо ложная общественно значимая информация является предметом исследуемого преступления¹. Такая трактовка представляется по меньшей мере дискуссионной, если учитывать классическое понимание предмета преступления как материального субстрата, внешнего выражения охраняемого уголовным законом общественного отношения. Понятно, что ложные материалы об общественно значимых событиях и процессах не имеют такой связи. Предметом здесь может быть только правдивая (достоверная) информация. В связи с этим полагаем, что применительно к ст. 207² УК РФ заведомо ложная общественно значимая информация является

¹ См., например: Левандовская М.Г. Общественно-значимая информация как предмет преступлений против общественной безопасности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 179.

средством совершения преступления, а следовательно, характеризует его объективную сторону.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ, характеризуется следующими обязательными признаками:

- публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации;
- распространение должно осуществляться определенным способом, а именно – под видом достоверных сообщений;
- общественно опасные последствия в виде вреда здоровью человеку;
- причинно-следственная связь между публичной дезинформацией и соответствующими последствиями;
- специфическим средством совершения преступления является заведомо ложная общественно значимая информация.

Как уже отмечалось ранее, особенностью объективной стороны данного преступления является указание на то обстоятельство, что преступление образует не просто передача информации, а *ее распространение под видом достоверной*. Это может быть обеспечено наличием соответствующего комментария к ложному материалу либо следовать из его содержания. Таким образом, если лицо передает ложный контент с желанием проявить иронию либо предупредить о его недостоверности, содеянное не может быть квалифицировано по ст. 207² УК РФ.

Признаки «публичное распространение» и «заведомая ложность» аналогичны рассмотренным при характеристике ст. 207¹ УК РФ.

Состав преступления сконструирован как материальный – момент окончания определяется наступлением общественно опасных последствий в виде вреда здоровью человека. Последствия в ст. 207² УК РФ сформулированы крайне неопределенно, без уточнения степени тяжести вреда здоровью. Полагаем, что говорить о возможности легкого вреда здоровью здесь нельзя по той причине, что неосторожное его причинение по

УК РФ не наказуемо в принципе. Причинение вреда средней тяжести вреда здоровью по неосторожности по общему правилу также не является преступным. Исключения единичны – в частности, в ст. 124 УК РФ, где имеется специальная оговорка. Указанное позволяет сделать вывод о том, что с учетом системного толкования отечественного уголовного законодательства по смыслу ч. 1 ст. 207² УК РФ вред здоровью может быть только тяжким. Надо сказать, что в отечественной теории уголовного права такое толкование анализируемого признака уже нашло свою поддержку¹.

Указание на вред здоровью, причиненный потерпевшему, как следствие анализируемого преступления существенно сужает сферу действия уголовно-правовой нормы. В этом аспекте законодатель как бы предусмотрел некоторую гарантию от ее необоснованно широкого применения. Понятно, что само распространение информации напрямую причинить вред здоровью человека не может. Если не принимать во внимание обсуждаемые среди теоретиков, говоря откровенно, весьма умозрительные казусы с инфарктом потерпевшего, все это представляется крайне нереалистичным. Таким образом, информационное воздействие по смыслу ст. 207² УК РФ должно породить череду событий, включая поведение самого потерпевшего, завершившуюся причинением вреда здоровью. Смею утверждать, что без известного лукавства обосновывать здесь возможность прямой и непосредственной причинно-следственной связи нельзя. Равным образом следует согласиться и с тем, что причинно-следственная связь здесь имеет выраженный вероятностный характер, если не сказать, откровенно случайный. Вред здоровью как следствие по смыслу ст. 207² УК РФ возникает не только в результате, например, отказа от вакцинации, но во многом из-за особенностей организма конкретного человека, возникших осложнений и других вероятностных факторов. Верность данных предположений подкрепляется и положениями отдельных нормативных

¹ Ефремова М.А., Шутова А.А., Никифорова А.А. Уголовная ответственность за распространение заведомо ложных сведений в период пандемии: вопросы теории и практики // Вестник Удмуртского университета. 2021. Т. 31. Вып. 1. С. 87.

актов. Так, согласно п. 9 Постановления Правительства РФ от 17.08.2007 г. № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека»: «...при проведении судебно-медицинской экспертизы в отношении живого лица, имеющего какое-либо предшествующее травме заболевание либо повреждение части тела с полностью или частично ранее утраченной функцией, учитывается только вред, причиненный здоровью человека, вызванный травмой и причинно с ней связанный». Иными словами, естественные последствия заболевания (например, Covid-19) исключают причинную связь при установлении факта причинения вреда здоровью.

В правоприменительной практике анализируемая норма практически не получила своей реализации. Так, по данным ГИАЦ МВД России, в 2020 и 2021 г. не было зарегистрировано ни одного преступления по ст. 207² УК РФ, за 6 месяцев 2022 г. было возбуждено лишь одно уголовное дело (в Республике Дагестан). В целом, это было предсказуемо. С уверенностью можно заявить о том, что причина заключается в конструкции состава, создающей гносеологический тупик в установлении причинно-следственной связи между информационным воздействием и материальными последствиями для здоровья конкретного человека. Для применения ст. 207² УК РФ органам предварительного следствия необходимо прибегнуть к такому ее толкованию, при котором требуемая связь будет сохранять себя даже при условии сохраняющейся автономии воли адресата информации, при игнорировании качества оказанной медицинской помощи, индивидуальных особенностей здоровья гражданина, возможных осложнений протекания болезни и т.д.

Специфическим средством совершения преступления является заведомо ложная общественно значимая информация. Сразу следует указать, что форма ее хранения и способы передачи не имеют значения для квалификации. Виновный может распространять сведения в виде листовок, карманных календарей, смс-сообщений, push-уведомлений, телефонных

звонков, электронных писем, а равно путем закрепления соответствующего материала в открытом доступе в социальной сети.

Легальную дефиницию общественно значимой информации законодатель не предложил. Отсутствуют по этому поводу и какие-либо рекомендации в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (Covid-19). Таким образом, этот вопрос преимущественно остается в сфере усилий теории уголовного права и правоприменительной практики. Такое весьма отвлеченное формулирование предмета криминальной дезинформации населения, пожалуй, является уязвимым прежде всего в свете требований принципа законности (ст. 3 УК РФ). Реализованная инициатива де-факто не позволяет провести разграничение между правомерным и преступным поведением. Дезинформация общественности как способ повышения спроса на продукт инструмент политической борьбы либо средство привлечения внимания к конкретной персоне «per se» является в современных условиях чем-то обыденным, привычным. Требуется ли это уголовно-правового ответа? Довольно сомнительно. При этом общество в известном смысле научилось существовать в этом «информационном мыльном пузыре», самостоятельно определяя источники данных, заслуживающие доверия. В связи с этим возникает представление, что законодателю следовало сузить предмет преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ, как это, в частности, реализовано в ст. 207¹ УК РФ.

В отечественной теории уголовного права справедливо отмечается, что «...норма, сформулированная в ст. 207² УК РФ, отличается высокой степенью обобщенности и чрезмерной лаконичностью...при ее применении будут возникать сложности, поскольку используемый в ее тексте

категориальный аппарат не обладает достаточной юридико-лингвистической определенностью для единообразной правоприменительной деятельности»¹.

А.Г. Кибальник отмечает, что «понятие «общественно значимая информация» по своему содержанию шире: в принципе в нее можно включить все сведения, вызывающие либо способные вызвать общественный резонанс. Например, информация о получении вакцины или эффективного лекарства от тяжелого инфекционного заболевания каким-нибудь талантливым ученым-одиночкой будет иметь самый серьезный публичный отклик. Можно только представить количество желающих приобрести эту вакцину и / или лекарство – однако самыми непредсказуемыми станут последствия, если эта информация окажется ложной (без признаков мошенничества или иного преступления). Таким образом, общественная значимость информации в итоге является оценочным понятием, устанавливаемым судом в каждом конкретном случае»².

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в пп. «з» п. 5 ч. 1 ст. 10⁶ определяет, что владелец сайта и (или) страницы сайта в сети Интернет обязан осуществлять мониторинг социальной сети в целях выявления «недостоверной общественно значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, *которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи*». Здесь законодатель

¹ Трахов А. И., Бешукова З. М. Распространение заведомо ложной информации (ст. 207¹ и 207² УК РФ): новые составы преступлений с признаком публичности // Теория и практика общественного развития. 2020. № 6 (148). С. 80.

² Кибальник А.Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. 2020. № 5. С. 41 - 44.

определяет дополнительное свойство такой информации – ее способность повлиять на состояние общественной безопасности в целом, вызвать значительное нарушение функционирования критической инфраструктуры государства. Дополнение верное. Далеко не любая информация может по своей «разрушительной силе» оказать значимое воздействие на состояние общественной безопасности.

Важно отметить, что в отличие от ст. 207¹ УК РФ информация по смыслу ст. 207² УК РФ не обязательно затрагивает события, ставшие следствием какой-либо чрезвычайной ситуации. Такая дезинформация может относиться к политическим решениям, разрабатываемым экономическим мерам и т.п. Так, например, лицо может целенаправленно распространять информацию о якобы подготавливаемой денежной реформе по образцу «павловской реформы» 1991 г., что вполне предсказуемо вызовет панику среди населения, массовое закрытие вкладов и дезорганизацию функционирования кредитно-финансового сектора. Следует согласиться также и с тем, что общественно значимая информация содержательно охватывает данные относительно здоровья первых лиц государства, их имущественного положения и т.д. Ставшие настоящим информационным оружием «разоблачительные» расследования о дворцах, яхтах и т.п. дискредитируют политическое руководство России и по большому счету должны иметь адекватный правовой ответ. Проблема здесь остается одна – конструкция ст. 207² УК РФ.

Как и в ст. 207¹ УК РФ публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации предполагает утверждения субъекта о фактах. Следовательно, субъективные оценки, личное мнение, прямое выражение недоверия и т.п. не подпадают под действие ст. 207² УК РФ. В этом заключается ее принципиальное отличие от ст. 280³ УК РФ, равно как и от ст. 282 УК РФ.

Субъект публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации характеризуется общими признаками. Популярное

представление о том, что ст. 207² УК РФ имеет своей целью противодействие профессиональным агитаторам и паникерам, является довольно условным. В действительности, виновным может стать обыватель, желающий по каким-то причинам поддержать дезинформацию населения.

В соответствии с диспозицией ст. 207² УК РФ субъективная сторона характеризуется неосторожной формой вины. При этом лицо должно быть абсолютно точно осведомлено о ложном характере распространяемых сведений. К последствиям в виде вреда здоровью виновный проявляет, как представляется, преступное легкомыслие – лицо осознает, что соответствующее информационное воздействие может сформировать решимость у отдельных граждан поступить определенным образом (уклониться от лечения, вакцинации, соблюдения карантинных ограничений и т.д.), осознает объективную возможность наступления негативных последствий для здоровья граждан и рассчитывает, что такие последствия не наступят.

В связи с этим возникает вопрос: как квалифицировать поведение лица, которое желает или сознательно допускает наступление таких последствий – например, массового всплеска заболеваемости Covid-19, соответствующего роста смертельных случаев и наступления иных тяжких последствий для здоровья граждан? С.А. Гордейчик пишет по этому поводу: «...Статья 207¹ УК РФ применена быть не может, поскольку наступили преступные последствия. Не подлежат квалификации данные действия и по ст. 207² УК РФ, так как лицо действовало с косвенным умыслом. Статья 13.15 КоАП РФ неприменима, так как не были задействованы средства массовой информации. Следовательно, можно прийти к выводу об отсутствии в действиях указанного лица как состава преступления, так и состава административного правонарушения. Приведенный пример свидетельствует о пробеле в праве, подлежащем устранению»¹.

¹ Гордейчик С.А. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации // Российская юстиция. 2020. № 6. С. 72.

В свою очередь А.Г. Кибальник по данному поводу рекомендует следующее решение: «...в случаях установления умысла по отношению к последствиям (прямого или косвенного) содеянное необходимо квалифицировать в зависимости от направленности умысла и степени завершенности, например, как умышленное причинение вреда здоровью соответствующей степени тяжести, убийство, организацию массовых беспорядков (либо приготовление или покушение на эти преступления)»¹.

Мысль автора в целом представляется понятной – если имело место стремление виновного к гибели людей, содеянное образует убийство с неконкретизированным умыслом. Вместе с тем можно ли с уверенностью заявить о том, что деятельность профессионального антиваксера, убедившего ряд граждан отказаться от вакцинации и пренебречь карантинными ограничениями, что (допустим, было установлено) повлекло их заболевание в тяжелой форме и смерть, следует квалифицировать как убийство двух или более лиц, совершенное общеопасным способом, то есть по п. «а, е» ч. 2 ст. 105 УК РФ? Если ответить на этот вопрос утвердительно, то, пожалуй, это будет совершенно новый этап в развитии отечественной доктрины о причинно-следственной связи и вине. Такое толкование позволит признать убийством навязчивое склонение лица к плаванию в открытом море, когда злоумышленник осведомлен о плохих навыках потерпевшего и желает таким образом причинить ему смерть.

В целом следует констатировать, что определение исследуемого преступления как неосторожного, на наш взгляд, представляется искусственным. Деяние, которое связано с вредоносной пропагандой, и по природе своей (механизму развития объективной стороны) является умышленным, вопреки всякой логике и правилам законодательной техники причисляется к неосторожным.

¹ Кибальник А.Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. 2020. № 5. С. 41 – 44.

Полагаем, что в ст. 207² УК РФ законодатель не обеспечил необходимую зависимость (корреляцию) между общественно опасным деянием и его последствиями. Вред здоровью, равно как и смерть человека могут быть последствием информационной пропаганды, но не в уголовно-правовом смысле. Все попытки приспособить, а по большому счету расширить и упростить имеющиеся доктринальные конструкции в целях «оживления» ст. 207² УК РФ, на наш взгляд, относятся к разряду народной мудрости «не в коня овес».

События последних лет показывают, что злоумышленники для обеспечения наибольшего эффекта от общественной дезинформации все чаще прибегают к неправомерному доступу к информационным ресурсам средств массовой информации либо официальных органов власти с последующим размещением вредоносного контента. Действительно, результативность таких «информационных диверсий», как правило, всегда имеет взрывной характер. Авторитет новостного ресурса, приписываемое авторство главе региона либо ведомства – все это порождает лавинообразную реакцию в информационном поле и массовый отклик среди населения. К тому времени, когда поступит официальное опровержение, многие новостные каналы уже распространят ложные сведения, тысячи и миллионы обывателей ознакомятся с ними и опять же выступят ретрансляторами фейка среди родственников, знакомых и коллег по работе. Что все это ложь, массовое оболванивание и ничего более, к сожалению, узнают не все. В результате у многих граждан укоренится искаженное представление о каком-либо социально значимом событии или процессе. В целом в отличие от иных составов, связанных с криминальной пропагандой, в ст. 207² УК РФ законодатель не учел использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет как отягчающее обстоятельство. Это представляется неверным.

Также весьма спорным является то, что в качестве отягчающего обстоятельства не учитывается возможность совершения данного

преступления лицом с использованием своего служебного положения. Опасность криминальной пропаганды напрямую зависит не только от способа ее распространения, который во многом предопределяет охват аудитории, но и от авторитета источника данных. Должностные лица, руководители предприятий и учреждений, выступая распространителями дезинформации, наносят принципиально иной ущерб информационной безопасности в сравнении с рядовыми обывателями, деятельность которых может остаться и вовсе без внимания. Именно поэтому дифференциация ответственности за исследуемое преступление по признаку служебного положения субъекта представляется принципиально необходимой¹.

Представленные в работе обстоятельства подводят к убеждению, что будущее исследуемого состава преступления, прежде всего в части реализации на правоприменительном уровне, требует модернизации ст. 207² УК РФ. Полагаем, что наиболее перспективной моделью является изложение исследуемой нормы с административной преюдицией. Непримируемая дискуссия относительно использования преюдициальной повторности как криминообразующего признака хорошо известна. В рамках данной работы было бы верхом самонадеянности полагать поставить в ней точку. Остается лишь выразить свое отношение, объяснить тем самым принятое решение. Конечно же, критика относительно невозможности кумулятивной общественной опасности имеет под собой основания. Сугубо с догматических позиций опровергнуть это достаточно сложно. Вместе с тем доктрина выполняет все-таки обслуживающую функцию в системе социальных отношений. Нельзя впадать в «идеалистический экстремизм», борясь за чистоту идеи, видя при этом, что это либо не помогает в упорядочивании общественной жизни, либо откровенно вредит этому. Наблюдаемая ныне реинкарнация административной преюдиции в отечественном уголовном законе, пожалуй, выступает ответом на конкретный социальный запрос: повысить ответственность лиц,

¹ Данный тезис поддержали 87% опрошенных респондентов.

игнорирующих требования законодательства в сфере административных правонарушений. И здесь научные школы, теоретические убеждения и конструкции должны отойти на второй план, уступив место действенному уголовно-политическому решению. Это можно проследить на примере конструирования ст. 264¹ УК РФ, ст. 280³ УК РФ, эволюции ст. 282 УК РФ. Как справедливо пишет по этому поводу Т. Г. Понятовская: «...Административная преюдиция в уголовном праве – непростой вопрос... Но преюдициальные составы преступлений множатся в УК РФ, что представляется закономерным (и даже неизбежным) в тех случаях, когда решается уголовно-политическая задача охраны интересов, уже обеспеченных другими отраслями права»¹.

Предлагаемое решение, конечно же, предполагает специальное реформирование законодательства об административных правонарушениях, прежде всего ст. 10.1 КоАП РФ.

В завершение данной части работы подведем ее основные итоги:

1) непосредственным объектом публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации являются общественные отношения, связанные с обеспечением достоверности (правдивости) информационного пространства; дополнительным объектом выступают отношения в сфере защиты здоровья личности;

2) в отличие от ст. 207¹ УК РФ общественно значимая информация по смыслу ст. 207² УК РФ не обязательно затрагивает события, ставшие следствием какой-либо чрезвычайной ситуации (эпидемии, эпизоотии и т.п.) Подобная дезинформация может относиться к политическим решениям, разрабатываемым экономическим мерам и т.п.;

3) последствия в ст. 207² УК РФ сформулированы крайне неопределенно, без уточнения степени тяжести вреда здоровью. Полагаем, что говорить о возможности легкого вреда здоровью здесь нельзя по той причине, что неосторожное его причинение по УК РФ не наказуемо в

¹ Медицинское уголовное право: монография / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2022. С. 126.

принципе. Причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности по общему правилу также не является преступным. Исключения единичны – в частности, в ст. 124 УК РФ, где имеется специальная оговорка. Указанное позволяет сделать вывод о том, что с учетом системного толкования отечественного уголовного законодательства по смыслу ч. 1 ст. 207² УК РФ вред здоровью может быть только тяжким;

4) в правоприменительной практике ст. 207² УК РФ не получила своей реализации. Как представляется, причина заключается в конструкции состава, создающей гносеологический тупик в установлении причинно-следственной связи между информационным воздействием и материальными последствиями в виде вреда здоровью человека;

5) как и в ст. 207¹ УК РФ, публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации предполагает утверждения субъекта о фактах. Следовательно, субъективные оценки, личное мнение, прямое выражение недоверия и т.п. не подпадают под действие ст. 207² УК РФ. В этом заключается ее принципиальное отличие от ст. 280³ УК РФ, равно как и от ст. 282 УК РФ;

6) уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 207² УК РФ, сконструирована с нарушениями правил юридической техники. Это обуславливает настоятельную необходимость ее законодательной коррекции как в части конститутивных, так и квалифицирующих признаков:

«Статья 207². Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации

1. Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации, лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года, -

наказывается штрафом в размере от трехсот тысяч до семисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода

осужденного за период от одного года до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до трех лет.

2. То же деяние, совершенное с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, -

наказывается штрафом в размере от семисот тысяч до одного миллиона пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо исправительными работами на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения либо повлекшие тяжкие последствия, -

наказывается штрафом в размере от одного миллиона пятисот тысяч до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от восемнадцати месяцев до трех лет, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок».

Предлагаемая редакция ст. 207² УК РФ нашла свою поддержку у 74% респондентов. При этом общая поддержка изменения диспозиции составляет 93%. В изучаемых анкетах встречались возражения относительно предлагаемой системы квалифицирующих признаков. Так, например, анкетированные отмечали отсутствие необходимости или даже вредность признания таким обстоятельством использование сети Интернет. В процессе последующего интервьюирования респонденты поясняли свое несогласие тем, что такая пропаганда в современных условиях в 99% случаев совершается онлайн. По мнению респондентов, отсюда теряются смысл и

значение квалифицирующего признака – ч. 1 ст. 207² УК РФ в авторской редакции потеряет какое-либо значение.

3.3. Нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ)

Уголовно-правовая норма об ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил довольно хорошо разработана в отечественной науке уголовного права. По вполне понятным причинам она приобрела совершенно особое значение в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции. В условиях глобального эпидемиологического бедствия потребовалось обеспечить эффективное соблюдение вводимых карантинных ограничений. Первые же месяцы противодействия пандемии показали – действующая конструкция ст. 236 УК РФ недостаточна и неэффективна в экстраординарных условиях, требуется реформирование нормы¹. Это, собственно, и было сделано 1 апреля 2020 г., когда в нее оперативно были внесены изменения в целях усиления ответственности. Изменение подхода к моменту окончания состава нарушения санитарно-эпидемиологических правил, изложение нормы по модели состава создания опасности до настоящего времени активно обсуждаются в отечественной науке уголовного права².

¹ В отечественной доктрине уголовного права авторы напрямую указывали на то обстоятельство, что установление причинно-следственной связи между нарушением соответствующих правил и массовым заболеванием Covid-19, мягко говоря, не всегда представляется возможным. Причина заключается в довольно длительном и вариабельном инкубационном периоде, который определяется прежде всего резистентностью организма к инфекции. При этом понятно, что уповать здесь на возможности судебно-медицинской экспертизы крайне наивно. См., например: Бимбинов А.А. Уголовная ответственность за распространение коронавируса // Уголовный процесс. 2020. № 5. С. 60; Колоколов А.В. Вопросы уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил в условиях распространения коронавирусной инфекции (Covid-19) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 2 (28). С. 61.

² См.: Волков К.А. Новая коронавирусная инфекция (COVID-19) и уголовный закон // Российская юстиция. 2020. № 7. С. 52 – 55; Пospelова С.И. «Угроза массового

По данным ГИАЦ МВД России, в 2020 г. было зарегистрировано 82 преступления, предусмотренного ст. 236 УК РФ, в 2021 г. – 61, за 6 месяцев 2022 г. – 18. Таким образом, можно сделать вывод, что изменение конструкции нормы не привело к принципиальному росту ее применения. Вместе с тем можно предположить, что на снижение соответствующих показателей в значительной степени повлиял период карантинных ограничений, при котором образовательные учреждения, предприятия и иные места массового скопления граждан, предполагающие организацию общественного питания, были закрыты.

Объектом данного преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность здоровья населения. В целом, такое толкование объекта ст. 236 УК РФ в отечественной теории является общепринятым. Вместе с тем можно обнаружить и другие подходы к его определению. Так, например, в отдельных источниках непосредственным объектом признаются отношения, обеспечивающие безопасность здоровья неопределенного круга лиц и *правила санитарно-эпидемиологической безопасности населения*¹. Последняя оговорка относительно правил, на наш взгляд, является довольно спорной. Отношения не обеспечивают правила, ровно наоборот – правила утверждаются, чтобы упорядочивать и обеспечивать социальные коммуникации, то есть отношения. Следовательно, такое определение объекта представляет собой его искусственную «юридизацию», включение в него нормативных положений, которым причиняться вред не может.

Нарушение санитарно-эпидемиологических правил является преступлением с не персонифицированным потерпевшим. Деяние виновного не направлено на причинение вреда конкретному лицу, а является общей угрозой для неограниченного круга лиц, отдельным из которых в силу

заболевания людей» как признак преступления: новелла уголовного закона в период пандемии COVID-19 // Медицинское право. 2021. № 3. С. 29 – 36.

¹ Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. И.М. Мацкевича, Н.Г. Кадникова. М., 2015. С. 725.

стечения обстоятельств причиняется непосредственный вред. Следует отметить, что если до апрельских изменений 2020 г. состав преступления предполагал множественность пострадавших лиц, что должно было получить свое подтверждение в материалах уголовного дела, действующая редакция ст. 236 УК РФ может быть применена и без установления конкретных потерпевших.

В качестве дополнительного объекта преступления, предусмотренного ст. 236 УК РФ, выступают отношения, обеспечивающие здоровье личности. Заболевание и отравление в любом случае влечет негативные изменения в физиологическом состоянии потерпевшего. При этом, надо признать, что здоровье конкретного лица страдает и в том случае, когда заболевание не имело конкретных осложнений. Сформулированный тезис о дополнительном объекте нарушения санитарно-эпидемиологических правил является верным и в ситуации состава создания опасности по смыслу ст. 236 УК РФ, поскольку реальность последней определяется возможной угрозой для здоровья конкретных лиц (хотя индивидуально и не определенных – пассажиры общественного транспорта, работники предприятия и т.п.).

Объективная сторона нарушения санитарно-эпидемиологических правил в современной редакции ст. 236 УК РФ имеет сложный и альтернативный характер. Законодатель объединил в рамках одной диспозиции признаки неосторожного и умышленного преступления создания опасности.

Объективная сторона неосторожного преступления по ст. 236 УК РФ представлена следующими признаками:

- деянием, связанным с нарушением санитарно-эпидемиологических правил;
- массовое заболевание или отравление людей;
- причинно-следственная связь между нарушением санитарных/эпидемиологических норм и наступившими последствиями.

Объективная сторона состава создания опасности по ст. 236 УК РФ включает:

- нарушение санитарно-эпидемиологических правил;
- деяние должно быть реализовано способом, сопряженным с угрозой массового заболевания или отравления людей.

Исследуемое преступление может быть совершено как в активной форме, так и в пассивной. Ситуации применения ст. 236 УК РФ в отечественной правоприменительной практике всегда были преимущественно связаны с общественным питанием. Материалы проверки по инцидентам массового отравления довольно часто завершались именно такой юридической оценкой. В пандемийный период практика исследуемой нормы дополнилась новым направлением – квалификацией действий госпитализированных с Covid-19 больных, которые самостоятельно покинули медицинское учреждение, не завершив лечение и, соответственно, представляя угрозу для окружающих.

Диспозиция ст. 236 УК РФ является бланкетной и отсылает не только к Федеральному закону от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», но и к значительному числу иных нормативных актов различного уровня. Здесь следует сразу отметить, что все же ссылка на упомянутый основной закон в сфере санитарно-эпидемиологической безопасности являлась ключевой в судебной практике в период пандемии. Суды прежде всего указывали на нарушение ст. 33 Федерального закона № 52, в соответствии с которой больные инфекционным заболеванием подлежат лабораторному обследованию, медицинскому наблюдению и лечению, а в случаях, если они представляют опасность для окружающих, обязательной госпитализации или изоляции. Поскольку предметом настоящего диссертационного исследования является влияние пандемии на механизм уголовно-правового регулирования, представляется целесообразным кратко осветить только те источники, которые были приняты в связи и по поводу преодоления последствий

коронавирусной инфекции. Систематически данные нормативные акты можно представить следующим образом:

1) Постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 715 (в ред. Постановления от 31 января 2020 г. № 66) «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих»;

2) Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 22 мая 2020 г. № 15 об утверждении СП 3.1.3597-20 «Профилактика новой коронавирусной инфекции (Covid-19), СП 3.4.2318 «Санитарная охрана территории Российской Федерации»;

3) нормативные акты региональных органов власти о введении режима повышенной готовности.

Использование актов регионального уровня при применении ст. 236 УК РФ требует отдельного рассмотрения. Дело в том, что такое «наполнение» уголовно-правовой нормы «местным нормативным содержанием» вполне очевидно создает представление о нарушении фундаментальных основ действия уголовного закона в части его единства в пределах всей страны. Если региональные правила разнятся, следовательно, действие уголовно-правовой нормы с бланкетной диспозицией не может быть одинаковым априори. В этом смысле в теории уголовного права вполне предсказуемо обосновывается невозможность такой бланкетности при применении УК РФ¹. В практике по делам о Covid-19 ссылки судов на акты регионального уровня имели, что называется, вспомогательный / подчиненный характер по отношению к федеральным нормативным актам. Это справедливо и логично. Вместе с тем очевидно, что карантинные ограничения могут различаться в регионах в зависимости от конкретно сложившейся эпидемиологической ситуации. Так, в одних субъектах могут быть установлены запреты на функционирование всех увеселительных заведений и предприятий

¹ См.: Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб., 2003. С. 175.

общественного питания, в то время как обстановка в других регионах может и не предполагать принятия таких мер. При подобных обстоятельствах функционирование, например, ночного клуба будет образовывать нарушение санитарно-эпидемиологических правил по смыслу ст. 236 УК РФ в одном субъекте и в то же время не образовывать в другом. К.В. Ображиев, предлагая модернизировать содержание ст. 3 УК РФ, обосновывает целесообразность ее дополнения оговоркой о том, что «содержание бланкетных признаков состава преступления может определяться Конституцией Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, федеральными законами... *а в случаях, предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса, также законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации*»¹. Тезис о том, что источники бланкетных признаков уголовно-правовых норм могут быть представлены и региональными нормативными актами, обстоятельно обосновывает Н.И. Пикуров². Так, автор отмечает, что «границы действия нормативных актов, к которым отсылает уголовный закон, как правило, уже, чем территория, на которую распространяется сила уголовного закона. Многие статьи УК РФ с бланкетной диспозицией отсылают к ведомственным или региональным нормативным актам, действующим на территории отдельных субъектов Российской Федерации...»³.

Пандемийный опыт показал, что регулирование в области эпидемиологических ограничений имеет и должно иметь строго адресный / целевой характер. Решение должно приниматься органами власти на местах, хотя и с учетом рекомендаций / критериев / требований федерального уровня. В противном случае эффект «ковровых» запретов приведет только к

¹ Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права: монография. М., 2015. С. 420.

² Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. Волгоград, 1998. С. 100-101.

³ Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава: монография. М., 2009. С. 165.

дополнительному социальному напряжению и экономическому ущербу. В плоскости действия механизма уголовно-правовой охраны это означает только одно – необходимость использования региональных нормативных актов в качестве юридических источников ст. 236 УК РФ. Вместе с тем реализация данного подхода с соблюдением принципов отечественного уголовного права требует модернизации исследуемой уголовно-правовой нормы посредством выделения специального примечания по типу ст. 143 УК РФ¹.

В отечественной теории уголовного права считается общепринятым, что такие категории, как «массовое заболевание» и «массовое отравление» являются оценочными². В отсутствие строгого легального-математического определения «массовости» в уголовном законе большинство авторов склоняются к значению от 3-х и более потерпевших. В настоящей работе нет цели углубиться в этот давний теоретико-прикладной дискурс, предполагающий цитирование и большое количество ссылок на практику. Все это хорошо известно. Следует лишь выразить мнение, что законодателю в таких ситуациях вряд ли следует уклоняться от необходимости определения точных количественных барьеров. Может, в этом и есть известное упрощение, однако это важная гарантия принципа законности и избавление практиков от необходимости «ломать голову» над основательностью предположения в массовости заболевания или отравления по смыслу ст. 236 УК РФ. Дополнительно также следует указать, что при установлении таких последствий необходимо руководствоваться не только количеством потерпевших, но и контагиозностью инфекционного заболевания. В случае с SARS-CoV-2, с его способностью к быстрому распространению, высоким уровнем смертности и риском наступления иных тяжких последствий для здоровья, нарушение санитарно-

¹ Данный вывод нашел свою поддержку у 78% опрошенных респондентов.

² См., например: Уголовная ответственность за преступления, связанные с нарушением специальных правил: монография / Колл. Авт. В.К. Андриянов, В.Б. Боровиков, О.А. Мотин и др.; под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М., 2018. С. 264.

эпидемиологических правил, повлекшее заражение даже одного или двух человек, необходимо рассматривать как возникновение массового заболевания.

Довольно спорным вопросом является само понимание угрозы в конструкции ст. 236 УК РФ. Возможны две интерпретации. Первая, опираясь на буквальное прочтение нормы, раскрывает соответствующую угрозу массового заболевания или отравления как *самостоятельное последствие*¹. В этой модели состав также является материальным и предполагает установление этих негативных изменений во внешней среде, то есть определение материального субстрата *создания опасности для здоровья населения*. Г.Ю. Полупан в диссертации пишет, что «составы поставления в опасность» подпадают под категорию материальных составов преступлений. В подкрепление своей позиции автор ссылается на результаты социологического исследования: 69 % опрошенных респондентов угрозу наступления последствий расценивают в качестве общественно опасного последствия². С теоретических позиций трактовка Г.Ю. Полупан понятна и выглядит вполне убедительно. Главный изъян заключается в другом. Соприкоснувшись с «землей», кристально чистая идея автора превратится в нечто противоположное. Ведь совершенно непонятно, что именно, какие негативные последствия в объективной действительности следует устанавливать следственным путем? В чем и как должна найти свое выражение эта «угроза массового заболевания»? Все изученные в этой части приговоры по делам о Covid-19 свидетельствуют об описании *деяния* виновного – какие общественные места он посетил, использовал ли общественный транспорт, вступал ли в незащищенный контакт с

¹ См., например: Норвартян Ю.С. Нарушение санитарно-эпидемиологических правил: вопросы криминализации и законодательной регламентации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 8 (84). С. 114; Пичугин С.А., Тараканов И.А. Специфика уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил в условиях распространения новой коронавирусной инфекции // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4 (57). С. 109.

² Полупан Г.Ю. Уголовная ответственность за создание опасности: автореф. Дис...канд. юрид. наук. М., 2013. С. 17.

окружающими и т.п. Таким образом, оставаясь в парадигме «угроза наступления последствий есть признак объективной стороны как самостоятельное последствие», мы впадаем в теоретическую иллюзию и обрекаем правоприменителя искать «черную кошку в темной комнате».

Другая интерпретация характеризует угрозу как само свойство деяния, то есть применительно к ст. 236 УК РФ нарушения санитарно-эпидемиологических правил. В этом отношении угроза – это не последствие, а *способ* нарушения эпидемиологических требований и ограничений, который свидетельствует о наличии необходимой общественной опасности. Именно этой позиции, на наш взгляд, и следует придерживаться при толковании действующей редакции ст. 236 УК РФ. Как совершенно справедливо пишет А.А. Бимбинов по этому поводу, сама реформа исследуемой нормы от 1 апреля 2020 г. была направлена на то, чтобы преодолеть проблемы с установлением причинно-следственной связи, поскольку составы создания опасности относятся к формальным и не предполагают общественно опасных последствий¹.

Верховный Суд РФ в своем Обзоре сделал справедливую оговорку о том, что привлечение лица к ответственности по ст. 236 УК РФ является возможным только при условии *реальности* угрозы наступления соответствующих последствий². Тем самым высшая судебная инстанция сформулировала гарантию от необоснованного уголовного преследования по ст. 236 УК РФ в ситуации формального нарушения санитарных правил при отсутствии создания опасности для окружающих. Действительно, лицо может нарушить режим карантина, например, отправившись из своего частного домовладения на личном автомобиле подышать воздухом в лес, при этом заведомо не контактируя с окружающими. Формально

¹ Бимбинов А.А. Уголовная ответственность за распространение коронавируса // Уголовный процесс. 2020. № 5. С. 60.

² Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (Covid-19) №1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

эпидемиологическое нарушение имеет место, однако говорить здесь о признаках уголовно-наказуемого деяния нельзя. В отдельных решениях суды, констатируя реальность угрозы, не только отмечают наличие инфекционного заболевания у виновного, который в нарушение карантинных ограничений посетил общественное место, но и специально указывают, что такое лицо не имело средств индивидуальной защиты, в том числе в виде резиновых перчаток и медицинской маски, для исключения распространения заболевания Covid-19¹.

В теории уголовного права нет однозначного подхода к определению субъекта нарушения санитарно-эпидемиологических правил. В отдельных источниках обосновывается, что субъект исследуемого преступления специальный – лица, в служебные обязанности которых входит обеспечение санитарно-эпидемиологических правил (сотрудники государственных санитарно-эпидемиологических органов, медицинских учреждений, общественного питания и т.п.)². Вместе с тем было аргументировано и более широкое толкование субъекта ст. 236 УК РФ. Так, Л.В. Иногамова-Хегай считает, что субъектом данного преступления могут быть и отдельные граждане, например, сам заболевший, который вследствие нарушения санитарно-эпидемиологических правил стал источником распространения массового заболевания³. Последний тезис обладает непосредственной значимостью с учетом темы настоящего исследования. Однако он сам по себе не опровергает утверждение о специальном субъекте в ст. 236 УК РФ, поскольку в случае с инфицированным пациентом на карантине специализация субъекта легко выявляется признаком состояния здоровья, а

¹ Приговор Новоуренгойского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 9 февраля 2021 г. по делу № 1-61/2021.

² См., например: Горовых В.Ю. Уголовная ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил как средство предупреждения социально значимых заболеваний // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 6. С. 89; Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. И.М. Мацкевича, Н.Г. Кадникова. М., 2015. С. 725.

³ Уголовный закон в практике районного суда: науч.-практ. пособие / под ред. А.В. Галаховой. – М., 2010. С. 615.

также в некотором смысле особым правовым положением такого лица, вынужденного соблюдать специальные ограничения и обязательства, с которыми он, как правило, ознакомился под роспись.

Пандемийный период применения ст. 236 УК РФ в целом подтвердил справедливость такого подхода. Так, К. был осужден по ч.1 ст. 236 УК РФ. Согласно решению суда, К. был госпитализирован с подтвержденным заболеванием, вызванным новой коронавирусной инфекцией. Суд отдельно указал, что К. был обязан находиться на госпитализации в медицинском учреждении до фактического выздоровления, под непрерывным медицинским наблюдением, о чем был осведомлен надлежащим образом. В нарушение обязательных к исполнению санитарно-эпидемиологических норм и правил К., осознавая возможность наступления общественно-опасных последствий своих действий, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывая на их предотвращение, умышленно покинул медицинское учреждение, проследовал пешком на автобусную остановку, откуда на общественном транспорте доехал до автовокзала. Там К. приобрел билет на автобус, на котором убыл по месту проживания. Суд пришел к выводу, что К., имея подтвержденное заболевание, вызванное новой коронавирусной инфекцией, представляющее опасность для окружающих, допустил нарушение санитарно-эпидемиологических правил, которое могло повлечь по неосторожности массовое заболевание людей коронавирусной инфекцией¹.

В целом, в период пандемии Covid-19 субъектом преступления, предусмотренного ст. 236 УК РФ, признавались следующие категории граждан, наделенных специальными признаками: 1) лица, которые в силу своего служебного положения либо выполняемых профессиональных функций должны были соблюдать требования санитарно-эпидемиологических правил в сфере противодействия Covid-19; 2) лица с

¹ Приговор Псковского городского суда Псковской области от 26 ноября 2020 г. по делу № 1-583/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

подтвержденным заболеванием, вызванным новой коронавирусной инфекцией, получившие соответствующее уведомление о необходимости соблюдения карантинных ограничений.

Довольно спорным является вопрос об ответственности субъектов, наделенных организационно-распорядительными полномочиями. В материалах правоприменительной практики были выявлены разные подходы к квалификации. Так, Ф. была осуждена по ч. 1 ст. 236 УК РФ за нарушение санитарно-эпидемиологических правил. Обвинение включало в себя многие пункты, среди которых: уклонение от перевода сотрудников на вахтовый режим работы; допуск к работе без использования средств индивидуальной защиты; допуск на территорию учреждения посторонних лиц; неисполнение обязанностей по организации надлежащей дезинфекции помещений после выписки и смерти постояльцев; уклонение от организации лабораторного обследования сотрудников на Covid-19 и др. Деяние Ф. повлекло заражение и заболевание 28 человек¹. Вместе с тем в похожей ситуации действия главного врача были квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285 УК РФ и ч. 1 ст. 236 УК РФ².

В теории уголовного права обосновывается позиция, что нарушение санитарно-эпидемиологических правил, совершенное должностным лицом, следует квалифицировать в зависимости от обстоятельств дела только по ст. 285, 286 или 293 УК РФ³. Полагаем, что такой квалификационный алгоритм тоже является спорным. Применение нормы о должностном преступлении вместе со ст. 236 УК РФ является вполне допустимым в случаях реальной совокупности либо когда последствия совершенного деяния (злоупотребления, ненадлежащего исполнения и т.п.) имеют сложный характер и не ограничиваются теми, которые указаны в ст. 236 УК РФ.

¹ Приговор Куйбышевского районного суда г. Новокузнецка от 30 сентября 2021 г. по делу № 1-336/2021.

² Приговор Железнодорожного районного суда города Хабаровска от 12 ноября 2021 г. по делу № 1-398/2021.

³ См., например: Ермолович Я.Н. Уголовная ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил // Военное право. 2021. № 3 (67). С. 198.

До апрельских изменений субъективная сторона нарушения санитарно-эпидемиологических правил раскрывалась единообразно как предполагающая исключительно неосторожную форму вины. Однако в действующей редакции ст. 236 УК РФ такой однозначный вывод уже сделать нельзя, поскольку сформулированный в диспозиции состав создания опасности, как уже отмечалось, предполагает умышленное деяние субъекта.

Надо сказать, что в современной литературе мнения по поводу содержания субъективной стороны исследуемого преступления разнятся. Пожалуй, наименее убедительным является тезис о том, что в действующей редакции ст. 236 УК РФ субъективная сторона характеризуется двойной формой вины: прямым умыслом к нарушению правил и неосторожностью по отношению к последствиям¹. Ни к первой, ни ко второй разновидности состава нарушения санитарно-эпидемиологических правил указанное мнение не применимо.

Я.Н. Ермолович и вовсе, что называется, оставляет вопрос «висеть в воздухе», указывая, с одной стороны, что «составы создания конкретной опасности являются умышленными, поскольку не предусматривают наступления общественно опасных последствий...», а с другой – отмечает, что «нарушение санитарно-эпидемиологических правил, как и любое нарушение специальных правил, должно являться только неосторожным преступлением»². Ключевое слово здесь – *должно*. Автор как бы проговаривается о том, что реальное состояние нормы *должно* быть другим, но таковым не является, поскольку не может быть формальных составов неосторожных преступлений. Иными словами, 1 апреля 2020 г. законодатель в свете экстраординарных событий счел возможным этот тренд изменить, сконструировав формальный состав нарушения специальных правил,

¹ Карягина О.В. Особенности уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил в условиях угрозы распространения коронавируса в РФ: анализ новаций // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2020. № 1 (31). С. 51.

² Ермолович Я.Н. Указ. соч.

криминообразующим признаком которого является характер поведения виновного – способ осуществления деяния (опасный или не опасный).

Закономерно, что вопрос о субъективной стороне нарушения санитарно-эпидемиологических правил в правоприменительной практике пандемийного периода решался также неоднозначно. Так, в приведенном ранее приговоре Псковского городского суда акцент однозначно был сделан на неосторожность. Суд раскрывает ее как самонадеянный расчет виновного на то, что такая угроза массового заболевания не наступит. Прямое указание на неосторожную форму вины имело место и в упомянутом приговоре Новоуренгойского городского суда.

В другом решении суд указывает, что «...С. в результате внезапно возникшего преступного умысла, направленного на нарушение санитарно-эпидемиологических правил, осознавая, что может подвергнуть заражению широкий круг лиц, самовольно покинул МБУЗ «ГБСМП», выбравшись через окно палаты, в которой проходил лечение... С., понимая преступный характер своих действий и осознавая угрозу массового заболевания широкого круга лиц новой коронавирусной инфекцией Covid-19, направился в общественное место – железнодорожный вокзал..., где находился среди неустановленного круга лиц»¹. Можно привести и иные примеры. Так, О. была осуждена по ч.1 ст. 236 УК РФ за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, создавшее угрозу наступления последствий в виде массового заболевания людей. В описательной части приговора суд указывает: «...О., достоверно зная о диагностировании у нее инфекционного заболевания Covid-19, осознавая возможность наступления общественно-опасных последствий в виде массового заражения граждан, умышленно нарушила санитарно-эпидемиологические правила... – что выразилось в

¹ Приговор Новочеркасского городского суда Ростовской области от 26 июня 2020 г. по делу № 1-357/2020.

самовольном оставлении хирургического отделения БУ «Республиканский клинический госпиталь для ветеранов войн»¹.

Как уже отмечалось, угрозу массового заболевания неверно понимать как следствие деяния по смыслу ст. 236 УК РФ. Она представляет собой его свойство, а фактически – способ. Угроза массового заболевания или отравления сопряжена лишь с определением того, *как* именно вел себя виновный – пользовался ли общественным транспортом, вступал ли в контакт с окружающими, в том числе для приобретения товаров и услуг. Неосторожное отношение к способу действия невозможно, как, собственно, и неосторожная форма вины в формальном по конструкции составе преступления. Следовательно, представляется неверным подход тех судов, которые определяли неосторожную форму вины у больных Covid-19 по отношению к угрозе массового заболевания в ситуациях умышленного уклонения от дальнейшего прохождения лечения и госпитализации в период пандемии.

Неопределенность признаков исследуемого состава преступления, а равно особое внимание органов государственной власти к случаям нарушения вводимых ограничений в период пандемии Covid-19 обусловили формирование весьма неоднозначной судебной практики с точки зрения отечественной доктрины уголовного права о соучастии. Так, можно обнаружить факты осуждения по ч. 4 ст. 33 ч. 1 ст. 236 УК РФ за подстрекательство *неограниченного круга лиц* к нарушению санитарно-эпидемиологических правил. Согласно одному из приговоров, подсудимый, действуя умышленно, с целью склонения *неограниченного круга лиц* к участию в несогласованном публичном массовом мероприятии, используя неустановленное техническое устройство, подключенное к сети Интернет, разместил на используемой им странице социальной сети для публичного обмена сообщениями Twitter (Твиттер) и на других ресурсах публикации.

¹ Приговор Московского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики от 10 августа 2020 г. по делу № 1-309/2020.

Размещая данные публикации и видеообращения, подсудимый осознавал, что запланированное к проведению публичное массовое мероприятие (митинг) в установленном порядке не согласовано, а совершаемые им действия неизбежно повлекут нарушение требований ст. 10 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и приведут к нарушению санитарно-эпидемиологических правил, поскольку в условиях стихийного массового скопления людей будет невозможно обеспечить соблюдение всеми участвующими физическими лицами, в том числе инфицированными новой коронавирусной инфекцией (COVID-19), правил личной гигиены (мытьё рук, использование антисептиков, медицинских масок, перчаток), соблюдение социальной дистанции от 1,5 до 2 м., необходимость которых установлена в соответствии с СП 3.1.3597-20, утвержденными Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 22 мая 2020 г. № 15, что в свою очередь создаст угрозу массового заболевания людей¹.

Анализ данного судебного решения вызывает довольно много вопросов с точки зрения понимания подстрекательства к преступлению по смыслу российского уголовного закона. Как следует из описательной части, правоприменителем допускается возможность так называемого безадресного подстрекательства в отношении индивидуально неопределенного круга лиц. Такая конструкция в отечественной науке уголовного права традиционно считалась и считается недопустимой². Это и послужило поводом к появлению в отдельных статьях Особенной части УК РФ специальных норм об ответственности за «публичные призывы» к преступной деятельности (например, ч. 3 ст. 212 УК РФ). Следовательно, на уровне искусственного расширения интерпретационной емкости подстрекательства противодействие публичным призывам к нарушению санитарно-эпидемиологических правил в

¹ Приговор Преображенского районного суда города Москвы от 20.08.2021 по делу № 1-523/2021.

² Очевидность и бесспорность данного тезиса, полагаем, избавляет от необходимости цитирования многих учебников и курсов по уголовному праву.

период пандемии является недопустимым. Данная проблема может иметь либо законодательное разрешение – по типу выделения специального основания ответственности за соответствующие призывы (по модели той же ч. 3 ст. 212 УК РФ). Вместе с тем полагаем, что такие деяния могут быть оценены в рамках действующей редакции ст. 207¹ УК РФ.

С точки зрения юридической техники само решение законодателя объединить в рамках одной диспозиции неосторожное преступление с последствиями и умышленное преступление создания опасности представляется довольно спорным¹. На поверхности вопрос в том, являются ли соответствующие деяния равными в своей общественной опасности? По большому счету, нарушение эпидемиологических требований с созданием опасности есть лишь этап в развитии этого же деяния, связанного с наступлением последствий. Законодатель пошел навстречу правоприменителю и, как бы реагируя на заявляемые сложности с установлением последствий и доказыванием причинно-следственной связи, сконструировал новый вид данного преступления, при этом определив момент его окончания на более ранней стадии. С учетом изложенного, пожалуй, правильным было бы определить эти виды нарушения санитарно-эпидемиологических правил не в соотношении альтернативных основных составов, а в системе основного и квалифицированного состава.

В завершение данной части работы подведем ее основные итоги:

1) объективная сторона нарушения санитарно-эпидемиологических правил в современной редакции ст. 236 УК РФ имеет сложный и альтернативный характер. Законодатель объединил в рамках одной диспозиции признаки неосторожного и умышленного преступления создания опасности. Объективная сторона неосторожного преступления по ст. 236 УК РФ представлена следующими признаками: деяние, связанное с нарушением

¹ На это уже было обращено внимание в отечественной литературе. См., например: Норвартян Ю.С. Нарушение санитарно-эпидемиологических правил: вопросы криминализации и законодательной регламентации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 8 (84). С. 116.

санитарно-эпидемиологических правил; массовое заболевание или отравление людей; причинно-следственная связь между нарушением санитарных/ эпидемиологических норм и наступившими последствиями. Объективная сторона состава создания опасности по ст. 236 УК РФ включает: нарушение санитарно-эпидемиологических правил; деяние должно быть реализовано способом, сопряженным с угрозой массового заболевания или отравления людей;

2) пандемия SARS-CoV-2 показала, что регулирование в области эпидемиологических ограничений имеет и должно иметь строго адресный / целевой характер. Решение должно приниматься органами власти на местах, хотя и с учетом рекомендаций / критериев / требований федерального уровня. В аспекте действия механизма уголовно-правовой охраны это означает только одно – необходимость использования региональных нормативных актов в качестве юридических (формальных) источников ст. 236 УК РФ. Вместе с тем реализация данного подхода с соблюдением принципов отечественного уголовного права требует модернизации исследуемой уголовно-правовой нормы посредством выделения специального примечания по типу ст. 143 УК РФ;

3) такие конструктивные признаки ст. 236 УК РФ, как «массовое заболевание» и «массовое отравление», являются оценочными. При их установлении необходимо руководствоваться не только количеством потерпевших, но и контагиозностью инфекционного заболевания. В случае с SARS-CoV-2, с его способностью к быстрому распространению, высоким уровнем смертности и риском наступления иных тяжких последствий для здоровья нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее заражение даже одного или нескольких человек, необходимо рассматривать как возникновение массового заболевания;

4) в период пандемии Covid-19 субъектом преступления, предусмотренного ст. 236 УК РФ, признавались следующие категории граждан, наделенных специальными признаками: 1) лица, которые в силу

своего служебного положения либо выполняемых профессиональных функций должны были соблюдать требования санитарно-эпидемиологических правил в сфере противодействия Covid-19; 2) лица с подтвержденным заболеванием, вызванным новой коронавирусной инфекцией, получившие соответствующее уведомление о необходимости соблюдения карантинных ограничений;

5) в период пандемии Covid-19 свое оформление получила довольно неоднозначная судебная практика в части привлечения к ответственности за подстрекательство *неограниченного круга лиц* к нарушению санитарно-эпидемиологических правил. Следовательно, была допущена возможность так называемого безадресного подстрекательства в отношении индивидуально неопределенного круга лиц. Такая конструкция в отечественной науке уголовного права традиционно считалась и считается недопустимой. На уровне искусственного расширения интерпретационной емкости подстрекательства противодействие публичным призывам к нарушению санитарно-эпидемиологических правил в период пандемии является неприемлемым. Данная проблема может иметь законодательное разрешение – по типу выделения специального основания ответственности за соответствующие призывы (по типу ч. 3 ст. 212 УК РФ). Другим решением является квалификация таких призывов по ст. 207¹ УК РФ;

б) с учетом высказанных замечаний относительно описания нарушения санитарно-эпидемиологических правил в отечественном уголовном законе предлагается следующая редакция нормы:

«Статья 236. Нарушение санитарно-эпидемиологических правил

1. Нарушение санитарно-эпидемиологических правил, создавшее угрозу массового заболевания или отравления людей, -

наказывается штрафом в размере от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо лишением права занимать

определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет.

2. То же деяние, повлекшее по неосторожности массовое заболевание или отравление людей, -

наказывается штрафом в размере от пятисот тысяч до семисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до восемнадцати месяцев, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до трех лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок.

3. Деяние, предусмотренное частью первой или второй настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть человека, -

наказывается штрафом в размере от одного миллиона рублей до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо ограничением свободы на срок от двух до четырех лет, либо принудительными работами на срок от трех до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок.

4. Деяние, предусмотренное частью первой или второй настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц, -

наказывается принудительными работами на срок от четырех до пяти лет либо лишением свободы на срок от пяти до семи лет»

Примечание. Под санитарно-эпидемиологическими правилами в настоящей статье понимаются государственные нормативные стандарты и требования, обеспечивающие санитарно-эпидемиологическое благополучие людей, содержащиеся в федеральных законах, иных нормативных правовых актах Российской Федерации, законах и иных нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации»¹.

¹ Данная редакция нормы нашла свою поддержку у 57% опрошенных респондентов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение работы необходимо подвести ее основные итоги. Следует оговориться, что автор ни в малой степени не претендует на решение такой сложной научной проблемы как влияние мировой эпидемии (пандемии) на механизм уголовно-правовой охраны. Осмысление этого опыта потребует еще многих лет научного поиска и самого активного обсуждения в среде научного сообщества. Вместе с тем есть надежда, что в рамках проведенного исследования удалось сформулировать положения и выводы, которые послужат опорой для этой кропотливой работы. Кратко и с учетом структуры рукописи они могут быть представлены следующим образом:

1) преодоление угроз и последствий пандемии напрямую связано не только с научным потенциалом и оснащенностью системы органов здравоохранения, профессионализмом ее работников, компетентностью принимаемых управленческих решений, но и с содержанием уголовной политики государства;

2) задействование охранительного уголовно-правового механизма в преодолении Covid-19 имело экстренный характер, что было обусловлено общим состоянием неопределенности и страха перед малоизученным патогеном. В этом смысле реформа отечественного уголовного законодательства от 1 апреля 2020 г. преследовала цель заверить общественность в том, что «что-то уже сделано»;

3) пандемия значительно повлияла на состояние преступности в Российской Федерации, изменив предмет воздействия охранительного механизма уголовно-правовой охраны: обострение эпидемиологической обстановки, а равно введение соответствующих запретов и ограничений обусловили принципиальное изменение состояния преступности в сфере нарушения санитарно-эпидемиологических правил; эпидемия значительно ускорила процесс цифровизации преступности; преодоление коронавирусной

инфекции ознаменовалось решением задачи противодействия преступлениям, связанным с заведомо ложной агитацией и паникерством («инфодемией»);

4) период пандемии обусловил возникновение теоретико-методологической проблемы о дальнейшей судьбе изменений уголовного закона, которые напрямую были связаны с преодолением Covid-19. Предлагается несколько решений: первое – введенные специальные нормы и поправки в ранее действующие должны быть упразднены, поскольку в нормальных условиях общественной жизни такой уровень уголовной репрессии является объективно избыточным; второе – все изменения необходимо сохранить в имеющемся виде в расчете на возможное перспективное применение в будущем; третье – пандемийная адаптация механизма уголовно-правовой охраны требует совершенно нового вектора развития уголовного закона, а именно выделения специальной главы с конкретизированным перечнем специальных норм, рассчитанных на действие в условиях мировой эпидемии;

5) эпидемия коронавирусной инфекции поставила перед механизмом уголовно-правовой охраны проблему допустимости (интерпретационной достаточности) применения уголовно-правовых норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (крайней необходимости и обоснованного риска), в ситуациях медицинской сортировки пациентов, а равно при применении методов и форм оказания медицинской помощи, которые не получили надлежащего обоснования и апробации в медицинской практике;

6) пандемия затронула все этапы функционирования охранительного уголовно-правового механизма, включая уголовное судопроизводство и исполнение наказания;

7) преодоление негативных последствий новой коронавирусной инфекции потребовало значительных (комплексных) усилий со стороны государств в области правового регулирования. Введение особых

(чрезвычайных) режимов было сопряжено с конкретизацией социальных, трудовых, экономических (в том числе налоговых) отношений. Кроме того, был задействован механизм уголовно-правовой охраны, прежде всего в целях обеспечения исполнения карантинных ограничений;

8) пандемия не вызвала массовой криминализации в части ответственности за нарушение режима самоизоляции, уклонение от прохождения лечения и т.д. (некоторым исключением здесь выступают лишь отдельные страны – Великобритания, Новая Зеландия, Австралия и др., в которых принятие «антиковидных законов» было сопряжено с определением специальных составов преступлений). В целом органы государственной власти пошли по пути принятия актов толкования, которыми разъяснялись правила применения уже имеющихся положений уголовного законодательства об ответственности за причинение вреда жизни и здоровью человека, применение насилия и оскорбление представителя власти, уклонение от уплаты налогов, нарушение санитарно-гигиенических требований в условиях пандемии Covid-19;

9) отдельные страны использовали модель изначально временной криминализации либо ужесточения уголовной ответственности за нарушение требований санитарно-эпидемиологического законодательства в период пандемии;

10) первые месяцы пандемии показали, что противодействие дезинформации в сети Интернет стало столь же важным, как и обеспечение медицинских работников необходимым медицинским оборудованием и расходными материалами. Борьба с «инфодемией» не только осуществлялась организационно-техническими мерами, но и вызвала тренд на криминализацию распространения заведомо ложной информации о Covid-19, в том числе о мерах общественного здравоохранения;

11) в заключениях отдельных международных организаций, а также в зарубежной литературе довольно критически оценивается введение специальных составов об ответственности за действия, связанные с

дезинформацией о Covid-19. Специалисты неустанно подчеркивают, что государственные режимы, склонные к неоправданному ограничению свободы слова, попросту воспользовались пандемией в своих политических целях. Ковидная эпидемия так или иначе завершится, но нормы об ответственности за выражение мнения о деятельности органов власти, отличающегося от официальной оценки, позволит преследовать за критику;

12) в период пандемии Covid-19 крайняя необходимость проявила себя в ситуациях неисполнения хозяйствующими субъектами обязанностей в сфере учетно-регистрационной, налоговой и договорной дисциплины, при нарушении гражданами санитарно-эпидемиологических требований (режима самоизоляции), при ненадлежащем исполнении должностными лицами своих обязанностей, а также в деятельности медицинских работников;

13) пандемия SARS-CoV-2 в зависимости от содержания вынужденных и вредоносных действий, которые медицинский работник может совершить, позволила выделить следующие виды крайней необходимости: а) ситуации, позволяющие проводить медицинское вмешательство при наличии относительных и абсолютных противопоказаний; б) ситуации, позволяющие проводить медицинское вмешательство с нарушением существующих стандартов оказания медицинской помощи; в) ситуации, позволяющие врачу принять решение об отказе в оказании медицинской помощи;

14) действующая редакция ст. 39 УК РФ не позволяет реализовать рекомендации по медицинской сортировке на национальном уровне. В отечественном правовом поле сложилась ситуация пробельности уголовно-правового обеспечения медицинской сортировки. В связи с этим полагаем необходимым внести изменения в УК РФ путем выделения привилегированного вида крайней необходимости, рассчитанной на применение в чрезвычайных условиях, в том числе в обстановке пандемии:

«Статья 39¹. Тriage»

1. Не является преступлением причинение вреда больному при осуществлении медицинской сортировки в условиях пандемии, экологической катастрофы, общественного бедствия или в иных чрезвычайных ситуациях.

2. Правомерность действий медицинского работника, связанные с отказом от помощи больному, определяется на основании специальных правил медицинской сортировки, предусмотренных законодательством в сфере здравоохранения»;

15) в период пандемии Covid-19 проблема обоснованного риска в уголовно-правовом контексте предстала исключительно в медицинской плоскости, причем в двух основных формах: применимость правила об обоснованном риске для случаев использования лекарственных средств, не прошедших всех требуемых стандартами испытаний на безопасность; применимость правила об обоснованном риске для оценки деятельности медицинских работников, которые в отсутствие каких-либо утвержденных алгоритмов лечения, применяют собственные методики либо используют подходы, рекомендуемые другими специалистами, которые, однако же, не получили должной апробации и одобрения со стороны официальных органов в сфере здравоохранения;

16) обоснованный риск в условиях пандемии представляет собой причинение вреда больному, связанное с отступлением от стандартов полного и долговременного исследования лекарственного средства или метода лечения, терапевтическое использование которых основывалось на достаточных теоретических и эмпирических данных, было одобрено коллегиальным мнением специалистов и санкционировано официальными органами в сфере здравоохранения в целях кардинального улучшения эпидемиологической обстановки;

17) норма об обоснованном риске (ст. 41 УК РФ) применительно к медицинской деятельности является «скрыто бланкетной» – в различных нормативных и квазинормативных источниках, иерархически – от

международного уровня до ведомственных инструкций и рекомендаций, конкретизируются и фиксируются обстоятельства, оправдывающие возможность рискованного поведения в оперативно-терапевтической практике;

18) причинение вреда в результате использования не признанных медицинских препаратов либо в ситуациях сознательного нарушения дозировки или при игнорировании имеющихся противопоказаний в условиях устранения непосредственной опасности (например, нарушение дозировки дексаметазона для подавления чрезмерного воспалительного ответа и цитокинового шторма), когда такая опасность уже не могла быть устранена иными способами, не содержит признаков обоснованного риска по смыслу ст. 41 УК РФ и следует оценивать по правилам ст. 39 УК РФ;

19) условиями правомерности обоснованного риска в деятельности медицинских работников в условиях пандемии являются: наличие специальной цели преодоления последствий пандемии; отсутствие известных в медицинской науке и успешно реализованных в лечебной практике способов достижения такой цели; практическое использование в период пандемии нового лекарственного препарата или метода лечения без предварительного прохождения требуемых испытаний должно в целом соответствовать современным научно-техническим знаниям и опыту; предварительное получение добровольного информированного согласия человека на проведение медицинского вмешательства; внедрение лекарственного препарата или метода лечения должно проводиться только лицами, имеющими соответствующую квалификацию; приняты все возможные в условиях пандемии меры для предотвращения вреда испытуемым; правомерность обоснованного риска в медицине должна основываться не на количественном критерии испытуемых, а на отсутствии *заведомой угрозы* для их жизни. При этом внедрение нового лекарственного препарата или метода лечения должно быть проведено с привлечением

минимально необходимого для достижения поставленной цели количества испытуемых;

20) структурно ст. 207¹ УК РФ следует юридико-технической традиции других норм отечественного уголовного закона, предусматривающих ответственность за распространение вредоносной и криминогенной информации. Проявляется это прежде всего признаком публичности, который нашел уже свое обстоятельное разъяснение в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о преступлениях террористической направленности и экстремистского характера;

21) в соответствии с рекомендациями высшей судебной инстанции ст. 207¹ УК РФ может применяться только при отсутствии последствий, являющихся конструктивным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ. Таким образом, диспозиция ст. 207¹ УК РФ не напрямую, но завуалированно содержит так называемые негативные признаки состава преступления, а именно причинение вреда здоровью человека, смерть либо иные тяжкие последствия. И в этом смысле можно сделать вывод, что ст. 207² УК РФ представляет собой квалифицированный вид публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу для жизни и безопасности граждан, выделенный законодателем в рамках отдельной нормы. Законодательное решение, если и не уникальное, то во всяком случае не характерное для конструирования отечественного уголовного закона;

22) по смыслу ст. 207¹ УК РФ уголовно-наказуемым следует признавать лишь такое распространение, когда виновный рассчитывает на восприятие этой информации адресатами как достоверной. Только при таких условиях создается угроза отношениям в сфере обеспечения общественной безопасности и общественного порядка. Если лицо публично распространяет эти данные, изобличая их ложность или контекстно указывая на это, содеянное не обладает необходимой общественной опасностью и не подпадает под действие ст. 207¹ УК РФ;

23) действия лица, публично распространившего несколько заведомо ложных материалов об обстоятельствах, указанных в примечании к ст. 207¹ УК РФ, следует квалифицировать как единое продолжаемое преступление только в том случае, если они были направлены на искажение одного и того же факта (события). Форма передачи информации (текст, аудиозапись, видеоролик) здесь не имеют значения для квалификации. В ситуациях, когда лицо вначале опровергает ложными материалами наличие угрозы заражения и пандемию в целом, позднее доказывает опасность для жизни соответствующей вакцины, распространяет сфабрикованные материалы, дискредитирующие деятельность органов власти в части реализации мер по обеспечению безопасности населения, содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных ст. 207¹ УК РФ;

24) предлагается изложить норму об ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, в следующей редакции:

«Статья 207¹. Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан

1. Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, в условиях чрезвычайного или военного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, в условиях вооруженного конфликта или военных действий -

наказывается штрафом в размере от трехсот тысяч до семисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до восемнадцати месяцев, либо

обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до трех лет.

2. То же деяние, совершенное с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, -

наказывается штрафом в размере от семисот тысяч до одного миллиона пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо исправительными работами на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения либо повлекшие тяжкие последствия, -

наказывается штрафом в размере от одного миллиона пятисот тысяч до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от восемнадцати месяцев до трех лет, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок.

Примечание. Обстоятельствами, представляющими угрозу жизни и безопасности граждан, в настоящей статье признаются чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии, эпизоотии и иные обстоятельства, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения»;

25) непосредственным объектом публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации являются общественные

отношения, связанные с обеспечением достоверности (правдивости) информационного пространства; дополнительным объектом выступают отношения в сфере защиты здоровья личности;

26) в отличие от ст. 207¹ УК РФ общественно значимая информация по смыслу ст. 207² УК РФ не обязательно затрагивает события, ставшие следствием какой-либо чрезвычайной ситуации (эпидемии, эпизоотии и т.п.). Подобная дезинформация может относиться к политическим решениям, разрабатываемым экономическим мерам и т.п.;

27) последствия в ст. 207² УК РФ сформулированы крайне неопределенно, без уточнения степени тяжести вреда здоровью. Полагаем, что говорить о возможности легкого вреда здоровью здесь нельзя по той причине, что неосторожное его причинение по УК РФ не наказуемо в принципе. Причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности по общему правилу также не является преступным. Исключения единичны, – в частности, в ст. 124 УК РФ, где имеется специальная оговорка. Указанное позволяет сделать вывод о том, что с учетом системного толкования отечественного уголовного законодательства по смыслу ч. 1 ст. 207² УК РФ вред здоровью может быть только тяжким;

28) в правоприменительной практике ст. 207² УК РФ не получила своей реализации. Как представляется, причина заключается в конструкции состава, создающей гносеологический тупик в установлении причинно-следственной связи между информационным воздействием и материальными последствиями в виде вреда здоровью человека;

29) как и в ст. 207¹ УК РФ публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации предполагает утверждения субъекта о фактах. Следовательно, субъективные оценки, личное мнение, прямое выражение недоверия и т.п. не подпадают под действие ст. 207² УК РФ. В этом заключается ее принципиальное отличие от ст. 280³ УК РФ, равно как и от ст. 282 УК РФ;

30) уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 207² УК РФ, сконструирована с нарушениями правил юридической техники. Это обуславливает настоятельную необходимость ее законодательной коррекции как в части конститутивных, так и квалифицирующих признаков:

«Статья 207². Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации

1. Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года, -

наказывается штрафом в размере от трехсот тысяч до семисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до трех лет.

2. То же деяние, совершенное с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, -

наказывается штрафом в размере от семисот тысяч до одного миллиона пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо исправительными работами на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения либо повлекшие тяжкие последствия, -

наказывается штрафом в размере от одного миллиона пятисот тысяч до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от восемнадцати месяцев до трех лет, либо

исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок»;

31) объективная сторона нарушения санитарно-эпидемиологических правил в современной редакции ст. 236 УК РФ имеет сложный и альтернативный характер. Законодатель объединил в рамках одной диспозиции признаки неосторожного и умышленного преступления создания опасности. Объективная сторона неосторожного преступления по ст. 236 УК РФ представлена следующими признаками: деяние, связанное с нарушением санитарно-эпидемиологических правил; массовое заболевание или отравление людей; причинно-следственная связь между нарушением санитарных/ эпидемиологических норм и наступившими последствиями. Объективная сторона состава создания опасности по ст. 236 УК РФ включает: нарушение санитарно-эпидемиологических правил; деяние должно быть реализовано способом, сопряженным с угрозой массового заболевания или отравления людей;

32) пандемия SARS-CoV-2 показала, что регулирование в области эпидемиологических ограничений имеет и должно иметь строго адресный / целевой характер. Решение должно приниматься органами власти на местах, хотя и с учетом рекомендаций / критериев / требований федерального уровня. В аспекте действия механизма уголовно-правовой охраны это означает только одно – необходимость использования региональных нормативных актов в качестве юридических (формальных) источников ст. 236 УК РФ. Вместе с тем реализация данного подхода с соблюдением принципов отечественного уголовного права требует модернизации исследуемой уголовно-правовой нормы посредством выделения специального примечания по типу ст. 143 УК РФ;

33) такие конструктивные признаки ст. 236 УК РФ, как «массовое заболевание» и «массовое отравление», являются оценочными. При их установлении необходимо руководствоваться не только количеством потерпевших, но и контагиозностью инфекционного заболевания. В случае с

SARS-CoV-2, с его способностью к быстрому распространению, высоким уровнем смертности и риском наступления иных тяжких последствий для здоровья, нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее заражение даже одного или нескольких человек, необходимо рассматривать как возникновение массового заболевания;

34) в период пандемии Covid-19 субъектом преступления, предусмотренного ст. 236 УК РФ, признавались следующие категории граждан, наделенных специальными признаками: 1) лица, которые в силу своего служебного положения либо выполняемых профессиональных функций должны были соблюдать требования санитарно-эпидемиологических правил в сфере противодействия Covid-19; 2) лица с подтвержденным заболеванием, вызванным новой коронавирусной инфекцией, получившие соответствующее уведомление о необходимости соблюдения карантинных ограничений;

35) в период пандемии Covid-19 свое оформление получила довольно неоднозначная судебная практика в части привлечения к ответственности за подстрекательство *неограниченного круга лиц* к нарушению санитарно-эпидемиологических правил. Следовательно, была допущена возможность так называемого безадресного подстрекательства в отношении индивидуально неопределенного круга лиц. Такая конструкция в отечественной науке уголовного права традиционно считалась и считается недопустимой. На уровне искусственного расширения интерпретационной емкости подстрекательства противодействие публичным призывам к нарушению санитарно-эпидемиологических правил в период пандемии является неприемлемым. Данная проблема может иметь законодательное разрешение – по типу выделения специального основания ответственности за соответствующие призывы (по типу ч. 3 ст. 212 УК РФ). Другим решением является квалификация таких призывов по ст. 207¹ УК РФ;

36) с учетом высказанных замечаний относительно описания нарушения санитарно-эпидемиологических правил в отечественном уголовном законе предлагается следующая редакция нормы:

«Статья 236. Нарушение санитарно-эпидемиологических правил

1. Нарушение санитарно-эпидемиологических правил, создавшее угрозу массового заболевания или отравления людей, -

наказывается штрафом в размере от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет.

2. То же деяние, повлекшее по неосторожности массовое заболевание или отравление людей, -

наказывается штрафом в размере от пятисот тысяч до семисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до восемнадцати месяцев, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до трех лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок.

3. Деяние, предусмотренное частью первой или второй настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть человека, -

наказывается штрафом в размере от одного миллиона рублей до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо ограничением свободы на срок от двух до четырех лет, либо принудительными работами на срок от трех до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок.

4. Деяние, предусмотренное частью первой или второй настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц, -

наказывается принудительными работами на срок от четырех до пяти лет либо лишением свободы на срок от пяти до семи лет».

Примечание. Под санитарно-эпидемиологическими правилами в настоящей статье понимаются государственные нормативные стандарты и требования, обеспечивающие санитарно-эпидемиологическое благополучие людей, содержащиеся в федеральных законах, иных нормативных правовых актах Российской Федерации, законах и иных нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

2. Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164) (заключена в г. Овьедо 04.04.1997, с изм. от 25.01.2005). Документ вступил в силу 1 декабря 1999 года. Россия не участвует [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (с послед. изм.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (с послед. изм.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

5. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

6. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федеральный закон от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

7. Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих: Постановление Правительства Российской Федерации от 01.12.2004 г. № 715 (в ред. постановления от 31.01.2020 г. № 66) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

8. Об утверждении санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.3597-20 «Профилактика новой коронавирусной инфекции (COVID-19): (вместе с СП 3.1.3597-20 «Санитарно-эпидемиологические правила...»): Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 22.05.2020 № 15 (ред. от 20.06.2022) (зарегистрировано в Минюсте России 26.05.2020 № 58465) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

9. Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 3.3686-21 «Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней» (вместе с СанПиН 3.3686-21 «Санитарные правила и нормы...»): Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 № 4 (ред. от 25.05.2022) (зарегистрировано в Минюсте России 15.02.2021 № 62500) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

10. О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19): Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 19.03.2020 №198н [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

11. Инструкция по диагностике, медицинской сортировке и лечению острых радиационных поражений (утв. Минздравом СССР 30.09.1977, Минобороны СССР 01.11.1977); ГОСТ Р 22.3.02-94. Государственный стандарт Российской Федерации. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Лечебно-эвакуационное обеспечение населения. Общие требования (принят и введен в действие Постановлением Госстандарта России от 22.12.1994 № 324) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

12. Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Версия 15 (22.02.2022): Временные методические рекомендации (утв. Минздравом России) (вместе с «Инструкцией по проведению диагностики COVID-19 с применением методов амплификации нуклеиновых кислот», «Инструкцией по проведению диагностики COVID-19 с применением иммунохимических методов», «Рекомендованными схемами лечения в амбулаторных условиях», «Рекомендованными схемами лечения в условиях стационара», «Инструкцией по соблюдению мер инфекционной безопасности для выездных бригад скорой медицинской помощи») // СПС «КонсультантПлюс».

13. Порядок проведения вакцинации против новой коронавирусной инфекции (COVID-19): Временные методические рекомендации // СПС «КонсультантПлюс».

14. О введении режима повышенной готовности: Указ Мэра Москвы от 05.03.2020 № 12-УМ (ред. от 06.10.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

15. Об особенностях применения мер ответственности за нарушение организациями и индивидуальными предпринимателями режима повышенной готовности в городе Москве: Указ Мэра Москвы от 04.04.2020 N 40-УМ (ред. от 01.10.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

16. О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области: Постановление Губернатора МО от 12.03.2020 № 108-ПГ (ред. от 15.03.2022) [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс».

Материалы судебной практики

17. Апелляционное постановление Сахалинского областного суда от 29 июня 2020 г. по делу № 22-756.
18. Апелляционное постановление Хабаровского краевого суда от 03 февраля 2022 г. по делу № 22-222/2022.
19. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 1 июля 2021 г. по делу № 77-1968/2021.
20. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 9 ноября 2021 г. по делу № 77-4915/2021.
21. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 7 апреля 2022 г. по делу № 77-952/2022.
22. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (Covid-19) №1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
23. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (Covid-19) № 2 (Утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30. 04. 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».
24. Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
25. По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению

распространения новой коронавирусной инфекции (Covid-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области: Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П // СПС «КонсультантПлюс».

26. Постановление Буйнакского городского суда Республики Дагестан от 2 июля 2020 г. по делу № 1-110/2020.

27. Постановление Благовещенского городского суда Амурской области от 8 сентября 2020 г. по делу № 1-925/2020.

28. Постановление Карабудахкентского районного суда Республики Дагестан от 12 октября 2020 г. по делу № 1-230/2020.

29. Постановление Нефтеюганского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 27 мая 2020 г. по делу № 1-305/2020.

30. Постановление Одинцовского городского суда Московской области от 3 сентября 2020 г. по делу № 1-747/2020.

31. Постановление Суксунского районного суда Пермского края от 29 октября 2020 г. по делу № 5-298/2020.

32. Постановление Чеховского городского суда Московской области от 20 октября 2020 г. по делу № 1-265/2020.

33. Постановление Элистинского городского суда Республики Калмыкия от 14 апреля 2021 г. по делу № 5-1177/2021.

34. Приговор Альметьевского городского суда от 18 мая 2020 г. по делу № 1-18/2020.

35. Приговор Балахнинского городского суда Нижегородской области от 21 июля 2020 г. по делу № 1-208/2020.

36. Приговор Богородского городского суда Нижегородской области от 11 ноября 2020 г. по делу № 1-194/2020.

37. Приговор Железнодорожного районного суда города Хабаровска от 12 ноября 2021 г. по делу № 1-398/2021.

38. Приговор Куйбышевского районного суда города Новокузнецка от 30 сентября 2021 г. по делу № 1-336/2021.
39. Приговор Лабытнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 30 сентября 2020 г. по делу № 1-158/2020.
40. Приговор Московского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики от 10 августа 2020 г. по делу № 1-309/2020.
41. Приговор Новоуренгойского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 9 февраля 2021 г. по делу № 1-61/2021.
42. Приговор Новочеркасского городского суда Ростовской области от 26 июня 2020 г. по делу № 1-357/2020.
43. Приговор Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону от 3 июля 2020 г. по делу № 1-364/2020.
44. Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Перми от 20 июля 2020 по делу № 1-281/2020.
45. Приговор Преображенского районного суда города Москвы от 20 августа 2021 г. по делу № 1-523/2021.
46. Приговор Псковского городского суда Псковской области от 26 ноября 2020 г. по делу № 1-583/2020.
47. Приговор Радужнинского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 29 июля 2020 г. по делу № 1-74/20.
48. Приговор Симоновского районного суда г. Москвы от 23 ноября 2020 г. по делу № 1-285/2020.
49. Приговор Южно-Сахалинского городского суда от 27 июля 2020 г. по делу № 1-888/20.
50. Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 17 сентября 2020 г. по делу № 1-1610/2020.
51. Решение Мариинско-Посадского районного суда Чувашской Республики от 17 января 2022 г. по делу № 12-3/2022 (12-57/2021).
52. Решение Первомайского районного суда Нижегородской области от 17 июля 2020 г. по делу № 12-18/2020.

Монографии, учебники и учебные пособия

53. Агапов, П.В. Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций / П.В. Агапов и др.; под ред. О.С. Капинус; рук. авт. кол. К.В. Ображиев. – М.:Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2015. – 484 с.
54. Арямов, А.А. Правомерное причинение вреда: / А. А. Арямов. – Челябинск: Издательство Т. Лурье, 2004. – 340 с.
55. Аськов, Н.Н. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния, при оказании медицинской помощи: /Н.Н. Аськов., – М.: Юрлитинформ, 2022. – 184 с.
56. Бабаев, М.М. Проблемы российской уголовной политики: / М.М. Бабаев, Пудовочкин Ю.Е.– М.: Проспект, 2014. – 296 с.
57. Бабурин, В.В. Понятие и виды риска в уголовном праве: / В.В. Бабурин – Омск: Омская академия МВД России, 2006. – 104 с.
58. Блинников, В.А. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния, в уголовном праве России: / В.А. Блинников – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2001. – 235 с.
59. Дорогин Д.А. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность: / Д.А. Дорогин – М.: Юрлитинформ, 2013. – 624 с.
60. Жданов, Ю.Н. Covid-19: преступность, кибербезопасность, общество, полиция: / Ю.Н. Жданов, С.К. Кузнецов, В.С, Овчинский – М.: Международные отношения, 2020. – 448 с.
61. Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования: монография / Н.Г. Кадников – М.: ИД Юриспруденция, 2019. – 336 с.
62. Кибальник, А.Г. Актуальные проблемы уголовной ответственности медицинских работников: /А.Г. Кибальник, Я.В. Старостина – М.: Илекса, 2006. – 92 с.
63. Квалификация преступлений: учебное пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. К.В. Ображиева, д-ра юрид. наук, проф. Н.И. Пикурова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 448 с.

64. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). – 5-е изд., перераб. и доп. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. С. Ф. Дьякова, д-ра юрид. наук, проф. Н. Г. Кадникова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2017. – 1072 с.

65. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) 7-е изд., перераб. и доп. / под ред. Г.А. Есакова. – М., 2017 // СПС «КонсультантПлюс».

66. Крылова, Н.Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений: / Н.Е. Крылова – М.: Инфра-М, 2006. – 320 с.

67. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений: / В.Н. Кудрявцев – М., 2006. – 304 с.

68. Медицинское уголовное право: монография / отв. ред. А.И. Рарог. М.: Проспект, 2022. – 576 с.

69. Мирошниченко, Н.В. Теоретические основы уголовной ответственности за преступления, связанные с нарушением специальных функций: монография / Н.В. Мирошниченко – М.: Юрлитинформ, 2014. – 384 с.

70. Ображиев, К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права: монография / К.В. Ображиев – М.: Юрлитинформ, 2015. – 502 с.

71. Орехов, В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния:/В.В. Орехов – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 217 с.

72. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / П.С. Дагель, Г.А.Злобин, С.Г. Келина, Г.Л. Кригер, и др.; Отв. ред.: В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев – М.: Наука, 1982. – 303 с.

73. Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости: / С.В. Пархоменко – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 267 с.

74. Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава: монография / Н.И. Пикуров – М.: Российская академия правосудия, 2009. – 288 с.

75. Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления: учебное пособие / Ю.Е. Пудовочкин – М.: Юрлитинформ, 2009. – 248 с.

76. Пудовочкин Ю.Е. Квалификация соучастия в преступлении. Судебная практика: научно-практическое пособие / Ю.Е. Пудовочкин – М., 2017. – 174 с.

77. Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография / А.И. Рарог – М.: Издательство Проспект, 2015. – 232 с.

78. Русскевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения: монография / Е.А. Русскевич – М.: Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2019. – 227 с.

79. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 3: Особенная часть (главы XI – XXI). – М., 2010. – 704 с.

80. Российское уголовное право: в 2 т. Т. 2.: Особенная часть: учебник / под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, д-ра юрид. наук, проф. Э.Ф. Побегайло. – М., 2008. – 752 с.

81. Сухаренко А.Н. Криминальные вызовы пандемии Covid-19 в России: научно-практическое пособие / А. Н. Сухаренко, М.М. Савченко Ю.В. Трунцевский – М.: Проспект, 2021. – 336 с.

82. Уголовная ответственность за преступления, связанные с нарушением специальных правил: монография / Колл. авт. В.К. Андрианов, В.Б. Боровиков, О.А. Мотин и др. / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РГУП, 2018. – 456 с.

83. Уголовный закон в практике районного суда: науч.-практ. пособие / под ред. А.В. Галаховой. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2010. – 975 с.

84. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, профессора В.К. Дуюнова. – 6-е изд. – М., 2019. – 780 с.
85. Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. д-р юрид. наук, проф. Н.Г. Кадникова. – М., 2018. – 836 с.
86. Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / под ред. А.И. Чучаева. – М., 2014. – 448 с.
87. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. А.И. Рарог. – М., 2015. – 496 с.
88. Уголовное право России. Часть Особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов. – М., 2014. – 818 с.
89. Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. – 5-е изд., изм. и доп. – М., 2013. – 912 с.
90. Фефелов, П.А. Механизм уголовно-правовой охраны (основные методологические проблемы) / П.А. Фефелов – М.: Наука, 1992. – 232 с.
91. Чистяков А.А. Обоснованный риск в уголовном праве Российской Федерации: А.А. Чистяков, А.Н. Павлухин, С.С. Захаров, Н.Д. Эриашвили / Под ред. А.А. Чистякова. – М.: Юнити-Дана, 2007. – 157 с.
92. Энциклопедия уголовного права. Т.7: Обстоятельства, исключающие преступность деяния. – СПб.: Издание профессора Малинина, 2007. – 723 с.
93. Яценко, Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования: монография / Б.В. Яценко – М.: Изд-во МЮИ МВД России, 1996. – 226 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

94. Адылханов, М.Г. Уголовно-правовые гарантии свободы слова: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Адылханов Малик Гиябиевич. – Краснодар, 2019. – 203 с.
95. Аськов, Н.Н. Уголовно-правовые предписания об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в применении к

медицинскому работнику: автореф. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Аськов Николай Николаевич. – Самара, 2021. – 24 с.

96. Бабурин, В.В. Риск как основание дифференциации уголовной ответственности: автореф. Дис....д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Бабурин Василий Васильевич. – Омск, 2009. – 44 с.

97. Берестовой, А.Н. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Берестовой Андрей Николаевич. – СПб. 1999. – 20 с.

98. Блинов, А.Г. Учение об уголовно-правовой охране прав и свобод пациента: автореф. дис ...д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Блинов Александр Георгиевич. – Саратов, 2014. – 46 с.

99. Дмитренко, А.П. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве России: основы теории, законодательной регламентации и правоприменения: дис. ...д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Дмитренко Андрей Петрович. – М., 2010. – 522 с.

100. Дорогин, Д.А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Дорогин Дмитрий Александрович. – М., 2013. – 26 с.

101. Жигунов, А.К. Хирургическое лечение больных с сочетанными сосудисто-костными повреждениями конечностей: дис. ...д-ра мед. наук: 14.00.44 / Жигунов Аскар Каральбиевич. – М., 2007. – 243 с.

102. Ильюхов, А.А. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ильюхов Алексей Александрович. – М., 2001. – 175 с.

103. Исаев, Ф.В. Влияние периоперационных факторов и метода анестезии на частоту когнитивных расстройств в послеоперационном периоде: дис. ...канд. мед. наук: 14.00.37 / Исаев Федор Викторович. – М., 2004. – 95 с.

104. Кунов, И.М. Уголовно-правовое противодействие распространению криминогенной информации: дис. ...канд. юрид. наук:

12.00.08 / Кунов Инвер Мурадинович. – Краснодар, 2017. – 208 с.

105. Лесниевски-Костарева, Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Лесниевски-Костарева Татьяна Александровна. – М., 1999. – 493 с.

106. Мешаков, Д.П. Показания и противопоказания к продленной и длительной искусственной вентиляции легких у раненых и пострадавших: дис. ... канд. мед. наук: 14.00.37 / Мешаков Дмитрий Петрович. – СПб., 2005. – 129 с.

107. Мирошниченко, Н.В. Причинение медицинскими работниками смерти и вреда здоровью пациентов: уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Мирошниченко Надежда Викторовна. – Пятигорск, 2007. – 195 с.

108. Нарыкова, С. П. Системный подход к исследованию механизма правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Нарыкова Светлана Петровна. – М., 2006. – 180 с.

109. Павлова, Н.В. Уголовно-правовое регулирование медицинской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Павлова Наталья Владимировна. – М., 2006. – 201 с.

110. Пархоменко, С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Пархоменко Светлана Валерьевна. – Иркутск, 2004. – 339 с.

111. Полупан, Г.Ю. Уголовная ответственность за создание опасности: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Полупан Галина Юрьевна. – М., 2013. – 22 с.

112. Рогова, Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Рогова Евгения Викторовна. – М., 2014. – 596 с.

113. Серова, А.В. Профессиональный риск медицинских работников как вид обоснованного риска: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Серова Алена Владимировна. – Екатеринбург, 1999. – 22 с.

114. Сингаевский, А.Б. Пути улучшения исходов лечения тяжелой сочетанной травмы мирного и военного времени: дис. ...д-ра мед. наук: 14.00.27 / Сингаевский Андрей Борисович. – СПб., 2003. – 284 с.

115. Старостина, Я.В. Проблемы уголовной ответственности медицинских работников: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Старостина Яна Валерьевна. – Ставрополь, 2005. – 21 с.

116. Щепельков, В.Ф. Уголовный закон как формально-логическая система: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Щепельков Владислав Федорович. – СПб., 2003. – 484 с.

117. Шубина, В.Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шубина Вероника Юрьевна. – Краснодар, 2012. – 34 с.

118. Шурдумов, А.Ю. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шурдумов Анзор Юрьевич. – М., 2003. – 190 с.

Научные статьи

119. Акопов, В.И. Проблемы обоснованного риска в медицинской практике / В.И. Акопов // Проблемы экспертизы в медицине. – 2001. – № 1. – С. 8 – 10.

120. Балабанова, Р.М. Актуальные вопросы проведения клинических исследований лекарственных средств / Р.М. Балабанов // Научно-практическая ревматология. – 2001. – № 2. – С. 65 – 68.

121. Бахур, О.И. О принудительных мерах изоляции и лечения (или изоляции и медицинского наблюдения) инфекционных больных, инфицированных и контактировавших с ними лиц/ О.И. Бахур, А.А. Примаченок // Юстиция Беларуси. – 2020. – № 4. – С. 11 – 12.

122. Бимбинов, А.А. Уголовная ответственность за распространение коронавируса / А.А. Бимбинов // Уголовный процесс. – 2020. – № 5. – С. 52 – 61.

123. Битеев, В. Крайняя необходимость и обоснованный риск в медицинских отношениях / В. Битаев, П. Мазин, Г. Понамарев // Уголовное право. – 2001. – № 3. – С. 22 – 24.

124. Блинов А.Г. Уголовно-правовые гарантии осуществления биомедицинских исследований / А.Г. Блинов // Эффективный менеджмент здравоохранения: стратегии инноваций: III Международная научно-практическая конференция. Саратов, 29–30 сентября 2022 года: сборник материалов / ред. коллегия: А.С. Федонников, И.Г. Новокрещенова, М.В. Еругина, Е.А. Андриянова. – Саратов, 2022. – С. 41 – 44.

125. Борхсениус, А.В. Инфодемия: понятие, социальные и политические последствия, методы борьбы / А.В. Борхсениус // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2021. – Т. 8. № 1. – С. 52 – 58.

126. Бриллиантов, А.В. О направлениях совершенствования уголовного закона / А.В. Бриллиантов // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 4 (22). – С. 7 – 13.

127. Варламова, Н.В. Пандемия Covid-19 как вызов конституционному правопорядку / Н.В.Варламова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2020. – № 6. – С. 17 – 30.

128. Вишневецкий, К.В. О необходимости обеспечения уголовно-правовой охраны генерации, использования и оборота QR-кодов в сфере безопасности и обеспечения благополучия населения / К.В. Вишневецкий, А.А. Кашкаров, А.А. Кашкаров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 1. – С. 90 – 94.

129. Вешняков, Д.Ю. Квалификация публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207¹ УК РФ) / Д.Ю. Вешняков // Законность. – 2021. – № 7. – С. 36 – 40.

130. Волков, К.А. Новая коронавирусная инфекция (COVID-19) и уголовный закон / К.А. Волков // Российская юстиция. – 2020. – № 7. – С. 52

– 55.

131. Волков, К.А. Преступления, связанные с противодействием распространению коронавирусной инфекции Covid-19: понятие, тенденции, проблемы / К.А. Волков // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. – М., 2021. – С. 708 – 713.

132. Горбачев, В.И. Нормативно-правовое обеспечение педиатрической анестезиолого-реанимационной помощи / В.И. Горбачев, А.Н. Шмаков // Медицинское право. – 2020. – № 1. – С. 41 – 47.

133. Гордейчик, С.А. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации / С.А. Гордейчик // Российская юстиция. – 2020. – № 6. – С. 72.

134. Горовых В.Ю. Уголовная ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил как средство предупреждения социально значимых заболеваний / В.Ю. Горовых // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 6. – С. 86 – 89.

135. Густова, Э.В. Анализ некоторых новелл уголовного закона Российской Федерации // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции / Э.В. Густова, Е.И. Марков – М.: РГ-Пресс, 2021. – С. 137 – 141.

136. Ермолович, Я.Н. Уголовная ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил / Я.Н. Ермолович // Военное право. – 2021. – № 3 (67). – С. 192 – 201.

137. Ефремова, М.А. Преступность в условиях цифровизации и пандемии коронавируса // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции / М.А. Ефремова, А.А. Шутова – М.: РГ-Пресс, 2021. – С. 94 – 97.

138. Ефремова, М.А. Уголовная ответственность за распространение заведомо ложных сведений в период пандемии: вопросы теории и практики / М.А. Ефремова, А.А. Шутова, А.А. Никифорова // Вестник Удмуртского

университета. – 2021. – Т. 31. Вып. 1. – С. 81 – 89.

139. Ефремова, М.А. Трансформация российского административного и уголовного законодательства в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (Covid-19) / М.А. Ефремова, А.А. Шутова, А.А. Никифорова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 3 (94). – С. 232 – 248.

140. Зайцев, О.А. Реализация уголовно-процессуальных отношений в условиях пандемии Covid-19 / О.А. Зайцев // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 2. – С. 149 – 151.

141. Зигмунт, О.А. Глобальные потрясения, преступность и ее предупреждение на примере пандемии коронавируса (Covid-19) / О.А. Зигмунт // Право, его применение и реализация в эпоху глобальных вызовов и меняющейся реальности. VI Тихоокеанский юридический форум, 8 ноября 2021 г.: материалы / сост. В.В. Гаврилов. – Владивосток, 2021. – С. 181 – 185.

142. Иванов, А.М. Проблемы правового регулирования последствий преодоления «пандемии» / А.М. Иванов // Право, его применение и реализация в эпоху глобальных вызовов и меняющейся реальности. VI Тихоокеанский юридический форум, 8 ноября 2021 г.: материалы / сост. В.В. Гаврилов. – Владивосток, 2021. – С. 403 – 407.

143. Иванов, Н.Г. Качество уголовного закона и социально значимая ценность, нуждающаяся в криминализации / Н.Г. Иванов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIV Международной научно-практической конференции (26-27 января 2017 г.). – М., 2017. – С. 77 – 80.

144. Капинус, О.С. Актуальные биоэтические проблемы и их правовое измерение / О.С. Капинус // Государство и право. – 2021. – № 11. – С. 100 – 110.

145. Карабанова, Е.Н. К вопросу о перспективе использования административной преюдиции в уголовном праве России / Е.Н. Карабанова, К.В. Цепелев // Российская юстиция. – 2020. – № 11. – С. 57 – 60.

146. Карягина, О.В. Особенности уголовной ответственности за

нарушение санитарно-эпидемиологических правил в условиях угрозы распространения коронавируса в РФ: анализ новаций / О.В. Карягина // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2020. – № 1 (31). – С. 49 – 52.

147. Кауфман, М.А. Пробельность, неопределенность, избыточность уголовного законодательства как криминогенные факторы / М.А. Кауфман материалы X Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26 – 27 мая 2016 г. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. В. С. Комиссаров. – М., 2016. – С. 100 – 105.

148. Кибальник, А.Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию / А.Г. Кибальник // Законность. – 2020. – № 5. – С. 41 – 44.

149. Колоколов, А.В. Вопросы уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил в условиях распространения коронавирусной инфекции (Covid-19) / А.В. Колоколов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2020. – № 2 (28). – С. 57 – 63.

150. Красуцких, Л.В. Субъективные признаки общественно обоснованного риска в сфере медицинской деятельности / Л.В. Красуцких, Е.В. Евстратенко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2014. – № 3. – С. 36 – 39.

151. Креховец, А.В. Новые направления криминализации в уголовном законодательстве зарубежных стран в условиях Covid -19 / А.В. Креховец, А.А. Никифоров // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIX Международной научно-практической конференции. – М.: Блок-Принт, 2022. – С. 215 – 219.

152. Кругликов, Л.Л. Тяжкие последствия в уголовном праве: объективные и субъективные признаки / Л.Л. Кругликов // Уголовное право. – 2010. – № 5. – С. 38 – 46.

153. Кругликов, Л.Л. Сбои в конструировании санкций в уголовном законодательстве / Л.Л. Кругликов // Юридическая техника. – 2008. – № 2. –

С. 110 – 114.

154. Крылова, Н. Крайняя необходимость в медицинской деятельности: некоторые вопросы практического применения / Н. Крылова, Н. Павлова // Уголовное право. – 2005. – № 1. – С. 41 – 44.

155. Кудрявцев, В.Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления / В.Н. Кудрявцев // Советское государство и право. – 1951. – № 8. – С. 51 – 60.

156. Кущенко, В.В. Нормативно-правовое регулирование клинических исследований / В.В. Кущенко // Региональная фармакотерапия в кардиологии. – 2006. – № 1. – С. 93 – 98.

157. Латыпова, Э.Ю. О спорных вопросах содержания некоторых обстоятельств, исключающих преступность деяния, в свете пандемии Covid-19 / Э.Ю. Латыпова // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако», 22-23 мая 2020 г. – Тамбов, 2020. – С. 399 – 404.

158. Левандовская, М.Г. Общественно-значимая информация как предмет преступлений против общественной безопасности / М.Г. Левандовская // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. – М.: РГ-Пресс, 2021. – С. 177 – 181.

159. Мавед, Е.О. Медицинский эксперимент: морально-правовой аспект/ Е.О. Мавед // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2013. – № 1 (13). – С. 135 – 143.

160. Малышева, Ю.Ю. «Неотложные аспекты» ятрогенных преступлений / Ю.Ю. Малышева // Судья. – 2020. – № 2. – С. 23 – 27.

161. Маляева, Е.О. Причинение смерти медицинскими работниками в результате медицинского эксперимента: проблемы уголовной ответственности / Е.О. Маляева // Медицинское право. – 2004. – № 2. – С. 42 – 45.

162. Мартыненко, Н.Э. Влияние Covid-19 на изменение уголовного

закона и состояние преступности / Н.Э. Мартыненко // Российский следователь. – 2020. – № 9. – С. 37 – 40.

163. Мачульская, Е.Е. COVID-19: новые вызовы для инвалидов / Е.Е. Мачульская // Социальное и пенсионное право. – 2021. – № 2. – С. 20 – 26.

164. Милюков, С.Ф. Криминологические хроники времен пандемии / С.Ф. Милюков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 2. – С. 13 – 18.

165. Невзгодина, Е.Л. Проблема соотношения крайней необходимости и обоснованного врачебного риска при оказании медицинской помощи / Е.Л. Невзгодина // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2015. – №1 (42). – С. 126 – 130.

166. Никитина, И.О. Медицинский эксперимент: вопросы правового регулирования / И.О. Никитина // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – №1. – С. 254 – 255.

167. Норвартян, Ю.С. Нарушение санитарно-эпидемиологических правил: вопросы криминализации и законодательной регламентации / Ю.С. Норвартян // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 8 (84). – С. 110 – 117.

168. Ображиев, К.В. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, сущность и виды / К.В. Ображиев, А.С. Шуйский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 12. – С. 116 – 122.

169. Пичугин, С.А. Специфика уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил в условиях распространения новой коронавирусной инфекции / С.А. Пичугин, И.А. Тараканов // Вестник Владимирского юридического института. – 2020. – № 4 (57). – С. 107 – 111.

170. Поспелова, С.И. «Угроза массового заболевания людей» как признак преступления: новелла уголовного закона в период пандемии Covid-19 / С.И. Поспелова // Медицинское право. – 2021. – № 3. – С. 29 – 36.

171. Пудовочкин, Ю.Е. Судебная практика квалификации

преступлений, совершенных в соучастии / Ю.Е. Пудовочкин // Криминологический журнал БГУЭП. – 2011. – № 2 (16). – С. 5 – 15.

172. Рогова, Е.В. Правила построения квалифицирующих и привилегирующих признаков состава преступления / Е.В. Рогова // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 5. – С. 172 – 178.

173. Саранцев, К.А. Медицинский риск как разновидность обоснованного риска и особенности его оценки при расследовании преступно-ненадлежащего оказания медицинской помощи / К.А. Саранцев // Российский следователь. – 2013. – № 3. – С.10 – 12.

174. Сидоренко, Э.Л. Частноправовые механизмы уголовно-правовой защиты личности / Э.Л. Сидоренко // Журнал российского права. – 2017. – № 8. – С. 65 – 72.

175. Сулопаров, А.В. Соответствие норм Уголовного кодекса России принципу единства и определенности терминологии на примере терминов «информация», «сведения», «данные» / А.В. Сулопаров // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 11. – С. 94 – 98.

176. Трахов, А. И. Распространение заведомо ложной информации (ст. 207¹ и 207² УК РФ): новые составы преступлений с признаком публичности / А.И. Трахов, З.М. Бешукова // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 6 (148). – С. 78 – 82.

177. Шкабин, Г.С. Уголовное право в период пандемии Covid-19 (осмысление новой реальности) / Г.С. Шкабин // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 3 (58). – С. 94 – 99.

178. Шкабин, Г.С. Пандемия Covid-19 как источник опасности при крайней необходимости / Г.С. Шкабин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2020. – № 3. – С. 40 – 50.

179. Штаге, Д. Уклонение от уплаты налогов путем подачи заявки на отсрочку платежа во время пандемии Covid-19 / Д. Штаге // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-

практической конференции. – М.: РГ-Пресс, 2021. – С. 587 – 592.

180. Яцеленко, Б.В. Проблемы преодоления неопределенности уголовно-правовых запретов при конкуренции норм, образующих институт соучастия в преступлении / Б.В. Яцеленко // Вестник Российской правовой академии. – 2019. – № 3. – С. 17 – 22.

181. Яцеленко, Б. В. Проблемы соблюдения принципа законности в контексте совершенствования уголовного законодательства России / Б.В. Яцеленко // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 128 – 132.

182. Яцеленко, Б.В. Реализация принципов законности и вины при квалификации преступлений с бланкетными признаками состава / Б.В. Яцеленко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 4 (54). – С. 19 – 26.

Иные источники и электронные ресурсы

183. Емельяненко, А. Чем отличаются три зарегистрированных вакцины от Covid-19 / А. Емельяненко // Российская газета. 2021. 20 февр.

184. Заявление о вопросах медицинской этики в период катастроф. Принято 46-й Всемирной медицинской ассоциацией. Стокгольм. Швеция. 1994 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.unesco.org (дата обращения: 12 июля 2022 г.).

185. Кошкина, Ю. Росфинмониторинг сообщил об отмывании денег под видом борьбы с пандемией / Ю. Кошкина // RBK-Daily. 2021. 18 февр.

186. Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru>.

187. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdcp.ru>.

188. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genproc.gov.ru>.

189. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sledcom.ru>.

190. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mvd.ru>.
191. Нагорная, М. Адвокаты проанализировали второй «коронавирусный» обзор Верховного Суда / М. Нагорная // Адвокатская газета. 2020. 7 мая.
192. Не укольню: в России возбудили 1101 дело о продаже Covid-сертификатов / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/society/51279913/?from=newsapp>
193. Рекомендации ВОЗ для населения в связи с распространением нового коронавируса (2019-nCoV): мифы и ложные представления // Всемирная организация здравоохранения. 23.11.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public/myth-busters>
194. Специалисты из COVID19MisInfo.org изучили более 2300 фейковых сообщений о Covid-19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.covid19misinfo.org>.
195. Старостина, Ю. Падение экономики России из-за пандемии стало максимальным за 11 лет / Ю. Старостина // RBC-Daily. 2021. 1 февр.
196. Трифонов, В. Аппараты ИВЛ не выдержали проверку временем / В. Трифанов // Коммерсант. 2020. 18 мая.
197. Трифонова, Е. Масочный режим / Е. Трифанова // Восточно-сибирская правда. 2020. 8 дек.
198. Цена ковида: Роспотребнадзор оценил ущерб от пандемии / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2021/07/05/13701374.shtml?ysclid=l4e9m1u6mf466911033>
199. Addendum to the General Survey: Promoting employment and decent work in a changing landscape. International Labour Organization. Geneva, 2021 / [Электронный ресурс] // URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_775883.pdf.

200. Hungary Seeks Power to Jail Journalists over «False Information» in COVID-19 Coverage, Council of Europe Platform Alert No. 30/2020, 23 March 2020. For detailed analysis, see Hungarian Helsinki committee, «Background note on act XII of 2020 on the containment of the COVID-19», 31 March 2020: https://www.helsinki.hu/wp-content/uploads/HHC_background_note_Authorization_Act_31032020.pdf.

201. Erebara, G., Albania Prosecutors to Probe Panic-Mongering About Coronavirus, 24 February 2020 / [Электронный ресурс] // URL: <https://balkaninsight.com/2020/02/24/albania-prosecutors-open-investigation-over-corona-virus-panic-spreading-information/>

202. Joseph Lelliott, Andreas Schloenhardt and Ruby Ioannou. Pandemics, Punishment, and Public Health: COVID-19 and Criminal Law in Australia / [Электронный ресурс] // URL: <https://www.unswlawjournal.unsw.edu.au/article/pandemics-punishment-and-public-health-covid-19-and-criminal-law-in-australia/>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сведения о проведенном социологическом исследовании (анкетирование)

Методика проведения: _анкетирование осуществлялось по заранее разработанным анкетам 3-х моделей («Юрист», «Медик» и «Гражданин»).

Опросные листы предоставлялись опрашиваемым лично, а также посредством современных средств коммуникации (информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»).

Результаты анкетирования непосредственно изучались и обобщались диссертантом; автоматизированные средства анализа задействованы не были.

Период проведения исследования: январь 2021 г. – январь 2022 г.

География проведения исследования: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская область, Ростовская область, Краснодарский край, Ставропольский край.

Сведения об анкетированных: всего 227 (состав: 18 судей, 15 прокуроров и их помощников, 26 адвокатов, 62 следователя и дознавателя, 36 кандидатов и докторов юридических наук по основным теоретическим аспектам, связанным с уголовно-правовым регулированием в условиях пандемии, 25 работников медицинских учреждений, 45 граждан).

Примечание: полученные результаты социологического исследования (приведены по тексту диссертации) были округлены до целого значения; 18 анкет были получены с частичным заполнением ответов на поставленные вопросы либо с не читаемыми ответами и не были учтены при подсчете результатов социологического исследования.

Сведения о проведенном социологическом исследовании (интервьюирование)

Методика проведения: _интервьюирование осуществлялось в очном и дистанционном формате с использованием заранее подготовленного конспекта дискуссии. Кандидатуры интервьюируемых определялись после

изучения полученных результатов анкетирования. Результаты непосредственно изучались и обобщались диссертантом; автоматизированные средства анализа задействованы не были.

Период проведения исследования: декабрь 2021 г. – март 2022 г.

География проведения исследования: г. Москва, г. Санкт-Петербург и Краснодарский край.

Сведения об интервьюируемых: всего 27 человек (состав: 5 судей, 5 адвокатов, 10 следователей, 3 кандидата и 4 доктора юридических наук по основным теоретическим аспектам, связанным с уголовно-правовым регулированием в условиях пандемии).